

А. СКОРОДИНСКІЙ.

~~50~~

~~АГ 1991~~

~~3-й экз.~~

С445

КЪ ПЕРЕСМОТРУ

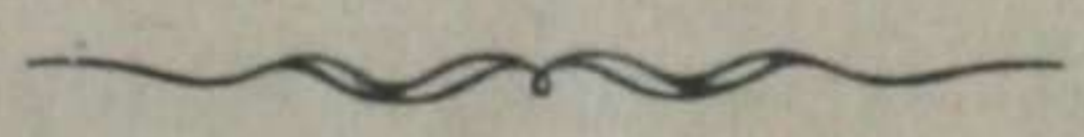
ПОЛОЖЕНІЯ О ПРИВИЛЕГІЯХЪ

1896 года

НА ИЗОБРЪТЕНІЯ.

~~72422~~
42388.
ПРОВЕРЕНО

~~5420~~ ✓

ПОЛУЧЕНО
15389

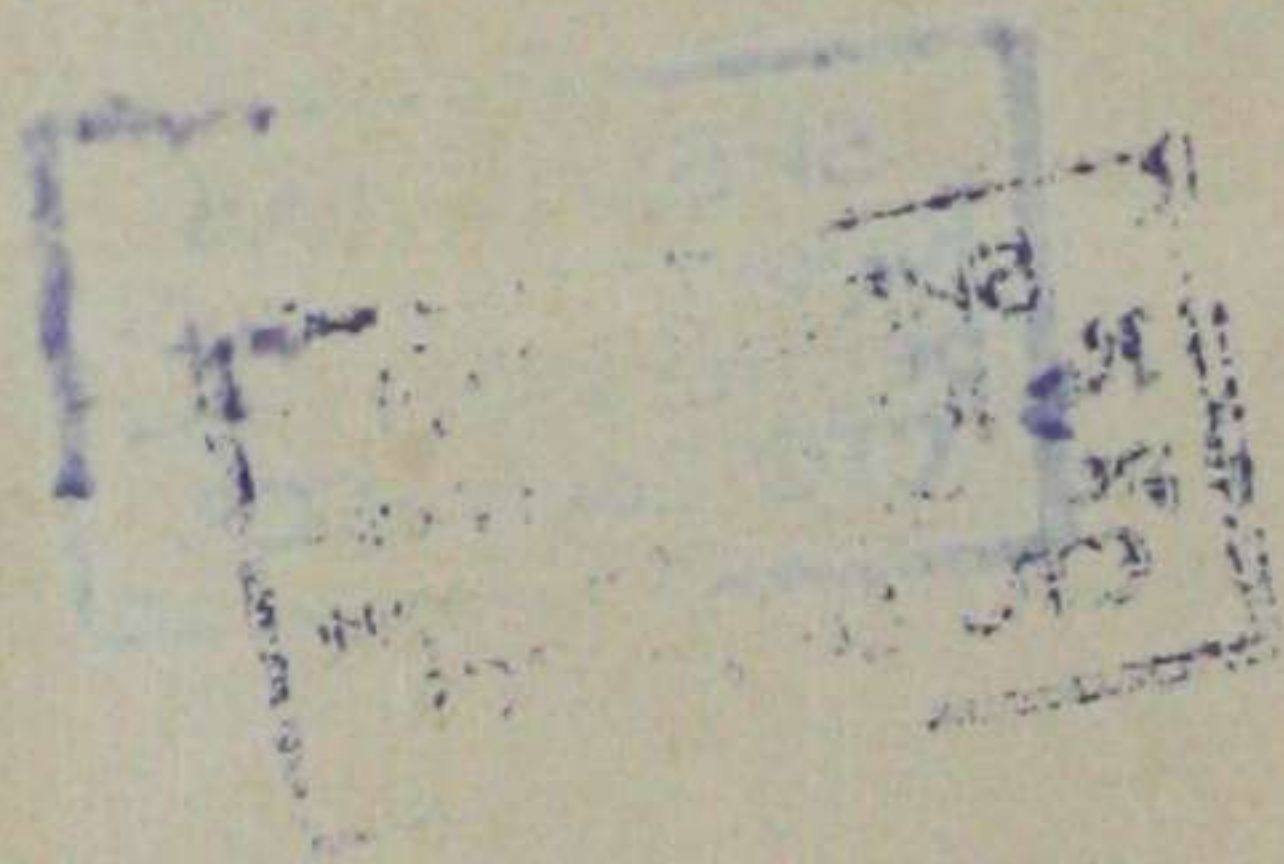
БИБЛИОТЕКА
Комитета по изобретательству при
СТО Союза ССР. Т

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

153

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 января 1905 года.

Чтобы помочь обществу и особенно заинтересованнымъ кругамъ (изобрѣтателямъ и промышленникамъ) принять участіе въ обсужденіи дѣйствующаго Положенія о привилегіяхъ 1896 г. и напомнить имъ объ образованной при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ Комиссіи для пересмотра необходимыхъ измѣненій этого положенія, мы предлагаемъ здѣсь помѣщенные разновременно въ запискахъ Общества два доклада нашихъ:

- 1) о необходимости пересмотра патентнаго закона 1896 г. и
- 2) проектъ русскаго патентнаго закона, объясненный въ порядкѣ статей, а также докладъ Юридическому Обществу: Патентное право и его положеніе въ общей системѣ права.

Дѣло, несомнѣнно, выиграетъ тѣмъ больше, чѣмъ большее число лицъ и учрежденій приметъ участіе въ обсужденіи его и особенно въ выясненіи какъ назрѣвающихъ, такъ и давно назрѣвшихъ потребностей нашей изобрѣтательности и промышленности вообще.

А. С.

О необходимости пересмотра патентного закона 1896 г.

(Къ десятилѣтію записки И. Р. Т. О. о пересмотрѣ Положенія 1870 г. о привилегіяхъ *).

Около десяти лѣтъ тому назадъ Императорское Русское Техническое Общество представило Министру Финансовъ кратко мотивированный проектъ измѣненія нашего патентного закона 1833—1870 гг., вызывавшаго, особенно въ послѣднее время своего существованія, много столь справедливыхъ жалобъ, что, насколько это можно прослѣдить по представленію Министра Финансовъ Государственному Совѣту, всѣ онѣ были приняты въ соображеніе при составленіи министерскаго проекта Положенія о привилегіяхъ.

Затѣмъ въ исторіи вопроса имѣетъ значеніе одного изъ поводовъ къ пересмотру закона представленіе Министру Финансовъ со стороны Общества для Содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.

Все это не умаляетъ значенія въ этомъ дѣлѣ нашего Общества, которое съ 1882 г. по 1893 г. работало, въ лицѣ выдѣленной имъ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря В. И. Вешнякова, по разработкѣ положеній и составленію проекта новаго закона, при чемъ этотъ проектъ былъ положенъ въ основаніе составленнаго Министерствомъ Финансовъ представленія.

Участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ нашего Общества было настолько значительно, что распространяться объ этомъ врядъ-ли было-бы уместно. Полагаемъ, что теперь съ момента введенія дѣйствующаго закона прошло достаточно времени, чтобы отнестись критически къ достигнутымъ имъ результатамъ, и потому—намѣтитъ въ рѣзкихъ, основныхъ чертахъ наиболѣе замѣтныя несовершенства его и указать на вновь выдвинутые жизнью и ожидающіе законодательнаго разрѣшенія вопросы и составляетъ цѣль предлагаемаго доклада.

Личное ознакомленіе съ законодательными мотивами, ссылки

---

*) Докладъ Совѣту И. Р. Т. О. 1-го Декабря 1903 г. Ср. „Записки“ Общества, Февраль 1904 г.

на которые съ разрѣшенія г. Государственнаго Секретаря приведены ниже, внушаетъ намъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что вниманіе, съ какимъ въ свое время отнеслось Министерство Финансовъ къ ходатайству 1893 года нашего Общества, положивъ его въ основаніе своего проекта, можетъ служить залогомъ того, что обнаружившіяся при примѣненіи закона 1896 года наиболѣе существенныя неудобства будутъ пересмотрѣны Министерствомъ по представленію нашего Общества.

Выясненныя до сихъ поръ практикой неудобства и несовершенства Положенія о привилегіяхъ можно свести къ слѣдующимъ тремъ группамъ:

1). Недостатки, попавшіе въ законъ вслѣдствіе того, что раньше интересы изобрѣтателей были ограждены очень мало и при пересмотрѣ закона отчасти наше Общество, отчасти Министерство Финансовъ, въ своихъ заботахъ объ возможно широкомъ признаніи правъ изобрѣтателей, — исходатайствовали имъ права нѣсколько болѣе широкія, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало-бы (напримѣръ, ст. 26 и 27-я Положенія).

2). Недостатки, обязанные своимъ существованіемъ въ законѣ какъ несогласію Министерства на предложенія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (напримѣръ, самостоятельное учрежденіе Комитета), такъ и основанные на предположеніи о бесполезности тѣхъ или иныхъ постановленій закона, въ надеждѣ на то, что нѣкоторые существенные недостатки будутъ устранены съ переустройствомъ патентныхъ учрежденій (здѣсь упомянемъ — медленность разсмотрѣнія и недостаточную мотивировку постановленій, отказы въ выдачѣ охранительныхъ свидѣтельствъ, равносильные по существу отказамъ въ выдачѣ патентовъ, — безъ разсмотрѣнія дѣлъ въ Комитетѣ, и отсутствіе судебной повѣрки отказовъ въ патентѣ со стороны Комитета).

3). Не останавливаясь на чисто-юридическихъ недостаткахъ Положенія 1896 года, неясностяхъ и неточностяхъ его, укажемъ на обстоятельство, что жизнь уже замѣтно опередила его и становится на очередь вопросъ о необходимомъ приведеніи въ соотвѣтствіе закона съ жизнью; такъ, существеннымъ является, между прочимъ, вопросъ о выгодѣ или невыгодѣ для насъ присоединенія къ Международному Союзу въ Бернѣ по защитѣ промышленной собственности.

Обращаясь къ первой группѣ вопросовъ, укажемъ сначала на то, что ст. 26, кромѣ явной неточности ея (ибо очевидно, что оспариваніе патента гражданскимъ порядкомъ по истеченіи 2 лѣтъ со дня опубликованія вполне возможно — напримѣръ, при несвое-

временной уплатѣ пошлинъ, начиная съ 3-го года, или при недостаточной эксплоатаціи), эта ст. 26-я должна безусловно стѣснять промышленность. § 28-й Германскаго закона допускаетъ оспариваніе патентовъ, направленное на доказательство не-новизны и не-патентоспособности, въ теченіе 5 лѣтъ, при 3-хъ-лѣтнемъ срокѣ для эксплоатаціи, а у насъ наоборотъ; слѣдствія вывести не трудно, особенно имѣя въ виду, что протесты рѣдко заявляются противъ изобрѣтеній неосуществленныхъ.

Затѣмъ ст. 27-я нашего Положенія, допуская выдачу дополнительныхъ привилегій на незначительныя улучшенія, имѣла въ виду удобство изобрѣтателей, но едва-ли этотъ порядокъ не больше вредитъ тѣмъ, что при такихъ условіяхъ дополнительный патентъ не можетъ быть превращенъ въ самостоятельный, по прекращеніи главнаго. Между тѣмъ, нѣкоторые иностранные законы, напримѣръ § 7 Германскаго закона, устанавливаютъ правило для обращенія дополнительныхъ патентовъ въ самостоятельные, на случай прекращенія основнаго. Однако эти неудобства не кажутся намъ существенными.

Не то должны мы сказать о слѣдующей группѣ несовершенствъ Положенія 1896 года, на которыя мы сейчасъ укажемъ.

Однимъ изъ поводовъ для пересмотра прежняго закона послужила медленность разсмотрѣнія заявленныхъ дѣлъ; такъ, Министръ Финансовъ въ своемъ представленіи Государственному Совѣту отъ 14 марта 1895 года писалъ: „Значительное число лицъ обращается съ прошеніями объ ускореніи испрашиваемыхъ привилегій“... Записка Императорскаго Русскаго Техническаго Общества 1888 года упоминаетъ о „чрезвычайной медленности дѣлопроизводства по выдачѣ привилегій“... Общество для Содѣйствія русской промышленности и торговлѣ пишетъ: „Патенты выдаются, въ среднемъ, черезъ 2 года по представленіи описаній, а въ отдѣльныхъ случаяхъ гораздо позже“.

Записка Императорскаго Русскаго Техническаго Общества 1893 года намѣчала срокъ для разсмотрѣнія: 1 годъ по выдачѣ охранительнаго свидѣтельства; принимая во вниманіе, что одновременно предлагалось 6 мѣсяцевъ предварительнаго покровительства по краткому описанію, срокъ разсмотрѣнія сокращался больше, чѣмъ вчетверо.

Представленіе Министерства Финансовъ гласитъ: „продолжительность дѣлопроизводства, считая только выданныя привилегіи, составляетъ въ послѣднее время среднимъ около 2 лѣтъ, что у насъ въ особенности представляется неудобнымъ, такъ какъ полныя права по привилегіи пріобрѣтаются со дня подписанія“.

Теперь это положеніе немного смягчилось. Дальше: „Въ особенности медленность дѣлопроизводства должна вызывать справедливый ропотъ просителей, такъ какъ дѣла по привилегіямъ, по существу своему, требуютъ возможно быстрого и опредѣленнаго разрѣшенія потому, что многія изобрѣтенія имѣютъ временное значеніе *) и могутъ приносить матеріальную выгоду изобрѣтателю лишь до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы въ томъ-же направленіи дальнѣйшія усовершенствованія“, и наконецъ: „Въ виду медленности дѣлопроизводства просители зачастую, потерявъ напрасно время, вынуждены сами прекращать дѣло по испрошенію привилегіи на свое изобрѣтеніе и приступать къ эксплуатаціи его безъ покровительственнаго огражденія, за свой рискъ, сохраняя свое изобрѣтеніе втайнѣ, черезъ что промышленность во многихъ случаяхъ лишается возможности ознакомиться съ изобрѣтеніемъ и пользоваться имъ; число привилегій, отъ которыхъ отказываются сами просители, доходитъ въ послѣднее время до 10%“.—Замѣтимъ, что если-бы въ настоящее время возможенъ былъ возвратъ пошлинъ, то и теперь были-бы отказы со стороны заявлявшихъ привилегіи и желающихъ получить пошлину обратно **).

„При введеніи новаго Положенія, предоставляющаго изобрѣтателямъ возможность пользоваться правами собственности (на изобрѣтенія?) на болѣе льготныхъ условіяхъ, число привилегій у насъ должно значительно возрасти. Въ виду этого надлежитъ опасаться, что, при сохраненіи настоящаго порядка разрѣшенія ходатайствъ по выдачѣ привилегій, дѣло будетъ идти еще съ меньшимъ успѣхомъ.

„Для устраненія вышеуказанныхъ недостатковъ, настоящій порядокъ разсмотрѣнія и выдачи привилегій долженъ быть подвергнутъ коренному измѣненію“.—„Предварительное разсмотрѣніе должно быть распредѣлено между такимъ числомъ спеціалистовъ, чтобы они были въ состояніи успѣвать въ своевременномъ доставленіи подробныхъ отзывовъ“.—„Совѣтъ Торговли и Мануфактуръ является судьей въ собственномъ дѣлѣ“.

Къ сожалѣнію, эти добрыя пожеланія остались безъ удовлетворенія ихъ тѣмъ закономъ, который былъ выработанъ для ихъ устраненія. Продолжительность дѣлопроизводства (отъ заявленія

*) Послѣднее существенно важно. (Прим. авт.).

**.) Положеніе изобрѣтателя особенно затруднительно, когда рѣшеніе вопроса о привилегіи затягивается, а поддѣлка отнимаетъ у него плоды творческихъ трудовъ его. Искъ объ убыткахъ, неблагодарный самъ по себѣ, затрудняется по мѣрѣ удаленія отъ момента правонарушенія, а между тѣмъ искъ этотъ можетъ быть начатъ лишь по полученіи патента.

до выдачи патента), въ среднемъ, была: въ 1896 и 1897 годахъ—свыше 37 мѣсяцевъ, въ 1898 и 1899 гг. свыше 27 мѣсяцевъ; въ 1900 г. и 1901 г. свыше 25 мѣсяцевъ; въ 1902 г. свыше 27 мѣсяцевъ, въ 1903 г. — свыше 32 мѣсяцевъ (съ 1896 по 1900 г. — цифры г. Ал. Пиленко; съ 1901 по 1903 г.—наши).

Итакъ, несомнѣнно только, что опасенія Министерства Финансовъ, что дѣла будутъ идти съ меньшимъ успѣхомъ въ смыслѣ продолжительности ихъ, къ сожалѣнiю оправдались, несмотря на „коренныя“, по мнѣнiю Министерства, реформы *). Затѣмъ правда, что современный Комитетъ стоитъ безусловно очень высоко въ смыслѣ компетентности и справедливости его рѣшенiй, тѣмъ не менѣе и къ нему приложимы слова Министра Финансовъ о подсудности его самому себѣ; дѣйствительно: 1) эксперты имѣютъ право голоса, т. е. судятъ о своихъ докладахъ; 2) непремѣнные члены, являясь экспертами (ст. 11), находятся въ томъ-же положенiи; 3) при пересмотрѣ дѣла въ Общемъ Присутствiи Комитета компетентными судьями являются члены того отдѣла (механическаго или химическаго), который обсуждалъ дѣло первый разъ, и они-то являются во второй инстанціи судьями своего дѣла въ инстанціи низшей. И если, — какъ это мы должны замѣтить въ интересахъ правды — справедливость не страдаетъ отъ этого сколько-нибудь замѣтно, то это результатъ высокаго личнаго состава Комитета, и недостатка организациі не касается.

Мы не будемъ предрѣшать здѣсь мѣръ для устраненія тѣхъ или иныхъ неудобствъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы настоящей нашей задачи. Замѣтимъ только, что, отклоняя безъ всякихъ объясненiй предположеніе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества о введенiи обязательнаго срока дѣлопроизводства по выдачѣ патентовъ (при чемъ наше Общество, при разсмотрѣнiи проекта Министра Финансовъ, со своей стороны, не возражало противъ того, чтобы эта статья о срокѣ была вычеркнута), а также предположеніе о самостоятельной организациі Патентнаго Присутствiя и сосредоточенiи въ немъ судебныхъ дѣлъ первой инстанціи, — Министръ Финансовъ писалъ между прочимъ, въ отношенiи Государственному Секретарю, отъ 10 января 1896 г. № 645, что онъ „предвидитъ заранѣе необходимость расширенія состава Комитета въ будущемъ, что не исключаетъ возможности образованія изъ Комитета самостоятельнаго учрежденія“.—Полагаемъ, что время этому давно наступило.

*) Число экспертовъ не ограничено, а между тѣмъ продолжительность разсмотрѣнiя дѣлъ сильно возрастаетъ, что указываетъ на явную неуравновѣженность организациі.

Медленность дѣлопроизводства является настолько явнымъ неудобствомъ, что мы оставляемъ безъ всякаго вниманія мнѣніе о томъ, что изобрѣтатели склонны тянуть дѣла; будучи высказанно покойнымъ Ив. Ив. Козловымъ, оно было впоследствии преувеличено приватъ-доцентомъ Катковымъ, въ его трудѣ: „О привилегіяхъ (патентахъ) на изобрѣтенія и т. д.“. Только убѣжденные въ отказѣ изобрѣтатели—а такихъ немного—могутъ желать проволоочки; продленіе срока пользованія патентомъ есть „журавль въ небѣ“, который не стоитъ пойманной синицы. За границей, гдѣ патенты въ общемъ прочнѣе нашихъ, до срока доживаетъ отъ 2⁰/₀ до 6⁰/₀, часто меньше. Да притомъ это явленіе „оттягиванія“ легко устранимо—ускореніемъ рѣшеній.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, укажемъ на то, что повсюду за границей „предварительное постановленіе“ эксперта получается черезъ мѣсяца 1¹/₂, рѣдко до нѣсколькихъ мѣсяцевъ по заявленіи; въ Норвегій данъ закономъ срокъ 1 мѣсяць (и 2 мѣсяца, если заявитель проситъ самъ объ отсрочкѣ опубликованія). Патенты выдаются всюду несравненно скорѣе, чѣмъ у насъ; кромѣ того, изобрѣтенія съ момента заявленія ихъ до выдачи патента защищены въ Россіи нисколько не лучше, чѣмъ гдѣ-либо за границей, и права заявителей съ момента полученія охранительнаго свидѣтельства нисколько не больше правъ ихъ по заявленіи заграничныхъ патентовъ, хотя въ удостовѣреніе принятія документовъ выдается тамъ иногда просто квитанція въ приѣмъ пошлины за заявленіе.

Дальнѣйшими неудобствами принятаго порядка дѣлопроизводства являются слѣдующія частности его.

Во-первыхъ: нерѣдко полное отсутствіе мотивировки постановленій, главнымъ образомъ, Отдѣловъ, да и Общаго Присутствія, что, съ одной стороны, — не даетъ возможности изобрѣтателю согласиться — съ компетентнымъ, правда, но все-же голословнымъ мнѣніемъ Комитета, а съ другой стороны — не даетъ возможности заявителю привести въ дѣйствіе данное ему закономъ право возраженія или оспариванія, какъ рѣшенія Отдѣла въ Общее Присутствіе, такъ и рѣшенія послѣдняго въ I-й Департаментъ Сената. Это создаетъ для изобрѣтателя тяжелое положеніе человѣка, попавшаго въ магическій кругъ.

Во-вторыхъ: отсутствіе законныхъ способовъ повѣрки административныхъ рѣшеній Комитета судебнымъ порядкомъ; различіе между послѣднимъ и жалобой въ Сенатъ заключается существенно въ томъ, что судъ разсматриваетъ и повѣряетъ доказательства спорящихъ сторонъ по существу, Сенатъ-же разсматри-

ваетъ лишь правильность толкованія и примѣненія закона, и, не повѣряя доказательствъ, наблюдаетъ главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы не было превышенія власти. Не надо забывать, что Сенатъ— учреждение кассационное, апелляціонной-же инстанціи — судебной нѣтъ, и необходимость ея сильно чувствуется *).

Къ первому вопросу—замѣтимъ, что ст. 14 Положенія говоритъ: „Опредѣленіе отдѣла объявляется просителю съ изложеніемъ причинъ отказа или сдѣланныхъ измѣненій и ограниченій“. Въ представленіи Министерства Финансовъ подъ ст. 29 проекта, соотвѣтствующей ст. 14 Положенія, читаемъ: „для пользы дѣла и возможнаго охраненія правъ изобрѣтателей упомянутою статьею предоставлено просителямъ просить о пересмотрѣ дѣла вновь, но не иначе, какъ на основаніи точныхъ и подробныхъ доводовъ, опровергающихъ соображенія, на которыхъ было основано постановленіе“.

Мы спросимъ только: какъ можно оспаривать,—основываясь на точныхъ и подробныхъ доводахъ—постановленіе голословное: „по отсутствію существенной новизны, ст. 4 п. д.“, „сходное устройство примѣнялось нерѣдко для той же цѣли“ и т. п.; а между тѣмъ подобныя постановленія получаютъ сплошь и рядомъ. Для выясненія этого недоразумѣнія остановимся лишній разъ на существующемъ у насъ смѣшеніи понятій.

Обращаясь къ ст. 3 Положенія, мы видимъ, что къ сожалѣнію въ этомъ не безгрѣшенъ нашъ законъ, совмѣщающій разнородныя понятія „существенности“ и „новизны“ **): изобрѣтеніе можетъ быть ново и не-ново, существенно и не-существенно; оно можетъ быть одновременно безусловно ново и вовсе не существенно, тоже наоборотъ. Да и кромѣ того, сама „существенность“ не можетъ быть категорично-опредѣлительнымъ признакомъ, такъ какъ допускаетъ степени сравненія: разъ предметъ или фактъ можетъ быть и болѣе, и менѣе существеннымъ—до безконечности, то гдѣ искать границу существеннаго и несущественнаго? Хорошо-ли затѣмъ, что „существенность“ отчасти подчинена „новизнѣ“, а не наоборотъ. Пожалуй „новая существенность“ (новыя существенныя черты) имѣетъ больше правъ на существованіе. Но обратимся къ сути дѣла.

Доказать новизну изобрѣтенія нельзя, такъ какъ нельзя доказать отсутствіе фактовъ, нарушающихъ новизну или па-

*) Учрежденіе этой инстанціи, прежде чѣмъ повести къ усложненію дѣлопроизводства, улучшило-бы повѣрку доказательствъ и мотивировку постановленій (ср. ниже), прямымъ слѣдствіемъ чего была-бы бѣльшая устойчивость нашихъ патентовъ, т. е. бѣльшая обезпеченность правъ изобрѣтателей.

***) Ст. 3-я. Положенія: „..... которыя представляютъ существенную новизну“ и т. д.

тентоспособность. Сколько-бы изобрѣтатель ни привелъ фактовъ въ доказательство новизны изобрѣтенія, можно всегда предполагать наличность другихъ фактовъ, ему неизвѣстныхъ, но вредящихъ новизнѣ. Вотъ въ этомъ-то и заключается задача провѣрочной экспертизы, чтобы указать именно эти опорачивающіе факты.

Самый смыслъ патента заключается въ томъ, чтобы избавить изобрѣтателя (и это не льгота, а неизбежная необходимость) отъ доказательства отрицательныхъ фактовъ, т. е. отсутствія фактовъ, нарушающихъ годность его патента, и переложить обязанность доказыванія негодности патента на заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Повѣрочныя патентныя учрежденія, централизуя въ себѣ необходимые матеріалы и личные силы и организованныя въ интересахъ общества и изобрѣтателей, облегчаютъ оспариваніе со стороны перваго ихъ нихъ и обуславливаютъ одновременно уменьшеніе риска для вторыхъ. Эта высокая задача посредничества приближаетъ дѣятельность учрежденія къ судебной, причемъ мотивировка его постановленій необходима какъ сама по себѣ—для убѣжденія въ справедливости суда, такъ и въ интересахъ дѣла, особенно въ виду даннаго закономъ права возраженія на состоявшіяся постановленія.

Новизна изобрѣтенія можетъ быть только одна: не можетъ быть ни существенной, ни несущественной новизны, ни какой-либо иной; новизна можетъ быть опровергнута опорачивающими ее фактами, и можетъ быть подтверждена—невозможностью привести опредѣленные и несомнѣнные факты; установленіе несомнѣнности самихъ фактовъ опять-таки дѣло суда.

Но новизна представляетъ собою чисто матеріальную часть необходимыхъ для патентоспособнаго изобрѣтенія признаковъ, ибо изобрѣтеніе въ теоріи не можетъ не быть ново; другой составной частью является патентоспособность его въ узкомъ смыслѣ слова. Это свойство, въ свою очередь, можно разложить на составныя, опредѣляемыя требованіями закона, а именно надо, чтобы: 1) была наличность изобрѣтенія, 2) чтобы послѣднее принадлежало къ области промышленности и 3) чтобы оно не противорѣчило законамъ и „добрымъ нравамъ“, т. е. преимущественно правиламъ приличія (а не „нравственности“, ст. 4, составляющей явленіе одного порядка съ совѣстью и свободной, какъ и послѣдняя, отъ давленія правоваго закона).

Ясно, что все вытекающіе изъ послѣдняго положенія вопросы не поддаются опредѣленію или мотивировкѣ матеріальнаго свойства, т. е. нельзя указать ни мѣры (границы),—гдѣ кончается изобрѣтеніе и начинается подражаніе, ни того, чѣмъ обуслови-

вается принадлежность къ промышленности, — это дѣло убѣжденія суда; фактическая мотивировка въ противоположность новизнѣ уступаетъ здѣсь мѣсто мотивировкѣ чисто формальной. Понятно поэтому, отчего всѣ законодательства, послѣдовательно проводящія принципъ предварительной повѣрки, — возьмите Германію, но особенно Австрія — создаютъ смѣшанныя комиссіи изъ техниковъ (низшая инстанція) и юристовъ (высшія инстанціи). Съ этой же точки зрѣнія понятно стремленіе нѣкоторыхъ юристовъ (напримѣръ г. Ал. Пиленко) низвести значеніе технической повѣрочной комиссіи до положенія экспертизы въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. — Сказанное не исключаетъ для Патентнаго Учрежденія необходимости указать, на чемъ основано рѣшеніе, т. е. напр., съ чѣмъ сравнивалось изобрѣтеніе.

Возвращаясь къ нашему Положенію о привилегіяхъ, видимъ, что не только дѣйствіе ст. 14-ой ослабляется практикой, но и единственная статья, направленная для лучшаго выясненія обстоятельствъ дѣла во время повѣрки, — статья 12-я Положенія, — остается (по свидѣтельству магистра правъ А. А. Пиленко) ни разу не примѣненной на практикѣ. Въ Германіи, принимая во вниманіе только процессы по жалобамъ, личныя объясненія допускаются болѣе, чѣмъ въ четвертой части всѣхъ дѣлъ *). А между тѣмъ, сколько отказовъ на основаніи неясности и неточности описаній, сколько отказовъ и сокращеній „предмета привилегіи“ вслѣдствіе просто неправильно и недостаточно понятаго описанія было-бы этой мѣрой предупреждено. Врядъ-ли нужно прибавлять, что значительное число описаній, особенно подаваемыхъ самими изобрѣтателями, страдаетъ этимъ недостаткомъ.

Отсутствіе мотивировки здѣсь особенно тяжело ложится на заявителей: что неясно, почему неясно, въ какой мѣрѣ неясно — всѣ эти вопросы являются мучительными по неразрѣшимости загадками для изобрѣтателей; только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда одновременно съ русскимъ были заявлены заграничныя патенты, можно пояснить то, что тамошними учрежденіями было найдено неяснымъ.

Но посудите сами, легко-ли, прождавъ годъ-другой, а то и третій-четвертый, — получить отказъ „по неполнотѣ и неясности описанія“, и подходитъ-ли это указаніе причинъ или ссылка на нихъ къ точному смыслу ст. 14 и мотивовъ относительно „изложенія“ причинъ, для полученія точнаго и подробнаго возраженія на нихъ.

Мы не будемъ предрѣшать здѣсь возможнаго исхода изъ

---

*) Отчетъ о дѣятельности Германскаго Патентнаго Присутствія съ 1891 года по 1900 годъ.

этого положенія вещей, предоставляя пока Обществу судить о необходимости искать его.

Здѣсь вскользь упомянемъ, что Положеніе предоставляетъ 3 мѣсяца для исправленія описаній, которыя разсматриваются цѣлыми годами; казалось-бы, ничто не мѣшаетъ прійти къ общепринятому порядку, т. е. разрѣшить исправленіе описаній и сокращеніе „предмета привилегій“ до рѣшенія о выдачѣ патента.

Замѣтимъ еще, что ст. 10, по недоразумѣнію, предоставляетъ право оспариванія заявленій до опубликованія ихъ; фактически дѣйствіе этой статьи сводится почти на нѣтъ, ибо какъ можно оспаривать неизвѣстное? За границей протесты до выдачи патента или не допускаются (при явочной системѣ) или допускаются, даже вызываются тѣмъ, что документы выкладываются на срокъ, послѣ формальной (Венгрія) или матеріальной (Германія, Австрія, Англія—новый законъ—и мн. др.) повѣрки ихъ. У насъ-же протесты подаются или не противъ того, что заявлено, или совсѣмъ не подаются, чѣмъ общество, т. е. наиболѣе заинтересованныя лица устраняются отъ повѣрки, при которой права сторонъ были-бы лучше выяснены. Лишь изрѣдка только осмысленные протесты получаютъ по изобрѣтеніямъ, заявленнымъ одновременно у насъ и за границей. Предлагаемая нѣкоторыми для устраненія этого неудобства средства—напримѣръ подробно характеризующее изобрѣтеніе названіе (Пиленко)—по меньшей мѣрѣ рискованны, такъ какъ опубликованіемъ его устраняется новизна, что можетъ служить препятствіемъ къ полученію позже заявленныхъ заграничныхъ патентовъ.

Перейдемъ къ вопросу объ обязательной эксплуатаціи патентованныхъ изобрѣтеній, которая, по основательно высказанному еще десять лѣтъ тому назадъ заявленію нашего Общества, „превращается на практикѣ въ простую формальность и потому не достигаетъ цѣли, которая имѣлась въ виду при установленіи подобнаго правила какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ“. Истекшія десять лѣтъ доказали справедливость этого положенія, почти общепризнаннаго на Западѣ, также и для Россіи. Дѣйствительно, почти всюду на обязательную эксплуатацію подѣ угрозой прекращенія патента перестали смотрѣть, какъ на средство для развитія промышленности: если дѣло выгодно, то оно будетъ идти безъ всякаго принужденія; если-же оно не выгодно, то обязательство продолжать его приведетъ или къ прекращенію, или къ показному (симулированному) продолженію его, что облегчается всякаго рода свидѣтельствами. Но если дѣло мало выгодно, то оно еще кое-какъ можетъ быть используемо подѣ

монополюющей защитой патента, и ужь безусловно будетъ заброшено, если патентъ уничтожится. Какая кому отъ этого выгода? Да и слѣдить-то за эксплуатаціей можетъ только конкуренція. И потому на практикѣ это правило вообще, а у насъ особенно—въ виду отсутствія запрещенія перерыва въ эксплуатаціи и того, что публика вѣритъ въ непреложность соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ—это правило приводитъ къ нежелательнымъ, точнѣе къ чисто фиктивнымъ результатамъ. Такъ какъ интересъ общества заключается не только въ томъ, чтобы изобрѣтеніе фабриковалось, хотя бы и за тройную цѣну,—здѣсь, но главнымъ образомъ въ легкой доступности предмета и соразмѣрной его цѣнѣ для русскихъ потребителей, то едва-ли не проще всего прійти къ системѣ обязательнаго отчужденія правъ пользованія въ случаѣ недостаточной эксплуатаціи.

Въ этомъ-же духѣ придется, вѣроятно, рѣшить и неразрѣшимый при современныхъ условіяхъ вопросъ о томъ, что дѣлать владѣльцу зависимаго патента, по ст. 28, если подходитъ срокъ обязательной эксплуатаціи, а владѣлецъ основнаго патента не даетъ позволенія своему конкуренту на пользованіе его изобрѣтеніемъ?

Рядомъ съ обязательнымъ отчужденіемъ права пользованія стоитъ вопросъ объ обязательномъ отчужденіи всѣхъ правъ патентодержателя въ пользу всего общества, или въ интересахъ боевой обороны государства. Первая половина вопроса у насъ до сихъ поръ даже не намѣчена, вторая регулируется введенной въ 1867 году и временно съ 1896 года оставленной въ силѣ статьей 176 Устава о Промышленности, до переработки Министерствомъ Финансовъ правилъ возмезднаго отчужденія, предварительный проектъ которыхъ былъ отклоненъ въ 1896 году Государственнымъ Совѣтомъ.

Къ вопросамъ чисто юридическимъ, возникающимъ при примѣненіи закона, надо отнести: 1). Неопредѣлительность того, кто является носителемъ права на полученіе патента, и если первый заявитель, то отсутствіе корректива (поправки) въ видѣ установленія права предварительнаго пользованія, т. е. признанія правъ тѣхъ добросовѣстныхъ изобрѣтателей, которые самостоятельно пришли къ тому-же изобрѣтенію и пользовались имъ по разнымъ причинамъ негласно, до заявленія другими *). 2). Спорность вопроса о возможности передачи патента истинному обладателю правъ на него въ случаѣ похищенія или присвоенія патента; о

*) Право предварительнаго пользованія—„Vorbenutzungsrecht“—въ доброй половинѣ европейскихъ странъ.

многихъ мелкихъ неточностяхъ мы даже не считаемъ нужнымъ здѣсь упоминать.

Замѣтимъ, что, за исключеніемъ приведенныхъ частныхъ, наше Патентное Учрежденіе—Комитетъ съ его канцеляріей—въ общемъ, сильно способствуютъ смягченію нѣкоторыхъ, особенно формальныхъ, недостатковъ закона, не столько преслѣдованіемъ его буквы, сколько удовлетвореніемъ духа требованій его; въ виду указанныхъ обстоятельствъ, широкій взглядъ этихъ учрежденій на дѣло является особенно полезнымъ и цѣннымъ, но, какъ видно изъ изложеннаго, далеко не достаточнымъ.

Перейдемъ теперь къ вопросамъ, выдвинутымъ жизнью.

Какъ ни сильно вліяніе старины, особенно на языкъ народа, однако пора намъ уже отказаться отъ термина „привилегія“. Давно прошло, да и забылось то время, когда привилегіи были одной изъ прерогативъ королевской власти, потомъ актами законодательной власти; у насъ въ Россіи привилегіи перестали выдаваться законодательнымъ порядкомъ съ 1870 года, и потому примѣненіе къ патентамъ названія „привилегія“ стало неумѣстно уже потому, что привилегіей обыкновенно называется частный законодательный актъ, представляющій исключеніе изъ общаго закона и потому создающій, какъ говорятъ „исключительное юридическое состояніе“. Ничего подобнаго не представляютъ теперь собою патенты—эти простыя удостовѣренія о томъ, что органы административной власти предполагаютъ за заявителемъ, на основаніи общаго закона, права, даваемые тѣмъ-же общимъ законамъ. Никакаго исключенія изъ общаго закона здѣсь не можетъ быть, и современный патентъ не есть законодательный актъ, а просто „удостовѣреніе подлежащаго начальства“. Послѣ многихъ странъ Австрія, при пересмотрѣ закона, приняла въ 1897 году названіе „патентъ“, слѣдовало-бы и намъ принять его. Будь еще „привилегія“ русское слово, было-бы о чемъ жалѣть.

Существеннымъ вопросомъ, выдвинутымъ жизнью, является вопросъ о присоединеніи Россіи къ Международному Союзу для защиты промышленной собственности. Какъ ни странно, но оказывается, что Россія, предоставляя широкія права иностранцамъ, сама не пользуется взаимностью; почему—трудно сказать, но вѣроятно, только по неизученности этого вопроса въ заинтересованныхъ кругахъ (недавно вопросъ этотъ рѣшенъ положительно).

Напомнимъ здѣсь, что существенный интересъ присоединенія къ Союзу представляется въ ст. 4-й Конвенціи, дающей право пріоритета въ 12 мѣсяцевъ, при чемъ, напримѣръ, итальянецъ, заявившій патентъ въ Италіи, скажемъ, 8-го января 1902 года, мо-

жетъ заявить въ теченіе всего 1902 года патенты во всѣхъ странахъ Союза, и обсужденіе новизны заявленій его въ этихъ странахъ будетъ сдѣлано не по моменту заявки ихъ въ каждой изъ этихъ странъ, но по моменту первой изъ заявокъ, имѣвшихъ мѣсто внутри странъ Союза; или иначе: новизна заявленій, сдѣланныхъ имъ въ теченіе всего 1902 года (до 8 января 1903 года), будетъ обсуждаться въ предположеніи, что изобрѣтеніе это было заявлено всюду 8-го января 1902 года.

Нашъ законъ не имѣетъ аналогичнаго постановленія, но предоставляетъ иностраннымъ заявителямъ брать патенты, когда угодно, лишь-бы сходное заявленіе не имѣло ранѣе мѣста. Г. Ал. Пиленко неточно считаетъ, что Россія даетъ иностранцамъ право безсрочнаго пріоритета въ Россіи („Право изобрѣтателя“, т. I. стр. 275). Это вѣрно только для тѣхъ случаевъ, когда заявленіе въ Россіи имѣло мѣсто послѣ выдачи заграничнаго патента, а не между заявленіемъ и выдачей его. Не споримъ, § 4-ый Международной Конвенціи ведетъ къ неопредѣленности правъ, но эта неопредѣленность еще болѣе свойственна ст. 4, п. 2 нашего Положенія. Присоединеніе къ Конвенціи дастъ право пріоритета русскимъ изобрѣтателямъ, котораго они теперь совершенно лишены. Какъ извѣстно, изъ первоклассныхъ государствъ только Австрія и Россія не примкнули къ Союзу; присоединеніе Германіи недавно имѣло мѣсто.

Остальные вопросы, касающіеся присоединенія Россіи къ Союзу, имѣютъ (кромѣ разрѣшенія ввоза патентованныхъ предметовъ во Францію) чисто формальное значеніе, и потому замѣтимъ только, что законъ нашъ даже не требуетъ для этого сколько-нибудь значительной передѣлки.

Пересмотръ патентнаго закона и притомъ въ связи съ законами о фабричныхъ рисункахъ и моделяхъ, о товарныхъ знакахъ и законами о недобросовѣстной конкуренціи вообще—безусловно необходимъ и съ точки зрѣнія общей системы права—ради переноса этихъ законовъ въ проектъ новаго Гражданскаго Уложенія. На этомъ вопросѣ мы остановимся ближе въ спеціальному докладѣ нашемъ Юридическому Обществу.

Изъ сказаннаго съ достаточной, повидимому, ясностью слѣдуетъ, что нашъ законъ, на ряду съ общепризнанными достоинствами, имѣетъ многіе серьезные недостатки, которые требуютъ устраненія. Здѣсь можетъ быть поставленъ только вопросъ о своевременности подобнаго пересмотра закона. Единственное возраженіе, которое можно привести противъ пересмотра закона, это то, что законъ дѣйствуетъ всего семь лѣтъ; не забудемъ однако,

что разсмотрѣніе всѣхъ поставленныхъ вопросовъ требуетъ времени, и потому еще пройдетъ много лѣтъ, пока пересмотръ закона будетъ законченъ, тѣмъ болѣе, что основательность въ этомъ вопросѣ только желательна. Кромѣ того, если замѣтимъ, что за время дѣйствія новаго закона — съ половины 1896 года по 1-ое октября 1903 года — было выдано свыше 8430 патентовъ (и свыше 22 000 охранительныхъ свидѣтельствъ), противъ 6333 привилегій и патентовъ, выданныхъ съ 1814 года по 1 июля 1896 г., то мы увидимъ, что вопросъ о несвоевременности подобнаго пересмотра отпадаетъ самъ собою. Въ подтвержденіе этого укажемъ, что и въ обществѣ представленія о патентномъ правѣ и связанныхъ съ нимъ вопросахъ получили извѣстное распространеніе, благодаря руководствамъ г.г. Энгельмейра и Пиленко и спеціальнымъ работамъ г.г. Каткова и Пиленко.

Есть еще одно существенное замѣчаніе, которое, съ одной стороны, умаляетъ значеніе нашего доклада и противъ котораго мы даже не беремся спорить, а именно: указанные недостатки въ существенныхъ чертахъ и за малыми исключеніями открыты не нами и давно признаны на практикѣ; потому отклоняемъ отъ себя всякую честь изобрѣтательности въ этомъ серьезномъ дѣлѣ.

Итакъ — на основаніи вышеизложеннаго — новое разсмотрѣніе въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ дѣйствующаго Положенія о привилегіяхъ кажется намъ безусловно необходимымъ и притомъ вполне своевременнымъ, почему мы предлагаемъ:

1). Образовать комиссію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, при чемъ просить Вице-Предѣдателя Общества В. И. Ковалевскаго не отказать принять руководство ея занятіями.

2). Выработанный Комиссіей проектъ передать юридическимъ и техническимъ обществамъ и отдѣленіямъ нашего Общества для разсмотрѣнія и сообщенія въ срокъ своихъ замѣчаній.

3). Окончательно обсужденный проектъ представить на благоусмотрѣніе г. Министра Финансовъ, съ просьбой дать ходъ дѣлу и съ ходатайствомъ о томъ, чтобы по возможности министерскій проектъ и проектъ Государственнаго Совѣта до окончательнаго заслушанія были опубликованы, а также, чтобы впоследствии были опубликованы, съ цѣлью возможнаго увѣненія закона, и мотивы, которые въ концѣ концовъ будутъ положены въ основаніе закона, т. е. журналы Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, какъ это имѣло въ послѣднее время мѣсто въ отношеніи другихъ уставовъ и положеній.

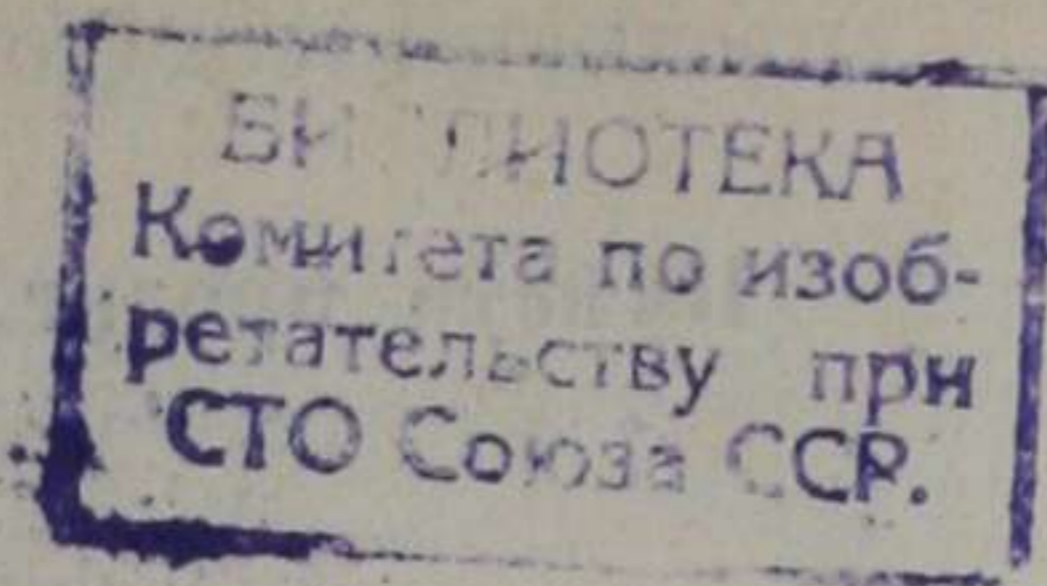

Не считая удобнымъ, за отсутствіемъ стенографическаго отчета, касаться преній, вызванныхъ докладомъ, замѣтимъ только, что въ результатъ этого доклада состоялось слѣдующее постановленіе Совѣта Общества:

„Послѣ продолжительнаго обсужденія постановлено образовать при Совѣтѣ особую Комиссію для пересмотра дѣйствующаго Положенія о привилегіяхъ изъ представителей отъ всѣхъ Отдѣловъ и пригласить участвовать въ трудахъ ея представителей отъ Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и отъ Юридическаго Общества, а также просить командировать въ эту Комиссію представителей отъ Министерства Финансовъ и Министерства Юстиціи. Предсѣдателемъ Комиссіи избранъ В. И. Ковалевскій“.

Можно было-бы сожалѣть объ отсутствіи представителей отъ другихъ заинтересованныхъ министерствъ, но мы слышали, что пробѣлъ этотъ къ счастью уже восполненъ.

ПРОЕКТЪ

русскаго закона о патентахъ на изобрѣтенія.

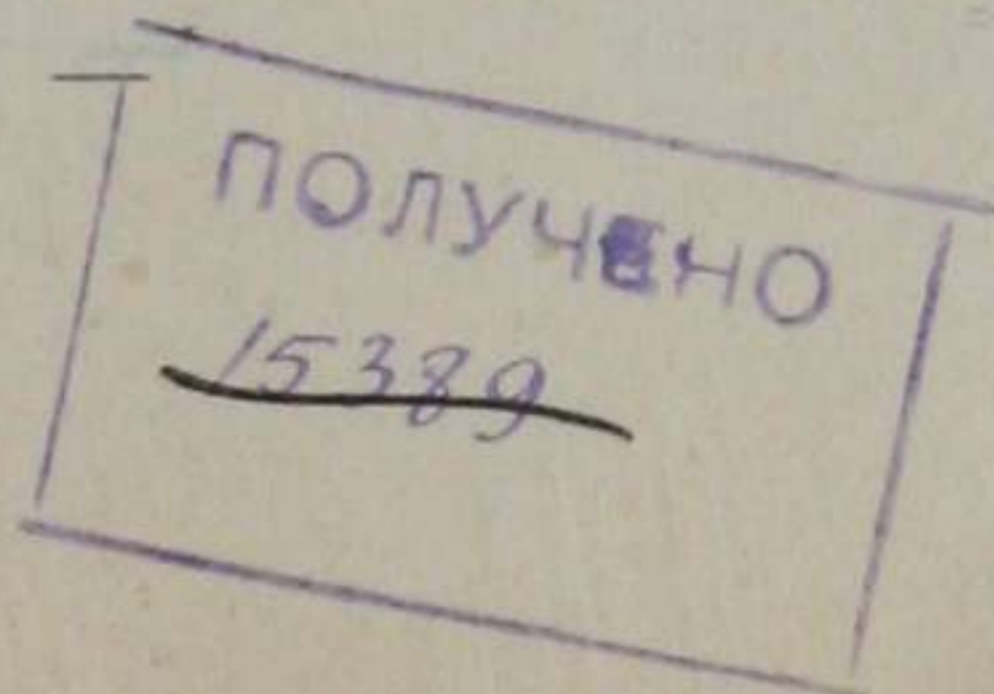
Предлагаемый проектъ составленъ нами съ тройкой цѣлью: 1) чтобы завершить положительной работой критику русскаго патентнаго закона, данную нами въ докладѣ Императорскому Русскому Техническому Обществу и въ книгѣ „Привилегіи и Патенты“, 2) чтобы облегчить (попутными ссылками на литературный матеріалъ) критику дѣйствующаго закона со стороны Комиссіи, созванной тѣмъ-же Обществомъ для его пересмотра въ результатѣ нашего доклада, и 3) чтобы имѣть возможность принять въ соображеніе, при резюмированіи трудовъ Комиссіи, заслуживающіе вниманія критическіе отзывы печати и публики, которые, можетъ быть, послѣдуютъ.

Увѣренность въ томъ, что недостатки современнаго патентнаго закона въ значительной мѣрѣ обязаны негласному его обсужденію, заставляетъ насъ горячо надѣяться на то, что проектъ Комиссіи, а также проекты Министерства Финансовъ и Государственнаго Совѣта, въ интересахъ возможнаго совершенства закона, будутъ своевременно опубликованы; при всемъ томъ полагаемъ, что участіе большой публики полезно болѣе въ подготовительной стадіи работъ по пересмотру закона, чѣмъ въ заключительной ихъ стадіи.

Остается пожелать, чтобы новый патентный законъ, при возможно полномъ соотвѣтствіи его нарастающимъ потребностямъ промышленной жизни нашей страны, оказался-бы свободнымъ отъ тѣхъ органическихъ и формальныхъ недостатковъ, которыми такъ богато нынѣ дѣйствующее Положеніе, и мы будемъ искренно рады, если хотя нѣкоторые изъ положенныхъ нами съ добрымъ чувствомъ камней придутся къ мѣсту въ будущемъ строеніи нашего патентнаго права.

Спѣшная, по разнымъ причинамъ, работа дѣлаетъ этотъ небольшой трудъ очень далекимъ отъ совершенства, во всякомъ случаѣ—увы!—недостижимаго вполне.

„Мы сдѣлали, что удалось, — кто можетъ, пусть сдѣлаетъ лучше!“

~~5470~~
42388

Вмѣсто предисловія.

Дайте судъ скорый и правый—онъ
будетъ достаточно милостивъ!

Общія соображенія, которыми мы руководились при составленіи этого проекта, слѣдующія.

Во-первыхъ, мы считали умѣстнымъ исходить, гдѣ возможно, изъ положеній существующаго патентнаго закона, чтобы не прерывать преемственности въ развитіи этой отрасли нашего законодательства; это обязываетъ насъ къ мотивированію отступленій отъ дѣйствующаго закона; во-вторыхъ—нѣкоторыя положенія заимствованы цѣликомъ изъ наиболѣе близкихъ нашему Положенію по духу и относительно совершенныхъ законовъ (германскій, особенно австрійскій); сдѣлано это частью по крайнему несовершенству дѣйствующаго у насъ Положенія (особенно — процессъ выдачи патентовъ, также учрежденіе Патентнаго Присутствія), частью же въ виду включенія нѣкоторыхъ новыхъ положеній (напр. предполагаемая нами передача въ вѣдѣніе Присутствія дѣлъ о прекращеніи патентовъ, о принудительномъ отчужденіи исключительныхъ правъ или одного права пользованія и т. п.).

Заимствованныя положенія мѣстами переработаны кореннымъ образомъ.

Что касается общаго расположенія закона, то надо замѣтить, что наиболѣе систематичными являются: германскій законъ 1891 г., разбитый на отдѣлы: 1) патентное право, 2) патентное присутствіе, 3) процессъ и 4) преслѣдованіе правонарушеній,—и австрійскій законъ 1897 г., включающій: 1) общія положенія, 2) патентныя учрежденія, 3) процессъ, 4) правонарушенія, 5) пошлины.

Наше дѣйствующее Положеніе только приблизительно придерживается этой системы, которую мы рѣшили провести нѣсколько болѣе строго и послѣдовательно, хотя, впрочемъ, преслѣдованіе правонарушеній оставили въ общихъ положеніяхъ, а учрежденіе Патентнаго Присутствія и Положеніе о пошлинахъ мы вновь отдѣлили, въ виду особой кодификаціи этихъ Положеній, отъ самаго Положенія о патентахъ, да кромѣ того вычеркнули изъ послѣдняго статьи узко дѣлопроизводственнаго значенія (напр. о формѣ патента, о копіяхъ патента и свидѣтельства и т. п.), которыя болѣе умѣстны въ инструкціяхъ, чѣмъ въ самомъ законѣ.

Вопросъ о положеніи патентнаго права въ общей системѣ нашего законодательства—вопросъ чисто юридическій, и рѣшеніе его имѣетъ формальное значеніе; мы присоединяемся вполнѣ къ выводу г. Ал. Пиленко (Право изобрѣтателя, конецъ II т.), что

право изобрѣтателя есть право авторское. Этотъ выводъ составляетъ большую заслугу нашего ученаго (см. А. Скородинскій, Привилегіи и Патенты, Общ. ч., стр. 13 и 76—80); теоретическому разбору его мы посвящаемъ особый докладъ Юридическому Обществу.

Для справокъ объ иностранныхъ патентныхъ законахъ могутъ отчасти служить систематическія таблицы, приложенныя къ нашей книгѣ: „Привилегіи и Патенты“.

Литературу предмета см. у Ал. Пиленко: „Право изобрѣтателя“, т. I, стр. 52.

І. Основныя Положенія.

1. Патенты на изобрѣтенія выдаются ихъ авторамъ или правопреемникамъ послѣднихъ, при чемъ, до доказательства противнаго, правоспособнымъ къ тому считается первый подавшій въ законномъ порядкѣ заявленіе по ст. 22.

Обыкновенно патентные законы начинаются опредѣленіемъ объекта правъ, мы же начинаемъ съ субъекта, въ виду господствующаго положенія личности, а не объекта правъ.

Эта статья точно опредѣляетъ субъекта правъ на полученіе патента, что не усматривается ясно и опредѣленно изъ Положенія 1896 г., такъ какъ намеки статей 2, 10, 13, 15, 26 и 29 этого Положенія нельзя считать вполне категорическими и исчерпывающими.

См. Ал. Пиленко: П. И., I, 398—414, Д. В. Катковъ: 55 и дал. и А. Скородинскій: П. и П., Общ. ч., 18 *).

Въ ст. 2 Положенія 1896 г. имѣются ненужныя прибавки: „какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ подданнымъ“: хотя очевидно, законъ имѣлъ въ виду вообще иностранцевъ, но при желаніи этому выраженію закона можно было бы придать толкованіе ограничительное **), между тѣмъ согласно мотивамъ закона имѣлось въ виду толкованіе расширительное. Послѣднее достигается лучше всего вычеркиваніемъ изъ закона лишнихъ опредѣленій (по методу абстракціи), а не включеніемъ въ него примѣ-

*) Сокращенія обозначаютъ: Ал. Пиленко. П. И. I, 398—414: Право изобрѣтателя т. I, стр. 398 до 414; Д. В. Катковъ, 55: О привилегіяхъ (патентахъ) на изобрѣтенія и т. д., стр. 55, А. Скородинскій: П. и П., Общ. ч. 18; Привилегіи и Патенты, Общая часть, стр. 18.

**) „Иностранные подданные, живущіе въ Россіи“,... тѣмъ болѣе, что въ сущности патентные законы имѣютъ по дѣйствию своему чисто территориальное значеніе.

ровъ и поясненій, бесполезно запутывающихъ смыслъ: всѣ патентные законы (какъ и нашъ) имѣютъ въ виду жителей всего земного шара, и потому почти нигдѣ нѣтъ оговорокъ подданства или жительствова.

Выраженіе той-же статьи: ...„и притомъ (!) не только (!) самимъ (!) изобрѣтателямъ“... излишне длинно и сбивчиво.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о „контръ-проектѣ“ г. Гурьева, изложенномъ въ брошюрѣ его: „О привилегіяхъ на изобрѣтенія“, полемизирующей съ Техническимъ Обществомъ по поводу его проекта закона 1896 года.

Оставляя безъ вниманія общія замѣчанія автора, частью несправедливыя, частью голословныя и не подкрѣпленныя указаніемъ на возможныя для исправленія выставленныхъ quasi - недочетовъ проекта средства, перейдемъ къ положительнымъ предложеніямъ г. Гурьева, которыя въ сущности сводятся къ двумъ положеніямъ:

1) Ни на какое изобрѣтеніе или усовершенствованіе, гдѣ-бы то ни было уже привилегированное, не можетъ быть выдана привилегія въ Россіи.

2) Надо помѣщать, въ особомъ періодическомъ изданіи переводы описаній (и чертежей) патентовъ главнѣйшихъ странъ, съ приложеніемъ подробныхъ указателей алфавитныхъ и систематическихъ; это изданіе „могло-бы быть предпринято подъ весьма благовиднымъ виѣшнимъ предлогомъ“ поставленія въ извѣстность лицъ заинтересованныхъ; оно было-бы лучшимъ проводникомъ изобрѣтательскихъ идей, нежели „обходное движеніе“ черезъ авторовъ ихъ.

Къ п. 1. Хотя Техническое Общество и потомъ Государственный Совѣтъ, давая патенты иностранцамъ безъ ограниченій, явно приняли точку зрѣнія всѣхъ странъ, а не только странъ промышленныхъ, какъ бездоказательно утверждаетъ г. Гурьевъ, тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ, ради душевнаго спокойствія, слѣдуетъ пересмотрѣть еще разъ.

Положеніе подъ п. 1-мъ стоитъ въ противорѣчій съ другими разсужденіями г. Гурьева, явно направленными къ тому, чтобы иностранцамъ патентовъ не давать совсѣмъ; заключительное-же его положеніе, наоборотъ, заставляетъ сначала заявлять русскій патентъ, потомъ иностранный. Покровительственный законъ Франціи пользуется именно этимъ положеніемъ и рассчитанъ на то, чтобы прежде всего заявляли патенты во Франціи.

Итакъ, „не рой другому яму!“...

Допустимъ, однако, что положеніе 1-ое надо читать наоборотъ:

„патенты выдаются въ Россіи только русскимъ подданнымъ или лицамъ, живущимъ не менѣе извѣстнаго числа лѣтъ въ Россіи“. Опросомъ изобрѣтателей цѣлесообразность этой мѣры г. Гурьеву провѣрить было очевидно нельзя, ибо они могутъ не понимать своихъ интересовъ, а если и понимаютъ, то что значать интересы группы лицъ передъ массой, которую хочетъ облагодѣтельствовать г. Гурьевъ контрабандными изобрѣтеніями.

Вообще-же, кажется, было-бы послѣдовательнѣе ужь совсѣмъ никому никакихъ патентовъ не давать и ничьихъ исключительныхъ правъ не признавать, — это было-бы тоже не очень благовидно, зато еще выгоднѣе (Голландія). Не давать патентовъ только иностранцамъ — значило-бы совсѣмъ закрыть двери нашимъ изобрѣтателямъ за границей, что было-бы тѣмъ болѣе нецѣлесообразно, что эксплуатація изобрѣтеній, особенно въ передовыхъ отрасляхъ техники, у насъ почти неосуществима, въ виду слабаго развитія этихъ отраслей техники и слабой конкуренціи.

Обращаясь къ п. 2, видимъ странную смѣсь цинизма съ ханжествомъ. Первый мы привѣтствуемъ, какъ результатъ искренности, второму удивляемся въ виду его бесполезности: для чего нуженъ „благовидный внѣшній предлогъ“ и кого мы обманемъ имъ, если даже считать это необходимымъ? По существу-же дѣла замѣтимъ только, что, кромѣ немногихъ изобрѣтеній, которыми органъ г. Гурьева соблазнилъ-бы нашихъ капиталистовъ, громадное большинство ихъ осталось-бы безъ вниманія. Многія изобрѣтенія должны были быть выношены, пережиты авторами, „претерпѣвшими до конца“, выстраданы ими глубоко и сильно, чтобы войти въ жизнь.

О безнравственности, вѣрнѣе о несправедливости и опасности этого принципа мы не говоримъ: законы врядъ-ли имѣютъ большое воспитательное значеніе, но они не должны хотя сколько-нибудь содѣйствовать развращенію публики: если законъ способствуетъ извлеченію безъ риска носоваго платка у француза и нѣмца, то завтра нашъ гражданинъ продѣлаетъ то же самое съ русскимъ.

2. Въ договорахъ найма должно быть точно указываемо, какого рода изобрѣтенія и на какихъ условіяхъ будутъ считаться принадлежащими вполнѣ или отчасти работодателю, для тѣхъ случаевъ, когда положеніе служащаго въ промысловомъ заведеніи несомнѣнно обязываетъ его къ изобрѣтательской дѣятельности.

Вопросъ объ отношеніи работодателей къ изобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ ихъ служащими, имѣетъ не малое принципиальное значеніе, и потому неудивительно, что два закона изъ болѣе позднихъ (австрійскій и финляндскій)—посвятили ему особыя статьи.

Вышеизложенная статья представляет собою переработку ст. 5-ой австрійскаго закона, при чемъ указаніе о томъ, что „положенія контрактовъ и условій прохожденія службы, рассчитанныя на отнятіе у рабочихъ или служащихъ сообразнаго вознагражденія за сдѣланное ими на службѣ изобрѣтеніе, считаются недѣйствительными“,—вычеркнуто по двумъ причинамъ.

Принципіально, строгая опека въ данномъ случаѣ врядъ-ли умѣстна; кромѣ того, положенію ст. 2 проекта нами придано все-таки покровительственное рабочимъ и служащимъ значеніе, а именно: контрактъ требуется только для случаевъ, когда должность служащаго несомнѣнно обязываетъ его къ изобрѣтательности (конструкторъ-спеціалистъ механическаго завода, лаборантъ-технологъ на химической фабрикѣ, нанятый для контроля и усовершенствованія производства), а главное, въ контрактѣ должно быть оговорено, что въ пользу работодателя поступаютъ изобрѣтенія, относящіяся къ извѣстной отрасли техники. Интеллигентность лицъ указанной категоріи гарантируетъ сознательное отношеніе ихъ къ договору найма. Кромѣ того ст. 2 нашего проекта подразумѣваетъ, что отсутствіе договора—даже если служащаго можно считать обязаннымъ къ изобрѣтательности—всегда служитъ въ пользу рабочаго (финляндскій законъ—прямо противъ).

Нѣкоторыя подробности см. у г. Ал. Пиленко (П. И., I, 414—420); включеніе въ законъ предлагаемой статьи желательно, съ цѣлью дать руководящее положеніе, чѣмъ будетъ внесена опредѣленность и предусмотрительность въ отношенія сторонъ, а главное—извѣстное число процессовъ будетъ предупреждено (Д. В. Катковъ, 63).

3. Патенты выдаются на новыя изобрѣтенія, могущія имѣть примѣненіе въ промышленности, исключая:

а) изобрѣтенія, противныя законамъ и добрымъ нравамъ,

б) косметики и пищевыя, вкусовыя и лекарственныя вещества для людей и животныхъ, при чемъ способы и приспособленія для изготовленія всѣхъ этихъ веществъ патентуются.

Выраженія ст. 3-ей проекта близки къ выраженіямъ новѣйшихъ и наиболѣе совершенныхъ иностранныхъ законовъ.

Опредѣленіе патентоспособнаго изобрѣтенія дано въ ст. 1-й, 3-й и 4-й Положенія 1896 года, которыя говорятъ безсистемно о промышленномъ характерѣ изобрѣтеній, о „существенной новизнѣ“, о составѣ изобрѣтеній, о патентуемыхъ изобрѣтеніяхъ и проч. Здѣсь ст. 3-я говоритъ только объ объектѣ правъ, т. е. о патентоспособныхъ и непатентуемыхъ изобрѣтеніяхъ, при чемъ понятіе о новизнѣ выдѣлено въ ст. 4-ю.

Полагаемъ, что разъ подъ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ безразлично понимается патентоспособное изобрѣтеніе, то раздѣленіе это въ законѣ представляется ненужнымъ, тѣмъ болѣе, что, въ противоположность ст. 27-й Положенія 1896 года, патенты дополнительные по составу защищаемаго ими изобрѣтенія (въ смыслѣ существенности) не должны-бы отличатся отъ патентовъ основныхъ, что и проектировано ниже (ст. 15-я проекта. См. Ал. Пиленко, П. И. П., 108—122).

О „существенной новизнѣ“ (ст. 3-я Положенія 1896 г.) мы говорили много въ докладѣ Совѣту И. Р. Т. О-ва *) и теперь повторяться не будемъ; замѣтимъ только, что, хотя ст. 3-я закона и заключаетъ въ себѣ попытку (наряду съ заграничными теоріями объ эффектѣ, технически новомъ дѣйствіи и т. п.) дать опредѣленіе патентуемаго изобрѣтенія, тѣмъ не менѣе попытка эта совсѣмъ неудачна по смѣшенію разнородныхъ понятій новизны и существенности и по слишкомъ смѣлому соподчиненію ихъ; притомъ врядъ-ли она умѣстна въ законѣ. Еще болѣе ненужны перечисленія того, въ чемъ „существенная“ новизна можетъ проявиться. Менѣе всего опредѣлительно выраженіе: „во всемъ своемъ объемѣ“. Если и считать все приведенное въ законѣ перечисленіе желательнымъ, то все-таки надо замѣтить, что въ немъ пропущено указаніе на новую послѣдовательность операций, приемовъ, что такъ важно для опредѣленія способовъ.—См. Катковъ, 122.

Конецъ ст. 3-й Положенія 1896 г. прямо не понятенъ: неужели въ составъ одной привилегіи могли-бы входить отдѣльныя изобрѣтенія (можетъ быть отдѣльныя операции и приемы?), представляющія „одинъ опредѣленный (!) способъ (!) производства и не могущія имѣть примѣненія въ отдѣльности“ (?).

Если толковать это положеніе по духу, то надо замѣтить, что заграничная практика (кромѣ Сѣверной Америки) давно установила, а наша практика давно переняла — патентованіе способовъ и аппаратовъ при новомъ продуктѣ и патентованіе приспособленій при новомъ способѣ. Новые-же способы въ патентѣ на продуктъ и новые аппараты въ патентѣ на способъ, иногда и отдѣльныя операции „одного опредѣленнаго“ способа (если дѣйствительно ихъ подразумеваетъ нашъ законъ, не говоря уже о различныхъ аппаратахъ для осуществленія одного способа), рѣшительно не только могутъ, но и должны „имѣть примѣненіе въ отдѣльности“, ибо неизбѣжно исключаютъ другъ друга на прак-

*) Записки И. Р. Т. О-ва, февраль 1904 г.

тикѣ, представляя эквиваленты или, по общепринятому, — варианты, замѣняющіе другъ друга.

Итакъ, ближайшее опредѣленіе изобрѣтенія, удержавшееся только въ болѣе старыхъ законахъ, да и то въ видѣ примѣровъ, бесполезно и скорѣе неудобно. Дѣло патентнаго или общаго суда рѣшить въ каждомъ частномъ случаѣ и по свободному внутреннему убѣжденію — разсматриваемое нововведеніе представляетъ ли собою изобрѣтеніе, или нѣтъ.

См. Ал. Пиленко, П. И., I, 290—341 и 378—382, Катковъ, 82.

При желаніи опредѣлить все-таки въ законѣ патентоспособное изобрѣтеніе, можно предложить формулу г. Ал. Пиленко, во-тированную на конференціи Международнаго Союза по защитѣ промышленной собственности въ Парижѣ въ 1900 году, а именно: патентоспособнымъ изобрѣтеніемъ можетъ быть „всякое (можно прибавить — объективно новое) умственное произведеніе, дающее промышленный результатъ“ *).

Къ п. а. Не говоря о томъ, что изобрѣтенія, разсуждая объективно, не могутъ быть противны нравственности, противно какой для отдѣльныхъ индивидуумовъ можетъ быть только примѣненіе ихъ, замѣтимъ, что нравственныя понятія, какъ исключительно духовная и чисто субъективная принадлежность личности, свободны отъ давленія и контроля правового закона; общественный-же порядокъ и благопристойность вмѣстѣ съ другими условіями пункта б ст. 4-ой Положенія 1896 г. обобщаются въ понятіи „добрые нравы (bonnes mœurs, gute Sitten)“ — выраженіе всѣхъ почти патентныхъ законовъ.

Упомянутое о противорѣчій существующимъ законамъ могло бы быть опущено, какъ само собой подразумѣваемое, но (за рѣдкими исключеніями) оно входитъ въ большинство законоположеній.

Къ п. б. Объявленіе химическихъ продуктовъ непатентоспособными, скопированное повидимому безъ достаточной критики съ германскаго закона, врядъ-ли имѣетъ за себя достаточное основаніе. Дѣйствительно, соотвѣтствующее положеніе германскаго закона есть искусственная мѣра противъ повышенія цѣнъ на химическіе продукты, и если эта мѣра не очень дѣйствительна (благодаря возможной защитѣ продукта товарными знаками вообще и въ частности словесными марками), то и не очень вредна, въ виду наличности въ Германіи сильно развитой химической промыш-

*) „Toute création donnant un résultat industriel“; см. „Propriété Industrielle“, 1900, № 8.

ленности, для которой отсутствіе патентовъ скорѣе выгодно; у насъ же эта мѣра можетъ служить къ задержанію въ ростѣ химической промышленности, и безъ того слабо развивающейся; наша промышленность врядъ-ли дѣятельно воспользуется такимъ покровительствомъ, особенно при свободѣ заграничнаго ввоза *).

Намъ кажется кромѣ того, что патенты, при всей призрачности пользы отъ нихъ въ качествѣ возбуждающей мѣры для сонной промышленности, все-таки заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія передъ такими пассивными мѣрами, какъ запретительныя пошлины и т. п., тѣмъ болѣе, что послѣднія нерѣдко трудно осуществимы въ виду поддержанія необходимыхъ намъ конвенцій и торговыхъ договоровъ, да и потребители теряютъ отъ патентовъ меньше: легче обходить патенты, чѣмъ создавать у себя новую промышленность.

Сообразно установившейся у насъ практикѣ, мы измѣнили редакцію пункта б ст. 3-й проекта сравнительно съ ст. 4-й Положенія, включивъ косметику, пищевыя, вкусовыя и лекарственныя вещества для животныхъ (согласно практикѣ Комитета и недавно состоявшемуся постановленію Ветеринарнаго Совѣта отъ 29 Января 1904 г.) и выпустивъ опредѣленіе „составныя“ при лѣкарствахъ, такъ какъ послѣднія основательно считаются всегда составными.

См. Ал. Пиленко, П. И., I, 382—397, Катковъ, 134.

Къ вопросу о необходимости введенія защиты на общепользные образцы (Gebrauchsmuster) мы еще возвратимся; замѣтимъ только, что лично мы—за введеніе такихъ образцовъ; польза защиты ихъ очевидна: съ одной стороны—Патентныя Учрежденія будутъ меньше затруднены въ рѣшеніяхъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ выдача патентовъ представляется сомнительной по составу изобрѣтенія, что чаще всего имѣетъ мѣсто при болѣе конкретномъ характерѣ изобрѣтенія; при этомъ отказъ въ патентѣ можетъ быть зачастую компенсированъ выдачей свидѣтельства на образецъ. Съ другой стороны, сами изобрѣтатели, сомнѣвающиеся въ патентоспособности

*) Въ мотивахъ закона 1896 г. (журналы Соединенныхъ Департаментовъ къ ст. 4 проекта III) Государственный Совѣтъ объясняетъ нежеланіе патентовать химическія вещества, какъ „результатъ научныхъ открытій“. Замѣтимъ только, что, въ силу развитія научныхъ знаній, всѣ изобрѣтенія приближаются къ таковымъ, но никогда и нигдѣ это не считалось обстоятельствомъ, нарушающимъ патентоспособность ихъ.

Принципіально: путь, пройденный творчествомъ изобрѣтателя, и средства, служившія для осуществленія композиціи изобрѣтенія,—игнорируются законодателемъ.

своихъ некрупныхъ (болѣе конкретныхъ) изобрѣтеній, можетъ быть, предпочтутъ—въ виду отсутствія риска (по отсутствію повѣрки) и вслѣдствіе меньшихъ расходовъ, а также въ виду скоропреходящаго значенія ихъ улучшеній (articles de mode и т. д.),—сокращенную защиту образцами. См. А. Скородинскій, П. и П., Общ. ч. 50 и 79, 80.

Мотивы закона 1896 г. (журн. Соед. Департ. Гос. Сов. подъ ст. 4-й): нежелательно выдавать привилегій... „какъ на примѣръ во Франціи (?) на такіе предметы, которые заключаютъ новизну только въ своей внѣшней формѣ“.

Съ другой стороны, когда новизна тѣсно связана съ формой и особенно если вопросъ объ отличимости или новизнѣ признаковъ является спорнымъ—лучшій компромиссъ—выдача свидѣтельствъ на „образецъ“.

4. Изобрѣтеніе считается новымъ, если, до момента законно-дѣйствительнаго заявленія его на патентъ, оно:

а) не было описано гдѣ-либо въ общедоступномъ изданіи, *б)* не было открыто, используемо, примѣняемо или разглашаемо внутри Имперіи, при чемъ въ обоихъ случаяхъ (п. п. *а* и *б*) доступность и открытость понимаются въ смыслѣ возможности для свѣдущихъ людей воспроизвести характерные и основные признаки изобрѣтенія; *в)* если изобрѣтеніе не было заявлено на патентъ гдѣ-либо за границей, при томъ авторомъ или правопреемникомъ его, въ теченіе болѣе года до дня заявленія его въ Россіи; *г)* если изобрѣтеніе не было подробно опубликовано хотя-бы выкладываніемъ его для ознакомленія въ Россіи (стр. 27), или путемъ печати въ силу патентованія его въ Россіи, или гдѣ-либо за границей до заявленія его въ Россіи, и если истекъ кромѣ того срокъ по п. *в*; *д)* если предметъ изобрѣтенія находился на выставкѣ въ Россіи или за границей, то, несмотря на могущее послѣдовать отъ того опубликованіе, разглашеніе или использованіе изобрѣтенія, автору послѣдняго и правопреемникамъ его предоставляется получить дѣйствительный патентъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня открытія выставки.

Положенія ст. 4-й закона 1896 г. при нѣкоторомъ многословіи не вполне опредѣлительны; неизвѣстно, на примѣръ, до какихъ поръ можетъ быть заявленъ дѣйствительный патентъ въ Россіи иностранцемъ, получившимъ или заявившимъ ранѣе заграничный патентъ и проч. Мы не будемъ останавливаться на критикѣ этихъ положеній, въ виду неизбѣжной необходимости измѣнить ихъ для приведенія въ соотвѣтствіе съ руководящими положеніями Международнаго Союза, что мы и сдѣлали въ п.п. *в*, *г* и *д*, этой

статьи. Для критики Положенія 1896 года см. Ал. Пиленко П. И. I, 342—378 и Д. В. Катковъ, 29.

Объ участіи Россіи въ Союзѣ: Ал. Пиленко, П. И. I, 275—278; А. Скородинскій, П. и П., Общ. ч. 8; Прил. II, 57 *).

Еще разъ выскажемъ пожеланіе, чтобы присоединеніе Россіи къ Союзу состоялось по обсужденіи этого вопроса Комиссіей Техническаго Общества.

Пунктъ *б* измѣненъ въ томъ смыслѣ, что уничтожающимъ новизну считается открытое использование, примѣненіе изобрѣтенія и т. д. только внутри Россіи, въ виду трудности слѣдить за соотвѣтствующими фактами и провѣрять наличность ихъ за границей—со стороны конкуренціи, а значеніе и вѣскость ихъ—со стороны патентныхъ учреждений. Аналогичное постановленіе основательно заимствовано почти всѣми новыми законами изъ германскаго Положенія.

Наконецъ, въ этой статьѣ вычеркнуто положеніе о солидарности патентовъ, т. е. о зависимости сроковъ патентовъ, заявленныхъ въ Россіи послѣ патентованія соотвѣтственныхъ изобрѣтеній за границей—въ виду бесполезности этого установленія (до срока доживаетъ 2 — 6% патентовъ за границей: Германія, Франція, Англія,—и навѣрное еще меньше у насъ) и связанныхъ съ нимъ формальностей, а также по отсутствію этого положенія во всѣхъ новыхъ законахъ и, главное, въ положеніяхъ Международнаго Союза, прямо отрицающаго этотъ устарѣвшій, внѣ связи съ жизнью поставленный принципъ. Кстати сказать, соотвѣтствующія требованія о томъ немногихъ устарѣвшихъ законовъ безъ особаго труда можно обойти.

Въ концѣ этой статьи дано положеніе объ участіи изобрѣтеній на выставкахъ, исправленное, какъ и вся ст. 4-я, по нашей просьбѣ Директоромъ Бюро Международнаго Союза по защитѣ промышленной собственности въ Бернѣ, г. Морелемъ, при чемъ было вычеркнуто требованіе къ эпоненту дѣлать предупрежденіе о томъ, что имъ будетъ подано заявленіе о патентѣ (многія новѣйшія законоположенія). Это исправленіе сопровождалось слѣдующей мотивировкой:

„Если возникнетъ недоразумѣніе о приоритетѣ между выставившимъ ранѣе изобрѣтеніе или его правопреемникомъ и постороннимъ лицомъ, заявившимъ изобрѣтеніе на патентъ въ проме-

*) Для детальнаго ознакомленія съ Международнымъ Союзомъ см. проф. Казанскій: „Международный Союзъ для охраны промышленной собственности“.

жутокъ между открытіемъ выставки и моментомъ заявленія спорнаго изобрѣтенія, то экспонентъ-изобрѣтатель долженъ первый доказать 1) фактъ выставленія изобрѣтенія и 2) техническое тождество этого изобрѣтенія съ тѣмъ, на что заявленъ имъ патентъ, оспариваемый третьимъ лицомъ, предупредившимъ его съ заявленіемъ. Доказательство этого можетъ иногда представить трудности: дѣло заинтересованнаго лица обезпечить себя ими. На практикѣ предварительныя заявленія о имѣющемъ послѣдовать патентованіи, въ тѣхъ странахъ, гдѣ они предусматриваются закономъ, очень рѣдки; кромѣ того, зачѣмъ избѣгать примѣненія принципа статьи 11-й Конвенціи къ тѣмъ немногимъ изобрѣтателямъ, которые, независимо отъ этой формальности, могутъ установить—фактомъ выставленія ихъ изобрѣтенія—право на защиту послѣдняго“.

См. Ал. Пиленко, П. И., II, 214—228 и А. Скородинскій П. и П. Общ. ч. 70.

5. Патентъ сообщаетъ держателю его право исключительнаго изготовленія, распространенія, продажи и вообще исключительнаго промышленнаго примѣненія въ свою пользу изобрѣтенія, защищаемаго патентомъ.

Патентъ, выданный на способъ, охраняетъ также изготовленные по этому способу продукты.

Эта статья представляетъ переработку ст. 22-й Положенія 1896 г., при чемъ редакція ея нѣсколько исправлена. Замѣтные недостатки ст. 22-й Положенія: соединеніе существеннаго содержанія права по полученіи патента съ содержаніемъ производныхъ правъ на отчужденіе и на преслѣдованіе поддѣлокъ. Отчужденіе можетъ имѣть мѣсто не только до выдачи патента, но и до заявленія его и потому въ болѣе совершенныхъ законахъ не упоминается, какъ право самоочевидное и подразумеваемое. Преслѣдованіе поддѣлокъ не есть само право, а только слѣдствіе его; такихъ слѣдствій можно привести очень много. Если законы и говорятъ о поддѣлкѣ и преслѣдованіи ея, то лишь съ цѣлью дать опредѣленіе поддѣлки и указать условія, допускающія преслѣдованіе ея, что нашъ законъ частью упускаетъ, частью ставитъ условія явно несправедливыя (п. 3-й ст. 22; ср. ст. 18 проекта). Далѣе, предусматривая отчужденіе на часть срока дѣйствія патента (п. 2-й ст. 22), законъ упускаетъ изъ виду отчужденіе на часть территоріи и части объема правъ (напр. аппарата при способѣ, одного изъ патентованныхъ вариантовъ аппарата). Существеннымъ пропускомъ является отсутствіе оговорки, прибавленной нами, о защитѣ продукта, изготовленнаго по патентованному способу (большинство новыхъ законоположеній).

См. Ал. Пиленко П. И. П. 71—108, и А. Скородинскій П. и П. Общ. ч. 41—50.

6. Патентъ не освобождаетъ держателя его отъ подчиненія какъ существующимъ, такъ и могущимъ быть изданными общимъ законамъ.

Вмѣсто общепринятаго въ законахъ положенія, что патентъ, какъ результирующая правъ, вытекающихъ изъ спеціального закона—не можетъ (въ противоположность прежнимъ привилегіямъ, сначала, какъ жалованнымъ грамотамъ—у насъ до 1833 г., а позже, какъ индивидуальнымъ законамъ—у насъ съ 1833 по 1870 г.) идти въ разрѣзъ съ существующими общими законами, нашъ законъ (ст. 23-я Положенія 1896 г.) говоритъ почему-то о подчиненіи лишь узаконеніямъ и постановленіямъ „относительно приведенія въ исполненіе“ (при томъ особо изложеннымъ въ слѣдующей статьѣ 24-ой), что и безъ того понятно само собою, такъ какъ всякій болѣе поздній законъ отмѣняетъ законъ болѣе ранній и регулирующий то же правоотношеніе. Развивающія постановленія также не требуютъ особаго упоминанія, ибо проводятся въ установленномъ порядкѣ и получаютъ обязательную силу независимо отъ предупрежденій о нихъ.

См. А. Скородинскій, П. и П., прил. I, 13.

7. Лицо или заведеніе, добросовѣстно примѣнявшія изобрѣтеніе до заявленія его на патентъ кѣмъ-либо другимъ, могутъ продолжать пользоваться изобрѣтеніемъ и послѣ выдачи патента на него кому-бы то ни было, однако не иначе, какъ для своего промысловаго заведенія, съ каковымъ вмѣстѣ это право предварительнаго пользованія и можетъ быть отчуждаемо.

Эта статья заполняетъ пробѣлъ, имѣвшійся въ нашемъ законѣ 1896 года и повторяетъ собою выраженіе, находящееся въ законахъ почти всѣхъ странъ, заимствовавшихъ германскую систему (кромѣ Германіи еще: Австрія, Венгрія, Данія, Норвегія, Финляндія, Швеція, Швейцарія и др.).

По существу дѣла: разъ патентъ выдается послѣ повѣрки новизны, одинаково несправедливо—какъ лишать правъ держателя патента въ пользу лица негласно и добросовѣстно примѣнявшаго раньше тоже изобрѣтеніе, такъ и равно—преслѣдовать этого искренняго и можетъ быть болѣе ранняго изобрѣтателя за то, что онъ не торопился заручиться правовой монополіей (по соображеніямъ чаще хорошимъ—окончательная разработка изобрѣтенія, опытное его изслѣдованіе, предварительная провѣрка новизны и проч., чѣмъ дурнымъ). Если-бы даже побужденіемъ къ тому было желаніе пользоваться изобрѣтеніемъ, какъ фабричнымъ секретомъ,

то и здѣсь нѣтъ ничего предосудительнаго: всякій воленъ пользоваться защитой патентнаго права или нѣтъ, только въ послѣднемъ случаѣ онъ несетъ весь рискъ отъ разглашенія и т. п. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи есть попытки законодательствъ оградить интересы изобрѣтателей. См. Ал. Пиленко, П. И. I, 41, прим., Катковъ 59 и прим. 1-ое на стр. 158.

8. При желаніи заинтересованнаго лица о включеніи въ соотвѣтствующій патентъ отмѣтки о правѣ предварительнаго пользованія, о томъ должно быть заявлено, начиная со времени выкладыванія документовъ для ознакомленія публики и въ порядкѣ, опредѣленномъ для протестовъ (ст. 30).

Удостовереніе права предварительнаго пользованія полезно отчасти, какъ гарантія противъ могущихъ возникнуть позже недоразумѣній; между тѣмъ, чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе представлять доказательства, а главное труднѣе провѣрять ихъ...

Эту статью можно перенести въ процессъ (разд. II).

9. Суда и инья перевозочныя приспособленія, снабженныя патентованными частями и приборами и проходяція территорію Имперіи транзитомъ, при чемъ остаются здѣсь не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году, не подвергаются дѣйствию этого закона.

Положеніе это вошло въ большинство иностранныхъ законоположеній, нами прибавленъ только срокъ пребыванія перевозочныхъ приспособленій на русской территоріи, такъ какъ общепринятое выраженіе: мимоходомъ, транзитомъ—(vorübergehend, passagement) представляется мало опредѣлительнымъ, особенно при нашихъ разстояніяхъ.

См. Ал. Пиленко, П. И., I, 191.

10. Права на подачу заявленія, на полученіе патента и права, вытекающія изъ полученнаго патента могутъ быть отчуждаемы и передаваемы полностью или частями по времени, по мѣсту дѣйствія или по содержанію изобрѣтенія. Всѣ эти права въ подлежащихъ случаяхъ переходятъ полностью къ наслѣдникамъ по завѣщанію или по закону; равнымъ образомъ, патентъ, выданный не по принадлежности, можетъ быть переданъ полностью или въ соотвѣтственной части своего объема лицу, доказавшему принадлежность ему патента.

Всѣ эти права могутъ быть объектомъ залоговаго договора. Для обезпеченія переданнаго другому лицу права на подачу заявленія о патентѣ должны быть предъявлены нотаріусу описаніе и, если есть, чертежи изобрѣтенія.

Начало статьи 10-й проекта есть исправленная часть ст. 22-й

Положенія 1896 г.; затѣмъ имѣется прибавленіе о принудительной передачѣ правъ въ пользу лица, за которымъ они признаны судомъ или Патентнымъ Присутствіемъ; этотъ вопросъ можно было до сихъ поръ считать спорнымъ, въ виду толкованій за (Д. В. Катковъ, 64 и 65, А. Скородинскій, П. и П., Прил. I-ое, 34) и противъ (Ал. Пиленко, П. И. П., 11 примѣчаніе). Впрочемъ и г. Ал. Пиленко находитъ, что желательнo было-бы ослабить строгость ст. 29 („привилегія прекращается“) и допустить, чтобы, въ случаѣ дѣйствительно оспоренной принадлежности изобрѣтенія, патентъ не былъ-бы уничтожаемъ, а переводился бы на оспаривателя. Въ концѣ статьи прибавлено: „должно быть доведено до свѣдѣнія лицами заинтересованными“, чтобы устранить имѣвшееся до сихъ поръ сомнѣніе въ томъ, а именно: за 1) Д. В. Катковъ, 200; 2) Австрійскій законъ § 18, „къ-мъ-либо изъ заинтересованныхъ“; 3) А. Скородинскій, П. и П. Прил. I, 29 и противъ: Ал. Пиленко, П. И. П., 43.

11. Если использованіе патентованнаго изобрѣтенія имѣетъ значеніе для общества, правительства или въ частности военнаго или морскаго вѣдомствъ, то, за отсутствіемъ соглашенія съ патентодержателемъ, патентъ отчуждается судомъ за вознагражденіе на основаніи особо установленныхъ на этотъ предметъ правилъ (ст. 40).

По соглашенію Военнаго или Морскаго Министра съ Предсѣдателемъ Патентнаго Присутствія, находящійся на разсмотрѣніи патентъ можетъ быть, даже при разрѣшеніи его къ выдачѣ, удержанъ въ секретѣ, если до опубликованія его онъ былъ переуступленъ Военному или Морскому Министерству, причемъ разглашеніе его можетъ быть караемо какъ нарушеніе государственной тайны, а вопросъ о поддѣлкѣ этого патента, въ виду секретности его, не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о разглашеніи.

Ограничительное дѣйствіе ст. 176 Уст. о пром. безусловно слѣдуетъ прекратить, не ожидая пересмотра закона, особенно въ виду того, что частные заводы и техники должны быть поощряемы къ разработкѣ военныхъ приспособленій *); по крайней мѣрѣ авторы военныхъ изобрѣтеній не должны быть ограничиваемы въ своей военно-технической дѣятельности, хотя-бы стѣсненіемъ средствъ къ полученію законнаго вознагражденія, доступнаго

*) Современная полевая скорострѣльная пушка со всей матеріальной частью ея разработана Путиловскими Заводами.—Обезпеченность государства въ смыслѣ полученія всѣхъ боевыхъ приспособленій у себя дома особенно желательна въ военное время.

техникамъ другихъ спеціальностей за творческую дѣятельность ихъ. Привлеченіе къ широко развившейся военно-морской технике новыхъ творческихъ силъ въ лицѣ штатскихъ техниковъ благопріятно отзовется на прогрессъ военной техники. Главное, частные заводы должны быть поощряемы къ установкѣ военныхъ производствъ и это лучше всего достигается уничтоженіемъ статьи 176 Уст. о промышленности.

Подробный разборъ этого вопроса см. у Ал. Пиленко, П. И. I, 384—392.

Правила отчужденія изложены ниже въ процессѣ (см. ст. 40 проекта). Что касается удержанія въ секретѣ патентовъ на военныя приспособленія, то, допуская ихъ подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ, мы сталкиваемся съ принципиальнымъ вопросомъ о поддѣлкахъ, трудно мыслимыхъ въ связи съ секретностью патента, почему и допустили компромиссъ, выраженный въ концѣ статьи.

12. Если патентодержатель не принялъ достаточныхъ мѣръ и не привелъ въ исполненіе внутри Имперіи промышленнымъ путемъ своего изобрѣтенія спустя три года по выдачѣ патента или прерывалъ производство его на срокъ болѣе года или не велъ промышленнаго производства въ объемѣ, достаточномъ для покрытія внутренняго спроса или наконецъ покрывалъ послѣдній въ большей части ввозомъ изъ-за границы и отказывалъ въ выдачѣ разрѣшеній на право пользованія патентомъ на сходныхъ условіяхъ постороннимъ лицамъ, то патентъ можетъ быть уничтоженъ или можетъ быть принудительно выдано разрѣшеніе на право пользованія патентомъ на срокъ и за определенное вознагражденіе.

Въ вопросѣ объ обязательной эксплуатаціи патентовъ мы избѣгаемъ крайностей, какъ существующей системы безплоднаго формализма (см. нашъ докладъ И. Р. Т. О-ву и особенно Ал. Пиленко, П. И. II, 122—151, и 163—167), такъ и полной свободы промышленности, могущей все-таки изъ особыхъ видовъ (напримѣръ покрытіе спроса ввозомъ изъ заграницы и т. п.) изображать, какъ говорится, „собаку на сѣнѣ“. Но если требовать эксплуатаціи, то осуществленіе ея должно быть обусловлено не свидѣтельствами, которыми легко пользоваться въ цѣляхъ противоположныхъ ихъ назначенію, а живымъ, сознательнымъ и заинтересованнымъ контролемъ общества и въ частности конкуренціей установившейся промышленности. При всемъ несовершенствѣ этого аппарата, онъ лучше удовлетворитъ своему назначенію, чѣмъ мертвая бумага, которая все терпитъ. Замѣтимъ еще, что карать изобрѣтателя отнятіемъ патента иногда только за то,

что никто изъ капиталистовъ не взялъ на себя эксплуатацію изобрѣтенія—прямо несправедливо; вѣдь, въ лучшемъ случаѣ, воспользуются изобрѣтеніемъ тѣ же капиталисты, отказавшіе въ содѣйствіи изобрѣтателю.

Г. Гурьевъ въ своей брошюрѣ 1893 г., направленной противъ проекта Техническаго Общества, много говоритъ о предстоящемъ закабаленіи русской промышленности иностранцамъ и приводитъ цифры: 1) что иностранцы получаютъ $76\frac{1}{2}$ — 81% всѣхъ привилегій (1888—1892 г.) и 2) что около 66% привилегій прекращается до истеченія срока, на который онѣ были выданы, вслѣдствіе неприведенія ихъ въ дѣйствіе въ Россіи (стр. 14).

Изъ этого факта автору слѣдовало сдѣлать лишь тотъ выводъ, что промышленность наша стѣсняется патентами, въ виду малой устойчивости (прочности) ихъ—меньше, чѣмъ то имѣетъ мѣсто за границей, и главное, что та же промышленность мало пользуется изобрѣтеніями. Платя за патенты, въ виду двойной агентуры, большія деньги, иностранцы въ общемъ конечно патентуютъ у насъ меньше пустяковъ, чѣмъ мы сами, и что же: патенты быстро гибнутъ въ силу неэксплоатаціи ихъ. Конечно, въ этомъ преждевременномъ прекращеніи ихъ меньше всего заинтересованы изобрѣтатели; по г. Гурьеву же выходитъ наоборотъ: „изъ ста случаевъ желанія русскихъ заводчиковъ ввести какое-либо изобрѣтеніе, въ 81 случаѣ возможность осуществить это желаніе зависитъ отъ согласія и условій, предлагаемыхъ иностранцами“. Не все-ли равно, кто заломитъ несообразную цѣну, русскій или иностранецъ, и тѣмъ разстроитъ сдѣлку? Важно то, что изъ русскихъ заводчиковъ мало кто интересуется изобрѣтеніями, особенно не введенными еще въ дѣло. Россія, по г. Гурьеву, „имѣетъ ужасную привилегію охранять преимущественно чужія привилегіи“, но въ сущности она имѣетъ еще худшую привилегію—обходиться почти совсѣмъ безъ привилегій: на 1 милл. жителей выдано въ 1895 г.: въ Сѣв. Америкѣ, Англіи и Норвегіи свыше 300 патентовъ, во Франціи 270, въ Швеціи и Даніи около 170, въ Германіи и Австро-Венгріи свыше 100, въ Италиіи и Испаніи свыше 70, въ Португаліи 23, въ Россіи три! (Торг. пром. Россія. 1899 г., столб. 209). Число выдаваемыхъ патентовъ возрасло за послѣдніе годы почти втрое, но теперь идетъ на убыль.

О трудностяхъ, связанныхъ съ вопросомъ объ обязательной эксплуатаціи см. Ал. Пиленко, П. И., II, 131 и А. Скородинскій, П. и П., Прил. 1, 26—28.

Въ виду того обстоятельства, что противники патентной системы пользуются приведеннымъ выше доводомъ г. Гурьева, не-

смотря на всю наивность его, до послѣдняго времени, чтобы доказывать, будто этимъ путемъ „закабалается“ промышленность страны въ пользу иностранцевъ, — мы должны замѣтить, что численное преобладаніе иностранцевъ-патентодержателей—явленіе довольно частое и легко объяснимое уже тѣмъ, что: 1) на патентномъ рынкѣ каждой страны обитатели ея конкурируютъ съ подавляющимъ числомъ жителей всѣхъ остальныхъ странъ свѣта, вмѣстѣ взятыхъ; 2) если сравнить въ странахъ, гдѣ принята повѣрка заявленій, отношеніе числа выданныхъ патентовъ къ числу заявленій, притомъ отдѣльно—для аборигеновъ данной страны и для иностранцевъ, то несомнѣнно — это соотношеніе будетъ болѣе благопріятно для иностранцевъ, уже въ силу того, что заявленія послѣднихъ фильтруются черезъ сѣтку двойной патентной агентуры — заграничной и русской, сильно удорожающей стоимость заявленій, и кстати упорядочивающей юридическую и техническую форму ихъ. Тотъ же фактъ, будучи подмѣченъ досужимъ патріотомъ въ родѣ г. Гурьева, могъ бы быть истолкованъ пожалуй въ смыслѣ государственной измѣны.

Къ пункту 1-му замѣтимъ, что напр., въ Германіи въ ниже-слѣдующіе годы было выдано слѣдующее число патентовъ иностранцамъ въ процентахъ къ общему числу ихъ:

Г О Д Ы.	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Выдано иностр. въ ‰	35	34	33	32	33	33	35	36

Г О Д Ы.	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1877—1900
Выдано иностр. въ ‰	38	37	37	37	37	36	33

Эти данныя можно по г. Гурьеву толковать такъ, что германская промышленность приближается къ „закабаленію“ ея иностранцами!

Здѣсь приведемъ еще табличку процентнаго отношенія числа патентовъ, выданныхъ иностранцамъ, — къ общей цифрѣ выданныхъ патентовъ, для 1901 г. и для слѣдующихъ странъ:

Австрія.	Англія.	Бельгія.	Германія.	Россія.	Сѣв.-Аме- рика.	Швейца- рія.
69,8‰	53,2‰	78,4‰	37,1‰	84,6‰	12,5‰	67‰

Все-таки мы, къ сожалѣнію, занимаемъ первое мѣсто, которое уступимъ кому-нибудь съ пониженіемъ нашихъ патентныхъ пошлинъ. Изъ этой же таблички видно, что нельзя судить по ней о промышленномъ развитіи страны: по таблицѣ мы недалеко ушли отъ Бельгій.

Процентное отношеніе тѣхъ-же чиселъ для Россіи за время со введенія новаго закона представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904 по 1-е окт.
82,9	82,8	81,2	81,2	82	79,7	80,2	78,7

Объ эти таблички заимствованы изъ „Propriété Industrielle“; въ послѣдней нами прибавлены годы 1902—04 и отброшенъ годъ 1896 (2-я половина), такъ какъ въ теченіе его было выдано всего 15 патентовъ.

Въ другихъ частяхъ этой работы мы указываемъ (см. ст. 22 и слѣд., а также о пошлинахъ), что, въ силу болѣе благопріятнаго положенія на внутреннемъ рынкѣ нашихъ изобрѣтателей, этихъ цифръ не надо пугаться; мы указываемъ кромѣ того, что для измѣненія этого соотношенія въ пользу русскихъ изобрѣтателей достаточно сбавить пошлины и организовать болѣе цѣлесообразно разсмотрѣніе заявленій, сдѣлавъ его точнымъ, быстрымъ и дешевымъ.

13. Патентъ выдается нѣсколькимъ совладѣльцамъ безъ обозначенія частей ихъ; при отсутствіи договора между совладѣльцами использование патента, принятіе мѣръ для удержанія патента въ силѣ и преслѣдованіе поддѣлокъ предоставляются каждому изъ совладѣльцевъ, а прекращеніе правъ отказомъ отъ патента или отчужденіемъ правъ по патенту — хотя-бы частичное — допускается лишь при совмѣстномъ участіи всѣхъ владѣльцевъ.

Преслѣдованіе поддѣлки, возбужденное кѣмъ-либо изъ совладѣльцевъ, избавляетъ отвѣтчика отъ повторительнаго преслѣдованія за подвергавшіяся суду дѣйствія его.

Эта статья разсчитана на установленіе большей определенности въ отношеніяхъ совладѣльцевъ по патенту; иной выходъ найти трудно. См. Ал. Пиленко, П. И., II, 26—37; А. Скородинскій, П. и П. Общ. ч. 62.

Статья заимствована изъ австрійскаго закона (§ 13), со слѣдующими прибавками: 1) „мѣры для удержанія патента въ силѣ“,

2) „прекращеніе правъ отказомъ отъ патента“ и 3) „преслѣдованіе поддѣлки и т. д.“

Къ п. 1-му: наша практика давно принимаетъ, что, напримѣръ, уплата кѣмъ либо изъ совладѣльцевъ годовой пошлины или представленіе свидѣтельства о приведеніи въ дѣйствиіе поддерживаютъ силу патента; п. 2-й устраняетъ недоразумѣніе на случай отказа части совладѣльцевъ отъ ихъ правъ и п. 3-й уничтожаетъ сомнѣніе въ томъ, что контрафакторъ можетъ отвѣчать за одно и то же дѣйствиіе неоднократно.

14. Продолжительность дѣйствиія патента опредѣляется въ пятнадцать лѣтъ, считая со дня подписанія его; патентъ удерживается въ силѣ ежегодной уплатой годичныхъ пошлинъ, которыя вносятся за годъ впередъ не позже того числа, въ которое патентъ выданъ; при просрочкѣ уплаты до трехъ мѣсяцевъ сверхъ срока уплачивается пеня въ размѣрѣ пяти процентовъ за каждый просроченный мѣсяць.

Существующія пени въ 10, 15 и 25⁰/₀ за каждый просроченный мѣсяць представляются несоразмѣрно высокими; пеня за 3-й мѣсяць просрочки равна 300⁰/₀ годовыхъ. За границей пени гораздо меньше; встрѣчается иногда пеня въ 20⁰/₀ за три мѣсяца (80⁰/₀ годовыхъ).

Связь между сроками русскаго патента и ранѣе выданныхъ заграничныхъ патентовъ (солидарность патентовъ) слѣдуетъ безусловно уничтожить въ виду малаго практическаго значенія ея и бесполезнаго въ сущности увеличенія формальностей, которыя притомъ не трудно обойти и со стороны формы и со стороны сути дѣла (представленіе патентовъ, оговорки въ текстѣ патента и проч.). См. ст. 4-я проекта; основанія у г. Ал. Пиленко, П. И. П., 214—228.

15. Собственникъ патента на изобрѣтеніе можетъ получить дополнительный патентъ на изобрѣтеніе, развивающее или пополняющее содержаніе основнаго патента.

Срокъ дѣйствиія дополнительнаго патента не можетъ превышать срока основнаго патента, и, въ случаѣ прекращенія послѣдняго, дополнительный патентъ становится самостоятельнымъ, причемъ расчетъ и уплата годовыхъ пошлинъ производится въ предположеніи, что основнаго патента не прекращался.

Эта статья исправляетъ ст. 27-ю Положенія 1896 г., которой предоставлялось полученіе дополнительнаго патента на льготныхъ условіяхъ „путемъ прибавленія новыхъ частей или присоединенія указаній о практическомъ примѣненіи изобрѣтенія и усовершенствованія“. Зато „срокъ дѣйствиія дополнительной привилегіи

оканчивается со срокомъ дѣйствія первоначальной привилегіи“. Такъ какъ срокъ основного патента — 15 лѣтъ, то послѣднее положеніе можно (грамматически) толковать такъ, что дополнительный патентъ остается въ силѣ послѣ случайнаго прекращенія основного до истеченія 15-лѣтняго срока, назначеннаго для послѣдняго. Но по существу дѣла это недопустимо, если дополнительный патентъ можно получить даже на „указаніе о практическомъ примѣненіи изобрѣтенія“—положеніе, неизвѣстное кажется ни одному иностранному закону, бесполезное въ виду того, что такими „указаніями“ лучше пользоваться секретно или открыто*) и вредное въ томъ отношеніи, что изъ-за этой льготы дополнительный патентъ даже на значительное и могущее существовать самостоятельно усовершенствованіе прекращается съ потерей основного патента.

Подробности у Ал. Пиленко: П. И., II, 108—122; А. Скородинскій: П. и П. Прил. I, 31.

16. Въ случаѣ связи по содержанію между двумя выданными разнымъ лицамъ патентами, при чемъ болѣе ранній патентъ является по отношенію къ другому позднему болѣе общимъ, собственнику ранняго, какъ болѣе широкаго (по объему) патента предоставляется требовать объявленія позднеѣшаго патента зависимымъ; владѣлецъ послѣдняго долженъ войти въ соглашеніе съ собственникомъ основного патента относительно промышленнаго примѣненія своего патента. — Владѣлецъ зависимаго патента не отвѣчаетъ за недостаточное использованіе изобрѣтенія, если ему было причиняемо затрудненіе въ томъ владѣльцемъ основного патента.

До настоящаго времени у насъ и за границей выдавались зависимые патенты въ случаѣ какой-бы то ни было связи между патентами. Процессы эти по своей сложности затрудняли работу патентныхъ комиссій, въ виду чего германская практика, основываясь на отсутствіи въ законѣ указаній о томъ, кто опредѣляетъ зависимость патентовъ, постепенно переложила опредѣленіе этой зависимости на общіе суды. Если эта задача оказалась трудной для строго выдержаннаго технико-юридическаго учрежденія, каковъ германскій патентамтъ, то врядъ-ли слѣдуетъ возлагать опредѣленіе зависимости на наше Патентное Присутствіе; иными словами, исполненіе ст. 16-й должно принадлежать общимъ судебнымъ учрежденіямъ.

---

*) Въ послѣднемъ случаѣ бесполезно и публиковать о нихъ, какъ иногда совѣтуютъ, ибо открытое использованіе само по себѣ устраняетъ новизну.

Нашъ законъ 1896 г. (ст. 28-я) совершенно не ясенъ, по скольку онъ предоставляетъ получать патенты на изобрѣтенія, „дополняющія или измѣняющія выданную привилегію“. Затѣмъ, много споровъ возбуждало положеніе: „на общемъ основаніи, по истеченіи года“ и т. д. Выраженіе: „на общемъ основаніи“ противорѣчитъ самой цѣли статьи 28-й Положенія, желающей обезпечить за изобрѣтателемъ особымъ порядкомъ, подобно нѣкоторымъ иностраннымъ законамъ, исключительное право на усовершенствованіе его изобрѣтенія въ теченіе нѣкотораго времени впредь. Не говоря о томъ, что срокъ этотъ представляется у насъ въ нѣсколько разъ (отъ 4 до 5 разъ) бѣльшимъ, чѣмъ въ странахъ съ явочнымъ порядкомъ выдачи, гдѣ срокъ этотъ *) считается не со дня выдачи, а со дня заявленія, мы должны замѣтить, что цѣль этого положенія все-таки понятна. Съ другой стороны, что вопросъ этотъ былъ мало изученъ, видно изъ примѣчанія къ соответствующей (14) статьѣ проекта закона 1896 г. въ журналахъ Соединенныхъ Департаментовъ, которые рѣшили: „постановить, что означеннымъ правомъ **) изобрѣтатель или его правопреемники пользуются во все время дѣйствія привилегіи“. Съ перваго взгляда видно, что это даетъ невозможно широкія права первому заявителю и, вѣроятно, это и послужило къ невключенію сказаннаго постановленія въ законъ кодификаціонными органами, такъ какъ Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду — послѣ поступленія каждаго заявленія о зависимомъ патентѣ (ст. 28-я), въ теченіе всего срока дѣйствія основнаго патента предоставить Патентному Учрежденію выжидать годъ—и по истеченіи его выдавать зависимый патентъ (по ст. 28-й) только въ случаѣ, если за этотъ годъ не поступило сходнаго заявленія отъ держателя основнаго патента. Надо-ли прибавлять, что нигдѣ нѣтъ такихъ невозможно широкихъ правъ перваго заявителя.

Въ виду спорности самаго принципа и сложности подобныхъ процессовъ, слѣдовало-бы освободить патентное учрежденіе, особенно если ему не будетъ приданъ юридическій характеръ, отъ обязательнаго установленія подобной зависимости и предоставить просить объ этомъ заинтересованнымъ лицамъ въ общихъ судахъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь сталкиваются не интересы общества или установившейся промышленности и автора, а двухъ авторовъ между собою. См. ст. 41 п. 3 проекта.

*) Шесть мѣсяцевъ въ Италіи, 1 годъ въ Венгріи, Франціи, Турціи, 2 года въ Норвегіи и пр.

**) Т. е. правомъ годичнаго пріоритета передъ авторомъ однороднаго заявленія.

Затѣмъ, слѣдуетъ указать, что не всякое измѣненіе основнаго патента служитъ къ обязательной выдачѣ зависимаго патента, а только такое измѣненіе, которое находится въ логической зависимости отъ содержанія прежняго патента. До сихъ поръ вопросъ стоялъ настолько шатко, что для опредѣленія зависимости не было никакого общаго критерія. Такимъ образомъ могло случиться, что, напримѣръ, лицо, получившее патентъ на аппаратъ, могло требовать объявленія зависимымъ патентъ на позже заявленный способъ, что представляетъ абсурдъ съ точки зрѣнія теоріи патентнаго права. Искомый критерій данъ въ послѣднее время г. Ал. Пиленко въ видѣ „закона равныхъ разстояній“ (лучше: относительныхъ объемовъ *). Изъ этого правила ясно слѣдуетъ, что зависимость можетъ быть установлена въ пользу болѣе ранняго заявителя только при условіи, если логическій объемъ болѣе ранняго патента шире, чѣмъ болѣе поздняго, напримѣръ: если сначала патентованъ продуктъ, затѣмъ патентуются способы или аппараты или если сначала патентованъ общій способъ, потомъ частный вариантъ способа или аппаратъ и т. п.

Эту недомолвку мы можемъ заполнить съ тѣмъ болѣе пріятнымъ сознаніемъ, что основываемся цѣликомъ на работѣ нашего ученаго (см. Ал. Пиленко, П. И., II, 175—181).

17. Обозначенія на самихъ предметахъ или упаковкѣ ихъ, а также указанія рекламъ, проспектовъ объявленій и пр., признанныя судомъ ложными или явно рассчитанными на обманное указаніе предмета патентованнымъ при отсутствіи соответствующаго патента, наказываются штрафомъ отъ 100 до 500 рублей, въ соединеніи при рецидивѣ съ заключеніемъ до 3 мѣсяцевъ.

18. Поддѣлкой признается сознательное использование посторонними лицами исключительныхъ правъ, принадлежащихъ патентодержателю въ силу ст. 1, 2, 3 и 4-й, начиная со дня опубликованія о разрѣшеніи патента къ выдачѣ.

За поддѣлку, кромѣ возмѣщенія убытковъ, полагается штрафъ до 2500 рублей и заключеніе до одного года. — При поддѣлкѣ способа всякій продуктъ одинаковаго состава съ производимымъ по патентованному способу, считается, до доказательства противнаго, поддѣльнымъ.

Въ случаѣ доказанной наличности одной грубой неосторожности правонарушителя, онъ обязывается только къ возмѣщенію убытковъ.

Поддѣлки наказуются по ст. 1353 Уложенія о наказаніяхъ,

*) См. Ал. Пиленко, П. И. I, 342—374; А. Скородинскій, П. и П., Общ. ч. 28.

крайне недостаточной и лишь немного усиленной въ новомъ Уголовномъ Уложеніи *). За границей штрафы обыкновенно гораздо больше; нами взята норма германскаго закона; мы затрудняемся понять, почему нашъ законъ, при крайней доброжелательности его изобрѣтателямъ, оставлялъ поддѣлки почти ненаказуемыми.— Откровенно говоря, мы не совсѣмъ понимаемъ, кромѣ того, выраженіе нашего закона, говорящаго о „самовольномъ“ пользованіи правами изобрѣтателя (ст. 22 п. 3 закона 1896 г. и ст. 621 Угол. Улож.). „Несамовольное пользованіе“ предполагаетъ давленіе чужой воли, о чемъ здѣсь врядъ-ли можетъ быть рѣчь; потому мы говоримъ о „сознательности“, подобно большинству иностранныхъ законовъ, или о завѣдомости. См. Ал. Пиленко, П. И. П., 182—189.

Поддѣлки слѣдуетъ преслѣдовать съ того момента, когда конкурентъ могъ узнать: 1) о томъ, что именно изобрѣтателемъ заявлено и 2) когда есть данныя за то, что изобрѣтеніе признано патентоспособнымъ.

Странно преслѣдовать, какъ это дѣлаетъ нашъ законъ, за поступки, совершенныя конкуренціей изобрѣтателя до того, какъ она будетъ освѣдомлена не только о возможности выдачи патента, но и даже о томъ, что именно заявлено: п. 3 ст. 22 закона

---

*) Ст. 1353 Улож. о наказ.: „Кто нарушитъ чью либо привилегію на изобрѣтеніе, тотъ, сверхъ вознагражденія привилегированнаго за понесенное имъ отъ того убытки, подвергается: денежному взысканію отъ ста до трехсотъ рублей.“

Уголовное Уложеніе (1903 г.) ст. 621. „Виновный въ самовольномъ пользованіи чужою, выданною въ установленномъ порядкѣ, привилегією на изобрѣтеніе или чужимъ правомъ на воспроизведеніе заявленныхъ, въ установленномъ порядкѣ, заводскихъ, фабричныхъ или ремесленныхъ модели или рисунка, наказывается:

арестомъ или денежною пеней не свыше пятисотъ рублей.

Ст. 622. Торговецъ, виновный въ храненіи для продажи или ввозѣ изъ-за границы для продажи или въ продажѣ предмета, завѣдомо изготовленнаго въ нарушеніе права литературной, музыкальной или художественной собственности или привилегіи на изобрѣтеніе, наказывается:

арестомъ или денежною пеней не свыше пятисотъ рублей.

Ст. 21. Арестъ назначается на срокъ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

Приговоренные содержатся въ устроенныхъ для ареста помѣщеніяхъ, въ общемъ заключеніи, но по ихъ просьбѣ, или наличности свободныхъ камеръ, помѣщаются въ одиночное заключеніе.

Приговоренные на срокъ свыше семи дней обязаны избрать себѣ какое-либо занятіе изъ числа такихъ, которыя могутъ быть допущены въ арестномъ помѣщеніи.

Приговоренные къ аресту на срокъ не свыше семи дней могутъ, по опредѣленію о томъ суда, отбыть арестъ въ собственномъ мѣстѣ жительства.

1896 г. См. Ал. Пиленко П. И. П, 189—197, А. Скородинскій, П. и П. Прил. I, 13.

Указаніе ст. 22 въ п. 4 (законъ 1896 г.) о возмѣщеніи убытковъ было излишне, въ виду категорическаго указація о томъ ст. 1353 Уложенія о наказаніяхъ.

19. Преслѣдованіе поддѣлокъ возбуждается по частнымъ жалобамъ заинтересованныхъ лицъ и можетъ быть прекращаемо заявленіемъ о томъ истца. Для иска о возмѣщеніи убытковъ полагается трехлѣтняя давность.

Первое положеніе этой статьи общепринято почти во всѣхъ странахъ и было принято у насъ ст. 22 Положенія 1896 г.

Второе положеніе включено въ законы многихъ странъ и вызывается требованіемъ справедливости и удобства, въ виду трудности въ повѣркѣ доказательствъ при болѣе позднихъ искахъ. Давность эта не распространяется на уголовное преслѣдованіе.

20. Правильность выдачи и дѣйствительность патента оспариваются заинтересованными лицами въ патентномъ присутствіи или — по уголовнымъ искамъ — въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, причемъ возбужденіе дѣла должно послѣдовать: о несоотвѣтствіи патента законнымъ предписаніямъ формальнаго свойства — не позже трехъ лѣтъ со дня опубликованія патента, а о противорѣчии патента смыслу статей 3 и 4-й и о непринадлежности изобрѣтенія, въ частности-же о похищеніи и присвоеніи содержанія его — не позже пяти лѣтъ со дня опубликованія патента.

Доказываніе наступившей впослѣдствіи недѣйствительности патента ограничивается трехгодичнымъ срокомъ со дня наступленія недѣйствительности.

Лицамъ, обвиненнымъ въ поддѣлкѣ или иномъ нарушеніи правъ патентодержателя, предоставляется при защитѣ доказывать ничтожность и недѣйствительность патентовъ со сроками, вдвое большими вышеуказанныхъ.

Соотвѣтственная статья 26-я Положенія 1896 г., несмотря на излишнее многословіе, неполна и неясна; не говоря уже о полномъ отсутствіи связи между первымъ и вторымъ предложеніями, она не отвѣчаетъ на существенные вопросы, рѣшенные въ ст. 20 этого проекта, и, кромѣ того, даетъ невозможно широкія права, неудобство чего видно изъ сопоставленія съ германскимъ закономъ, откуда эта статья заимствована. У насъ на оспариваніе дается 2 года и пять лѣтъ на эксплуатацію: въ Германіи — пять лѣтъ на оспариваніе и три года для эксплуатаціи; и то тамъ эта статья возбуждаетъ ропотъ. У насъ-же можно получить патентъ, при-

таиться съ нимъ на два года (промышленность протестуетъ противъ активно конкурирующихъ монополій, ставшихъ фактически, а не противъ бездѣятельныхъ бумажныхъ грамотъ),—чтобы потомъ проявиться во всеоружіи правовой монополіи. Вотъ почему, хотя и возможно постановить срокъ для оспариванія ради прочности патента и въ виду все увеличивающейся со временемъ трудности по повѣркѣ доказательствъ, но этотъ срокъ не долженъ быть очень малымъ, во избѣжаніе крайнихъ стѣсненій для промышленности.

21. Дѣйствіе патента прекращается: 1) за истеченіемъ пятнадцатилѣтняго срока со дня подписанія его; 2) при неуплатѣ своевременно годичной пошлины; 3) при отказѣ патентодержателя и 4) въ случаѣ выдачи патента или не по принадлежности ст. 1 и 2, или съ несоблюденіемъ требованій ст. 3 и 4 о патентоспособности, а также въ случаѣ заимствованія характерныхъ чертъ изобрѣтенія откуда-бы то ни было, причемъ лицо, доказавшее принадлежность ему правъ на патентъ, получаетъ замѣняющее послѣдній соотвѣтствующее свидѣтельство.—Если содержаніе патента не соотвѣтствуетъ положеніямъ статей съ 1-й по 4-ю только отчасти, то вмѣсто уничтоженія постановляется о соотвѣтственномъ сокращеніи патента.

Ст. 21 проекта представляетъ передѣлку ст. 29 Положенія 1896 г., изъ которой выпущенъ п. 5, такъ какъ по меньшей мѣрѣ странно наказывать заявителя прекращеніемъ его правъ за то, что соотвѣтствующее учрежденіе не выполнило прямой своей обязанности по формальной повѣркѣ описанія. При принятомъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, поданное при заявленіи описаніе можетъ быть исправлено впослѣдствіи, и тогда, въ случаѣ коренныхъ измѣненій, срокомъ заявленія можетъ считаться срокъ внесенія исправленнаго описанія (ст. 23). То же понятно будетъ имѣть мѣсто и тогда, когда заявленное описаніе недостаточно.

Статью 30-ю Положенія 1896 года, какъ чисто дѣлопроизводственную, предполагается перенести въ инструкцію.

II. Процессъ выдачи и прекращенія патентовъ.

22. Заявленія о полученіи патента должны быть дѣлаемы въ Патентное Присутствіе, при чемъ моментомъ внесенія заявленія будетъ считаться моментъ полученія его въ канцеляріи Присутствія.

Лица, живущія за границей, должны имѣть повѣреннаго, живущаго въ Россіи.

Заявленіе должно содержать въ себѣ: 1) имя, фамилію, званіе или

занятіе, также мѣстожителство заявителя и повѣреннаго, если дѣло ведется черезъ него; 2) обозначеніе или названіе изобрѣтенія, изложенное кратко и обще, безъ поясненій, но отвѣчающее содержанію описанія; 3) перечисленіе приложенныхъ документовъ и предметовъ и 4) самое заявленіе о желаніи получить патентъ.

Заявленіе должно сопровождаться описаніемъ и, если надо, чертежами и довѣренностью представителя, а также, обязательно, квитанціей въ уплатѣ 20 рублей пошлины за разсмотрѣніе дѣла.

Модели, пробы патентуемыхъ и промежуточныхъ веществъ и образцы окрашиванія представляются по требованію Патентнаго Присутствія.

Моментъ заявленія чрезвычайно важенъ для установленія пріоритета заявителя, поэтому вмѣсто постановленій закона о томъ, что заявители, подавшіе однородныя описанія въ одинъ день, приглашаются войти въ соглашеніе и т. д. (ст. 15 Положенія 1906 г.) можетъ быть будетъ признано необходимымъ установить точную помѣтку приема документовъ, какъ это принято во многихъ странахъ: Австрія, Франція, Бельгія и др., но тогда надо передѣлать соотвѣтствующую статью 25-ю проекта. Мы оставили прежній порядокъ, какъ болѣе легкій для патентнаго учрежденія.

Относительно лицъ, живущихъ за границей, законъ 1896 года (ст. 5) не точенъ, говоря: „... прошеніе должно быть подано черезъ повѣреннаго, проживающаго въ Россіи“. Цѣль этого постановленія—избѣжать заграничныхъ сношеній патентнаго учрежденія, во многихъ отношеніяхъ неудобныхъ, а иногда и невозможныхъ; потому, наоборотъ, можно скорѣе допустить присылку изъ-за границы одного заявленія, чѣмъ разрѣшить все послѣдующее веденіе дѣла, а это и упущено изъ виду закономъ 1896 года.

23. Описаніе, приложенное къ заявленію, должно: 1) касаться одного изобрѣтенія; исключеніе допускается для изобрѣтеній соподчиненныхъ по смыслу и содержанію, а также въ случаѣ нѣсколькихъ варьянтовъ, связанныхъ общей цѣлевой идеей изобрѣтенія, 2) опредѣлять изобрѣтеніе настолько ясно, точно и полно, чтобы люди свѣдущіе могли примѣнить его во всѣхъ существенныхъ частяхъ; 3) въ концѣ описанія должны быть выдѣлены въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ отличительные признаки, составляющіе содержаніе патента, для установленія объема правъ заявителя; 4) сопровождаться, если надо, чертежами, изготовленными согласно предписанія (инструкція Предсѣдателя Патентнаго Присутствія).

Исправлять и измѣнять описаніе разрѣшается до постановленія разрѣшенія на выдачу патента, сопровождаемого выкладываніемъ документовъ для ознакомленія публики.

Если исправленія эти измѣняютъ или дополняютъ самую сущность изобрѣтенія, то отдѣленіе заявленій можетъ принять ихъ съ оговоркой, что срокъ подачи заявленія будетъ считаться со дня внесенія этихъ существенныхъ измѣненій.

Положеніе ст. 23 проекта соотвѣтствуетъ принятой Комитетомъ практикѣ и многимъ иностраннымъ законоположеніямъ.

24. Прилагаемая къ заявленію (ст. 22) пошлина за разсмотрѣніе дѣла (20 руб.) ни въ какомъ случаѣ не возвращается, ибо каждое заявленіе должно быть разсмотрѣно. Предсѣдателю Патентнаго Присутствія предоставляется освободить русскихъ подданныхъ, удостоверяющихъ свою несостоятельность, отъ взноса пошлины за заявленіе.

При существующемъ порядкѣ дѣлопроизводства Отдѣлъ Промышленности отказывалъ въ выдачѣ „охранительныхъ“ свидѣтельствъ, безъ разсмотрѣнія дѣлъ Комитетомъ, въ разрѣзъ съ духомъ дѣйствующаго Положенія и, вопреки точному смыслу закона, возвращалъ пошлину за разсмотрѣніе дѣлъ при невыдачѣ охранительнаго свидѣтельства. См. Ал. Пиленко П. И. I. 470, А. Скородинскій, П. и П., Прил. I, 12. Такъ какъ каждое дѣло должно быть разсмотрѣно патентнымъ учрежденіемъ, специально для того и предназначеннымъ (ст. 11-я Положенія 1896 г.), то отказъ въ выдачѣ охранительнаго свидѣтельства является равносильнымъ отказу въ выдачѣ патента, притомъ безъ разсмотрѣнія дѣла, и потому мы выдѣлили примѣчаніе ст. 5 Положенія 1896 года въ отдѣльную статью, чтобы усилить смыслъ ея и избѣжать впредь нарушенія ея.

25. Въ свидѣтельствѣ, выдаваемомъ тотчасъ по приѣмѣ документовъ, кромѣ данныхъ, содержащихся въ заявленіи по ст. 22, долженъ быть указанъ день полученія заявленія въ Присутствіи. О каждомъ выданномъ свидѣтельствѣ производится публикація въ Патентномъ Вѣстникѣ съ указаніемъ данныхъ заявленія (ст. 22) и дня полученія документовъ.

По однороднымъ заявленіямъ, поданнымъ въ теченіе одного дня, патентъ выдается, за отсутствіемъ соглашенія, присланнаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня увѣдомленія о томъ или судебнаго рѣшенія по возбужденному о томъ судебному дѣлу — на общее имя заявителей.

Моментъ заявленія устанавливаетъ очередь въ порядкѣ заявленій, такъ какъ изъ нѣсколькихъ добросовѣстныхъ заявителей патентъ долженъ быть выданъ лицу, подавшему болѣе раннее заявленіе.

Съ момента заявленія изобрѣтеніе можетъ быть опубликовано, используется и какъ угодно примѣняемо безъ нарушенія новизны его, но и безъ права преслѣдованія подражателей, каковое обусловливается полученіемъ патента.

Ст. 25-я проекта соотвѣтствуетъ ст. 7, 8 и 9-ой Положенія 1896 года.

Ст. 8-я Положенія 1896 года многословна; такъ, напримѣръ: къ чему упоминаніе о томъ, что права заявившаго патентъ могутъ быть передаваемы: если они могутъ быть переданы до заявленія патента и по выдачѣ послѣдняго, то отчего-бы ихъ нельзя передавать въ промежутки между этими моментами? Въ возможности этого врядъ-ли кто сомнѣвался. Затѣмъ даваемое закономъ разрѣшеніе „предупреждать посредствомъ частныхъ (!) и нотаріальныхъ (!) заявленій лицъ, нарушающихъ его, заявителя, права о томъ, что въ случаѣ выдачи привилегіи, они могутъ (!) подлежать отвѣтственности по суду за нарушенія, совершенныя въ теченіе времени со дня публикаціи о выдачѣ охранительнаго свидѣтельства до дня подписанія патента на привилегію“,—это разрѣшеніе съ формальной стороны не требуетъ особаго указанія закона, такъ какъ никому не возбраняется посылать кому-либо и какія-либо (составленныя въ приличной формѣ) заявленія. По существу-же предоставленіе заявителю права, хотя-бы и по полученіи патента, преслѣдовать конкурентовъ за дѣйствія, совершенныя въ теченіе весьма продолжительнаго срока отъ 1—2 до 5 и болѣе лѣтъ въ теченіе процесса выдачи, ведомаго секретно, безусловно несправедливо. Подробности см. Ал. Пиленко, П. И. 182—189 и А. Скородинскій, П. и П., Прил. I, 13, также ст. 18 этого проекта.

Статью 9-ю Положенія 1896 г. остается вычеркнуть за упраздненіемъ спеціальныхъ „охранительныхъ“ свидѣтельствъ, при чемъ кстати, Патентное Присутствіе избавляется отъ труда публиковать объ уничтоженіи документовъ, значеніе которыхъ было крайне условно, завися отъ выдачи впослѣдствіи патента, а смыслъ ихъ обыкновенно оставался вовсе неизвѣстнымъ для постороннихъ, въ виду секретнаго производства дѣла. О неправильности названія свидѣтельствъ охранительными и о происходящихъ отсюда неудобствахъ см. Ал. Пиленко, П. И. 1, 470 по 477 и А. Скородинскій, П. и П. Прил. I, 12 и дал.

26. Каждое заявленіе направляется къ эксперту, для установленія того, насколько содержаніе предъявленныхъ документовъ удовлетворяетъ законнымъ требованіямъ ст. 3 и 4. Экспертъ по разсмотрѣніи дѣла, въ срокъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ со дня заявленія, продолжаемый, по мотивированному докладу эксперта, не долѣе 6 мѣсяцевъ наблюдающимъ членомъ Отдѣленія и до года Предсѣдателемъ Патентнаго Присутствія, обязанъ дать свѣдѣніе заявителю о необходимыхъ исправленіяхъ и дополненіяхъ описанія

и чертежей, которые должны быть исправлены въ назначенный срокъ со дня полученія заявителемъ объявленія о томъ. По мотивированной просьбѣ заявителя, ему даются отсрочки членомъ отдѣленія заявленій, на общій срокъ не болѣе 3 мѣсяцевъ.

Въ случаѣ исправленій описанія, измѣняющихъ сущность изобрѣтенія, руководствоваться положеніемъ ст. 23-й въ концѣ.

Министръ Финансовъ въ представленіи своемъ Государственному Совѣту по поводу пересмотра закона о привилегіяхъ 1833-1870 годовъ писалъ о томъ, что „порядокъ разсмотрѣнія и выдачи привилегій долженъ быть подвергнутъ коренному измѣненію“. Подробности см. въ нашемъ докладѣ И. Р. Т. О-ву и въ книгѣ „Привилегіи и Патенты“, Прил. I, стр. 14, 15, 18.

Здѣсь уместно лишь поставить вопросъ о томъ: были-ли дѣйствительно реформы Министерства Финансовъ „коренными“? Рѣшительно нѣтъ—и практика показала это, отвѣтивъ на реформы быстрымъ возрастаніемъ продолжительности срока выдачи патента: если прежній срокъ въ 2 года считался (до 1896 г.) самимъ Министерствомъ „неудобнымъ“, то что сказать о средней продолжительности выдачи почти въ 3 года (въ 1903 году этотъ срокъ превзошелъ 32 мѣсяца). Мы указали, что положеніе, созданное закономъ 1896 г., если и отличается отъ бывшаго до того (см. нашъ Докладъ И. Р. Т. О. *), то развѣ въ худшую сторону. Намъ остается указать на причину этого, въ видѣ установленія „вольной экспертизы“, представляющаго одну изъ оригинальныхъ чертъ нашей системы, но нельзя сказать, чтобы удачную.

Г. Ал. Пиленко объясняетъ это положеніе пережитками того взгляда, что привилегія, какъ выродокъ жалованной грамоты, должна быть, по мнѣнію законодателя, подвергнута разбору лицъ несомнѣнной, и, если можно такъ выразиться,—вельможной компетентности (см. его П. И. I, 484 и дал.). Не будемъ останавливаться дольше на этомъ вопросѣ, прекрасно освѣщенномъ приведеннымъ авторомъ и замѣтимъ только, что, въ противоположность всѣмъ почти иностраннымъ законоположеніямъ, мы едва-ли можемъ обойд-

---

*) Существуетъ мнѣніе, что продолжительность срока выдачи патентовъ есть результатъ наплыва дѣлъ: но такъ какъ число экспертовъ неограничено, то наплывомъ врядъ-ли можно объяснить увеличеніе продолжительности разсмотрѣнія дѣлъ, тѣмъ болѣе, что число заявленій перестало расти, по крайней мѣрѣ быстро. Необходимость увеличенія штатовъ канцеляріи—вопросъ другой, не менѣе важный, хотя менѣе вліяющій на медленность процедуры выдачи патентовъ; впрочемъ кое-что въ этомъ направленіи принято...

тись безъ установленія срока для разсмотрѣнія дѣла экспертомъ. Дѣйствительно: организація экспертизы изложена ниже, но, стоитъ въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла Министерству Финансовъ или Государственному Совѣту оставить „вольную“ экспертизу и не назначить срока для производства разслѣдованія,—и законъ, вѣроятно, опять не достигнетъ своей, такъ безрезультатно преслѣдуемой цѣли—ускорить выдачу патентовъ.

И. Р. Т. О. въ запискѣ своей 1893 г. предлагало 6 мѣсячный срокъ, который Министерство Финансовъ вычеркнуло, вѣроятно въ надеждѣ, что движеніе дѣлъ ускорится само собою. Эта надежда раздѣлялась позже и Государственнымъ Совѣтомъ. Техническое Общество не возражало, когда ему вернули урѣзанный въ этомъ отношеніи проектъ и только потомъ сказались печальные результаты этого измѣненія. Установленіе срока въ три мѣсяца для разбора дѣла хорошо въ томъ смыслѣ, что это возлагаетъ извѣстное обязательство и на эксперта, который однако, въ случаѣ дѣйствительной необходимости продлить срокъ, можетъ войти съ мотивированнымъ представленіемъ наблюдающему члену, а послѣдній къ Предсѣдателю Присутствія. Этимъ исключаются случаи задержки разсмотрѣнія на нѣсколько, иногда до четырехъ (есть и гораздо болѣе) лѣтъ, оправдываемыя иногда неясностью описанія и чертежей. Всѣ неясности должны немедленно выясняться заявителемъ совмѣстно съ экспертомъ. См. примѣры веденія дѣлъ въ Германіи, приложенные къ нашей книгѣ „Привилегіи и Патенты“. Весьма поучительны здѣсь сроки продолжительности разсмотрѣнія: отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ; у насъ отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до нѣсколькихъ лѣтъ. Есть и въ Германіи дѣла, тянущіеся годами, но тамъ по нимъ устраиваются испытанія, цѣлыя изслѣдованія, постановляются многократныя рѣшенія, вообще дѣло не лежитъ „подъ сукномъ“.

27. Когда заявитель окончательно согласится съ экспертомъ, или рѣшительно отвергнетъ точку зрѣнія его, дѣло вносится въ отдѣленіе заявленій, гдѣ разсматривается съ прочтеніемъ всѣхъ относящихся къ дѣлу документовъ, по докладу одного изъ членовъ, слѣдившаго за разсмотрѣніемъ заявленія.

Въ случаѣ соответствія заявленія законнымъ предписаніямъ, постановляется о разрѣшеніи на выдачу патента съ одновременнымъ опубликованіемъ краткаго содержанія патента и съ выкладываніемъ документовъ, составляющихъ заявленіе, для ознакомленія публики — на срокъ трехъ мѣсяцевъ со дня опубликованія.

Опубликованіе въ Патентномъ Вѣстникѣ должно заключать въ себѣ,

кромѣ свѣдѣній о заявленіи по ст. 22, день принятія документовъ и краткое содержаніе патента, по опредѣленію Патентнаго Присутствія, принятое заявителемъ.

Выкладываніе документовъ можетъ быть распоряженіемъ Комитета Министровъ замѣнено предъявленіемъ соответствующихъ документовъ всѣмъ изъявшимъ желаніе ознакомиться съ ними, безъ всякихъ формальностей, по первому требованію.

Эта статья представляетъ собою соответственнo переработанное заимствованіе изъ германскаго и др. законовъ. Цѣлесообразность предлагаемаго порядка освящена практикой европейскихъ странъ и несомнѣнна; въ частности, по сравненію съ дѣйствующимъ Положеніемъ 1896 года, достигаются слѣдующія преимущества: 1) устраняются отказы по неясности и т. п., особенно досадные послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, потраченныхъ яко-бы на разсмотрѣніе дѣла, 2) совмѣстнымъ исправленіемъ описанія со стороны эксперта и заявителя достигается возможное совершенство описанія (возьмите разобранные въ концѣ книги „Привилегіи и Патенты“ въ видѣ примѣра нѣсколько русскихъ патентовъ, выхваченныхъ на удачу изъ „Свода Привилегій“, и сравните съ примѣрами веденія дѣлъ въ Германіи) и 3) выкладываніемъ документовъ при одновременной публикаціи о разрѣшеніи на выдачу патента заинтересованныя лица фактически получаютъ возможность подавать сознательные протесты противъ выдачи патентовъ, что, не смотря на наличность ст. 10-й Положенія 1896 г., до сихъ поръ было въ сущности почти невозможно.

Пошлины за жалобы указаны ниже; ихъ предполагается понизить до 10 р. для заявителя и повысить до 20 р. для протестующаго, для затрудненія подачи вздорныхъ протестовъ.

Составъ отдѣленій указанъ ниже.

28. Для выясненія сущности дѣла допускаются личныя свиданія заявителей и ихъ повѣренныхъ съ наблюдающимъ за соответственнымъ заявленіемъ членомъ отдѣленія и личныя объясненія заявителей въ отдѣленіяхъ заявленій и жалобъ. Съ той-же цѣлью Предсѣдателемъ Присутствія назначаются комиссіи для производства опытовъ и повѣрки доказательствъ на мѣстѣ и для экспертизы въ общихъ судебныхъ установленіяхъ по дѣламъ о патентахъ.

Статья 28 проекта соответствуетъ статьѣ 12-ой Положенія 1896 г., не примѣнявшейся ни разу, по свидѣтельству г. Ал. Пилленко, П. И. I, 452. Въ Германіи, только по однимъ процессамъ о жалобахъ, личныя объясненія допускаются больше, чѣмъ въ

четвертой части всѣхъ дѣлъ; часто многократная переписка съ экспертомъ заканчивается однимъ личнымъ объясненіемъ. Намъ не приходилось слышать жалобъ на недобросовѣстность патентныхъ присутствій ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, принявшихъ этотъ, почти судебный порядокъ разсмотрѣній дѣлъ. У насъ въ настоящее время тайна поддерживается канцеляріей и экспертомъ, при чемъ даже имя эксперта почему-то считается секретомъ; при предлагаемомъ (и общепринятомъ за границей) порядкѣ,—тайна ввѣряется канцеляріи-же и эксперту подъ наблюдениемъ члена отдѣленія, что еще надежнѣе, конечно. вмѣсто темной длительной таинственности, возбуждающей умы, нами предлагается наблюдение делегата отъ общества (разд. IV), какъ болѣе важной изъ сторонъ, а вмѣсто безмолвной подчиненности изобрѣтателя — ему предоставляется возможность высказаться и настаивать на повѣркѣ патентнымъ судомъ предлагаемыхъ доказательствъ.

Подробности въ родѣ того (ст. 12 Положенія 1896 года), что „обсужденіе дѣла и постановленіе по оному опредѣленія происходитъ въ отсутствіи сихъ лицъ“, считаемъ безусловно ненужными; это вопросъ, касающійся внутренняго распорядка учрежденія и подлежащій компетенціи Предсѣдателя.

Ст. 13-я Положенія 1896 г. можетъ быть выпущена безъ вреда для дѣла, такъ какъ само собой разумѣется, что отсутствіе въ законѣ требованій о пользѣ или выгодѣ изобрѣтенія исключаетъ возможность постановки этихъ требованій Патентнымъ Присутствіемъ; съ другой стороны, что разсмотрѣніе касается того, насколько заявленіе по существу своему удовлетворяетъ законнымъ требованіямъ, въ ст. 26-й проекта есть оговорка.

Ст. 14-я Положенія 1896 г. вошла въ ст. 10 и 11 проекта, съ измѣненіями, ст. 15 того же Положенія воспроизводится въ ст. 25 проекта.

29. При отказѣ отдѣленіемъ заявленій въ патентѣ на основаніи ст. 3 и 4-й этого Положенія или при требованіи существенныхъ измѣненій въ описаніи или чертежахъ, при чемъ постановленіе должно быть обстоятельно мотивировано, заявителю предоставляется право обжаловать рѣшеніе съ представленіемъ доводовъ и доказательствъ, въ назначенный наблюдающимъ членомъ срокъ со дня полученія объявленія, въ отдѣленіе жалобъ.

Это гарантируетъ правильность рѣшеній и отвѣчаетъ принятому сейчасъ порядку (ст. 18 и 19-я Положенія 1896 г.).

30. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня опубликованія о разрѣшеніи

патента къ выдачѣ, предоставляется подавать протесты противъ выдачи патентовъ, направляя ихъ въ отдѣленіе жалобъ. Протестъ можетъ быть основанъ на томъ, что 1) изобрѣтеніе не патентоспособно (ст. 3 и 4 Положенія); 2) что содержаніе разрѣшеннаго патента совпадаетъ вполнѣ или отчасти съ прежними опубликованными уже заявленіями, разрѣшенными къ выкладыванію для ознакомленія или съ ранѣе выданными патентами; 3) что заявитель не есть указанное въ ст. 1 лицо; 4) что содержаніе патента заимствовано изъ неопубликованныхъ или необщедоступныхъ, но чужихъ источниковъ.

Протестъ по п. 3 допускается лишь со стороны лицъ, удовлетворяющихъ требованію ст. 1-й; протестъ по п. 4 принимается отъ лицъ, пострадавшихъ отъ такого заимствования. Копія протеста посылается заявителю, который долженъ въ назначенный срокъ высказаться по немъ, послѣ чего отдѣленіе рѣшаетъ вопросъ о правильности протеста, по докладу одного изъ членовъ, съ повѣркою доказательствъ.

Источники — большинство иностранныхъ законоположеній.

Къ п. 2-му. Принятая Комитетомъ практика допускаетъ ссылки на прежнія заявленія, находящіяся въ производствѣ. Это безусловно неправильно, какъ потому, что лишаетъ заявителя возможности оспаривать постановленіе, такъ и потому, что Министерство не должно (даже въ видѣ исключеній) разрѣшать ознакомленіе съ чужими дѣлами, которыя, можетъ быть, не приведутъ (напр. въ силу отказа заявителя) — къ выдачѣ патента. Заявитель обязанъ открыть секретъ въ обмѣнъ на патентъ, но онъ въ правѣ требовать сохраненія секрета до выдачи патента. См. также А. Скородинскій, II. и II., Прил. I, 13.

Неопубликованные источники не нарушаютъ новизны и могутъ лишь вести къ обвиненію въ заимствованіи (п. 4-й), когда то можно доказать, конечно.

31. О рѣшеніи дѣла сообщается сторонамъ.

Въ случаѣ сложныхъ процессовъ отдѣленію предоставляется потребовать издержки въ пользу казны не выше общей суммы 100 руб., разложивъ ее на обѣ стороны или на одну изъ нихъ.

Законы: германскій, австрійскій и др.

32. Лицо, доказавшее принадлежность ему права на патентъ во время процесса о выдачѣ его, получаетъ патентъ на свое имя, если рѣшеніе не будетъ оспариваемо первымъ заявителемъ въ порядкѣ ст. 33-й.

33. Рѣшеніе отдѣленія жалобъ въ подлежащемъ случаѣ ведетъ къ выкладыванію заявленія и опубликованію по ст. 27, но можетъ быть об-

жаловано заявителемъ или протестующимъ: въ апелляціонномъ порядкѣ въ С.-Петербургскую Судебную Палату въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по полученіи постановленія, а на рѣшеніе Судебной Палаты можетъ послѣдовать обжалованіе сторонами въ кассационномъ порядкѣ въ Гражданскій Департаментъ Правительствующаго Сената.

Этими статьями (30—33-я) предусматривается правильное и справедливое направленіе дѣлъ о патентахъ. Положеніемъ 1896 г. подразумѣвалось право обжалованія по формальнымъ доводамъ: несоотвѣтствіе закону, превышеніе власти и др. — въ Сенатъ, по I-му Департаменту. Всѣ вопросы, касающіеся дѣла по существу, напримѣръ: составъ изобрѣтенія, повѣрка приводимыхъ доказательствъ со стороны достаточности и достовѣрности ихъ и т. п. не касались Сената. Такимъ образомъ, съ одной стороны, административный органъ, состоящій изъ однихъ техниковъ, долженъ былъ повѣрять доказательства, представляемые сторонами и вести процессъ судебного характера. Насколько это было ему трудно до сихъ поръ, мы можемъ видѣть хотя бы въ систематическомъ уклоненіи Отдѣловъ Комитета отъ примѣненія статьи 12-й Положенія 1896 года, или въ полномъ почти отсутствіи мотивировки постановленій. Съ другой стороны, результаты работы этого чисто административнаго органа на поприщѣ почти судебной дѣятельности (точнѣе, техническо-судебной)—эти результаты не повѣрялись судомъ. И это не все еще: получившій патентъ можетъ быть привлеченъ впослѣдствіи къ судебной повѣркѣ его правъ, а не получившій патента, хотя бы по недоразумѣнію, или по недостаточной повѣркѣ представленныхъ имъ доказательствъ — не можетъ добиться повѣрки своего процесса судомъ. Эти явленія надо устранить; и хотя предложенныя нами мѣры можетъ быть далеки отъ совершенства, но они указываютъ на необходимость искать справедливаго и вдумчиваго разграниченія правъ изобрѣтателя и общества и намѣчаютъ возможность законнаго обезпеченія этихъ правъ.

Чѣмъ основательнѣе разсматривается патентъ, тѣмъ онъ вѣрнѣе и тверже—этого ждуть и общество, и изобрѣтатели; чѣмъ больше вы приблизите моментъ возможности судебного вмѣшательства къ моменту выдачи патента, тѣмъ больше вы избѣжите столкновеній впослѣдствіи, когда интересы сторонъ выросли, укоренились,—а вѣдь вырывать ихъ—чѣмъ позже, тѣмъ больнѣе.

34. Заявитель, увѣдомленный объ отсутствіи протестовъ на его заявленіе, долженъ уплатить первую годовую пошлину (10 р.) и квитанцію въ уплатѣ представить въ Патентное Присутствіе, вслѣдствіе чего готовится патентъ, о выдачѣ котораго публикуется въ «Патентномъ Вѣст-

никъ», приче́мъ оконча́тельное (полное) описа́ние и чертежи помещаются въ «Сводѣ Патентовъ».

Ст. 17, 18 и 19-я Положенія 1896 г., трактующія о порядкѣ выдачи патентовъ, замѣняются вышензложенными статьями; ст. 20-я того же Положенія, какъ чисто дѣлопроизводственная, сносится нами въ инструкцію. Ст. 21-я вошла въ вышестоящую статью проекта.

35. Объ прекращеніи по какимъ бы то ни было причинамъ дѣла по заявленію о патентѣ должно быть доведено до свѣдѣнія публики въ «Патентномъ Вѣстникѣ».

Пользованіе „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ и „Вѣстникомъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“ весьма затруднительно для изобрѣтателей и вообще заинтересованныхъ лицъ по крайней разбросанности этихъ свѣдѣній. Почти всѣ страны имѣютъ свои патентные листки.

36. Кромѣ дѣлъ, указанныхъ въ предыдущихъ статьяхъ, вѣдѣнію Патентнаго Присутствія подлежатъ дѣла по искамъ, касающимся выданныхъ патентовъ, а именно: 1) о признаніи права предварительнаго пользованія у постороннихъ заявителю и патентодержателю лицъ (ст. 7 и 8-я); 2) о признаніи патентовъ ничтожными въ силу выдачи ихъ вопреки установленнымъ правиламъ—ст. 1-я, 3-я и 4-я этого Положенія; 3) о признаніи патентовъ недѣйствительными въ силу неуплаты годовыхъ пошлинь и недостаточнаго использованія изобрѣтенія; 4) о принудительномъ разрѣшеніи въ пользу постороннихъ лицъ права пользованія въ силу недостаточнаго промышленнаго использованія патента держателемъ его и 5) о принудительномъ отчужденіи патентовъ въ пользу правительства вообще или въ частности одного изъ министерствъ или вѣдомствъ.

Иски по п. п. 1 до 4-го принимаются только отъ лицъ заинтересованныхъ; размѣръ интереса не имѣетъ значенія.

Общія судебныя установленія будутъ вѣдать всѣ дѣла о патентной контрафакціи и всѣ уголовныя дѣла. Насколько отвѣчаетъ своему назначенію ст. 349 п. 6 Устава Гражданскаго Судопроизводства о производствѣ дѣлъ по спорамъ о патентахъ на изобрѣтенія въ сокращенномъ порядкѣ,—предоставляемъ судить юристамъ-практикамъ.

37. Иски по п. п. 1-му до 4-го включительно поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе члена отдѣленія жалобъ и протестовъ, который, по разсмотрѣніи дѣла, дотребуетъ необходимыя объясненія сторонъ и по полученіи ихъ докладываетъ его отдѣленію, въ засѣданіи котораго рѣшается вопросъ о томъ, прекратить дѣло или продолжать разсмотрѣніе его. Въ послѣднемъ случаѣ назначается день оконча́тельнаго засѣданія, въ

которое вызываются стороны и свидѣтели, и все дѣло рѣшается порядкомъ, примѣнительно къ указанному въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства ст. 350—365. Въ этомъ засѣданіи обязательно присутствіе одного члена отъ С.-Петербургскаго окружнаго суда и одного члена совѣта Предсѣдателя; предсѣдательствуетъ старшій изъ присутствующихъ юристовъ.

38. Окончательное постановленіе объявляется предсѣдателемъ засѣданія сторонамъ и выдается, за подписью его и одного изъ членовъ засѣданія, не позже трехъ дней.

Отъ иностранцевъ, въ срокъ 30 дней со дня подачи иска, можетъ быть потребованъ залогъ, размѣръ котораго долженъ быть указанъ при самомъ требованіи о томъ.

Неявка одной или обѣихъ сторонъ не препятствуетъ разбору дѣлъ.

39. Обжалованіе исковъ по п. п. 1 до 4-го ст. 37-й направляется въ апелляціонномъ порядкѣ въ С.-Петербургскую Судебную Палату въ трехмѣсячный срокъ со дня доставки объявленія сторонамъ. Постановленіе этой Палаты подлежитъ обжалованію въ кассационномъ порядкѣ въ Гражданскій Департаментъ Сената.

40. Притязанія по п. 5 ст. 37-й направляются заинтересованными вѣдомствами къ Предсѣдателю Присутствія, который составляетъ немедленно договорную комиссію изъ двухъ членовъ отдѣленій и одного члена С.-Петербургской Судебной Палаты, приглашая вступить въ нее, въ мѣсячный срокъ, двухъ представителей изобрѣтателя, для составленія предварительныхъ условій переуступки патента или заявленія, подъ предсѣтельствомъ заинтересованнаго члена совѣта Предсѣдателя или другого лица, командированнаго заинтересованнымъ вѣдомствомъ.

Въ случаѣ достигнутаго въ срокъ, поставленный этимъ послѣднимъ вѣдомствомъ, по соглашенію съ Предсѣдателемъ Присутствія — соглашения, договоръ комиссіи объ условіяхъ передачи разсматривается въ мѣсячный срокъ въ совѣтѣ Предсѣдателя и представляется имъ, по принятіи договорной комиссіей въ тотъ-же срокъ найденныхъ совѣтомъ желательными поправокъ, — на утвержденіе Комитета Министровъ.

При отсутствіи въ назначенный срокъ соглашения объ условіяхъ передачи или-же при опротестованіи рѣшенія комиссіи кѣмъ-либо изъ административныхъ членовъ ея, вопросъ о вознагражденіи изобрѣтателя передается Предсѣдателемъ Присутствія въ С.-Петербургскую Судебную Палату для рѣшенія его въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 1318—1330 Устава Гражданскаго Судопроизводства.

Собственно говоря, мы не совсѣмъ понимаемъ, отчего Государственный Совѣтъ придалъ въ 1896 г. такое исключительное значеніе проекту правилъ о возмездномъ отчужденіи патентовъ

на изобрѣтенія и, отклонивъ проектъ Министра Финансовъ, достаточно разработанный по существу, продолжилъ на много лѣтъ существовавшій нежелательный порядокъ вещей оставленіемъ „временно“ въ силѣ ст. 176 Уст. о Пром.

Къ исторіи вопроса укажемъ на то, что при пересмотрѣ закона 1870 г. съ цѣлью введенія дѣйствующаго Положенія, Министерствомъ Финансовъ (представленіе отъ 14 Марта 1895 г., стр. 137) были даны слѣдующія основанія для принудительнаго отчужденія:

Для добровольнаго соглашенія назначался срокъ 3—6 мѣсяцевъ, при соглашеніи дѣло представлялось на Высочайшее разрѣшеніе: при отсутствіи соглашенія назначалась-бы немедленно Комиссія подъ предсѣдательствомъ лица по назначенію Министра Финансовъ; при отчужденіи-же этому Министерству—по назначенію Государственнаго Контролера — изъ 2 или 4 членовъ: половина отъ правительственныхъ учрежденій, половина отъ изобрѣтателя. Комиссія имѣла-бы выработать условія договора или предварительныя условія о вознагражденіи. Проектомъ предусматривалось приглашеніе экспертовъ, допускалось обжалованіе Министру Финансовъ или Государственному Контролеру, по принадлежности.

При согласіи Государственнаго Совѣта на проектъ, Министръ Финансовъ полагалъ немедленно принять мѣры къ выработкѣ означенныхъ правилъ по соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи и заинтересованными вѣдомствами.

Государственный Совѣтъ (журн. Соед. Департ.) постановилъ: „Разрѣшеніе настоящаго вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ во многомъ зависитъ отъ содержанія тѣхъ правилъ, которыми будетъ, по предположенію Министерства Финансовъ, опредѣляться порядокъ отчужденія частныхъ привилегій въ собственность Правительства. Приведены главныя основанія этихъ правилъ, но Министерство Финансовъ само признаетъ, что они требуютъ еще дальнѣйшей разработки“.—„Во избѣжаніе задержки въ утвержденіи Положенія—отказаться пока отъ утвержденія ст. 12 *) впредь до представленія Министерствомъ Финансовъ подробныхъ предположеній относительно порядка принудительнаго отчужденія привилегій, а до того времени оставить въ силѣ ст. 176“.

Считая комментаріи излишними, замѣтимъ, что въ этомъ направленіи съ тѣхъ поръ перемѣнъ не произошло.

Статью 30-ю Положенія 1896 г., какъ чисто дѣлопроизводительную, слѣдуетъ перенести въ инструкцію.

*) О возмездномъ отчужденіи патентовъ. (Прим. авт.).

Думаемъ, что предлагаемый въ ст. 40 проекта порядокъ отчужденія патентовъ въ пользу Государства можно считать достаточно гарантирующимъ соблюденіе интересовъ Государства и изобрѣтателя.

41. Въ патентный реестръ вносятся: 1) день и номеръ заявленія, опубликованіе и разрѣшеніе, также день подписанія патента и номеръ его; 2) передачи всѣхъ или части исключительныхъ правъ; 3) постановленія о лежащихъ на патентѣ ограниченіяхъ, на примѣръ о правѣ предварительнаго пользованія, объ объявленной судомъ зависимости его отъ другого патента, также о существующемъ запрещеніи по залогу и о принудительномъ разрѣшеніи постороннимъ лицамъ на право пользованія; 4) отмѣтки о платежѣ пошлинъ и другія свѣдѣнія, по указанію Предсѣдателя Присутствія.—Дубликатъ реестра служитъ для справокъ въ Присутствіи.

Сдѣлки по отчужденію правъ по патентамъ (п. п. 2—4) обязательны: для участвующихъ въ ней — съ момента законнаго заключенія ея, для Патентнаго Присутствія — съ момента полученія документовъ, безспорно удостоверяющихъ ее и подлежащихъ провѣркѣ Присутствіемъ въ мѣсячный срокъ; для постороннихъ лицъ — со дня опубликованія сдѣлки въ «Патентномъ Вѣстникѣ».

Въ Присутствіи ведется также списокъ делегатовъ отъ общества по разд. IV гл. III.

42. Съ момента выдачи патента всѣ документы, составляющіе дѣло о выдачѣ его, доступны всѣмъ желающимъ.

Источники: законы всѣхъ почти странъ, принявшихъ повѣрочный порядокъ выдачи. Мотивы: иначе нѣтъ возможности протестовать противъ неправильной (съ формальной стороны) выдачи патентовъ.

43. Предсѣдателю Патентнаго Присутствія предоставляется издавать въ разъясненіе настоящаго Положенія инструкціи, не противорѣчающія самому Положенію и не касающіяся предметовъ и дѣлъ, подлежащихъ судебному или законодательному разсмотрѣнію. Инструкціи эти представляются Правительствующему Сенату для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

Сокращенная выпускомъ лишнихъ выраженій статья 31-я Положенія 1896 года.

Примѣчаніе: Изъ законовъ Гражданскихъ т. X, разд. VI вычеркнуты статьи 2144—2147, 2152, часть ст. 2154, 2156—2157, часть ст. 2159 и статьи: 2190 п. 8 ст. 2191, и части статей 2194—2196.

Эти статьи не были вычеркнуты изъ закона при утверженіи Положенія 1896 года, очевидно, просто по недосмотру; мотивы

закона (подъ ст. 2 проекта III) прямо предусмотрѣли и практика установила выдачу привилегій всякаго рода юридическимъ лицамъ, безъ дальнѣйшихъ формальностей или ограниченій. О соблюденіи приведенныхъ статей не подымается и рѣчи, онѣ давно стали явнымъ анахронизмомъ.

III. Патентное Присутствіе и пошлины.

I. Патентное Присутствіе вѣдаетъ всѣ дѣла, касающіяся патентовъ, на основаніи Положенія о патентахъ на изобрѣтенія. — При Патентномъ Присутствіи состоятъ отдѣленія: 1) товарныхъ знаковъ и 2) фабричныхъ рисунковъ и моделей.

Патентное Присутствіе должно быть учрежденіемъ самостоятельнымъ и междувѣдомственнымъ; этого требуетъ: 1) разнохарактерность дѣлъ, подлежащихъ обсужденію его и затрагивающихъ буквально всѣ области жизни народной, 2) интересы самаго дѣла, которое, будучи сейчасъ включено въ общій порядокъ производства Министерства Финансовъ по Отдѣлу Промышленности — отнимаетъ массу труда и времени у органовъ, лишь косвенно связанныхъ съ нимъ, а съ другой стороны само дѣло пользуется лишь тѣмъ, что ему можетъ быть удѣлено въ смыслѣ вниманія и средствъ (см. ниже), а этого далеко не достаточно, какъ слѣдуетъ и изъ вышеизложеннаго.

О самостоятельномъ учрежденіи Патентнаго Присутствія просило въ 1893 году Техническое Общество и Министръ Финансовъ (отношеніе Государственному Секретарю 10 января 1896 г. № 645) писалъ, что онъ „предвидитъ заранѣе необходимость расширенія состава Комитета въ будущемъ, что не исключаетъ возможности образованія изъ Комитета самостоятельнаго учрежденія“. Что это необходимо, доказывается практикой чуть-ли не всего свѣта; почти вездѣ патентныя учрежденія самостоятельны, но особенно тамъ, гдѣ организована повѣрка заявленія на новизну и патентоспособность. Въ этомъ лежитъ главнѣйшій залогъ развитія патентнаго дѣла, которое не должно по крайней мѣрѣ задерживать технического прогресса Россіи. См. также Ал. Пиленко, П. И. I, 451—452.

Согласно порядку, общепринятому вездѣ за границей, регистрація товарныхъ знаковъ и фабричныхъ рисунковъ и моделей сосредоточена при Патентномъ Присутствіи.

Эта отрасль тоже требуетъ внимательнаго къ ней отношенія: регистрація марки, для которой достаточно нѣсколькихъ дней, тянется нерѣдко по нѣскольку лѣтъ изъ-за сношеній съ другими министерствами. Есть примѣры, что регистрація задерживается изъ-за разрѣшенія на ввозъ, а дѣло въ это время лежитъ годами

въ какомъ-нибудь „чужомъ совѣтѣ“, несмотря на то, что самый продуктъ съ этой самой маркой давно ввозится на основаніи обще-таможенныхъ постановленій.

II. Патентное Присутствіе состоитъ изъ Предсѣдателя, пользующагося правами Начальника Главнаго Управленія и членовъ отдѣленій, назначаемыхъ Государемъ Императоромъ по представленію Предсѣдателя, а также опредѣленнаго числа штатныхъ и нештатныхъ экспертовъ, назначаемыхъ Предсѣдателемъ и смѣщаемыхъ имъ-же. Число сверхштатныхъ экспертовъ не должно превосходить третьей части всего числа экспертовъ.

Источники: иностранныя законоположенія, преимущественно германскій и австрійскій законы.

III. При Предсѣдателѣ состоитъ совѣтъ, въ который входятъ члены отъ Министерствъ: Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Морскаго и Военнаго, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Государственнаго Контроля.

IV. Каждое Отдѣленіе заявленій составляется изъ пяти членовъ: четырехъ по назначенію, при чемъ одинъ изъ нихъ долженъ быть юристомъ и одного делегата отъ общества по очереди, на указанныхъ ниже основаніяхъ; засѣданіе отдѣленія считается состоявшимся при участіи не менѣе трехъ членовъ при делегатѣ или замѣстителѣ его; дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, въ присутствіи съ совѣщательнымъ голосомъ разсматривавшаго дѣло эксперта; при равенствѣ голосовъ, мнѣніе предсѣдательствующаго даетъ рѣшенію перевѣсъ.

Включеніе въ составъ отдѣловъ делегатовъ вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, при отсутствіи ихъ, защита интересовъ общества и промышленности слишкомъ старательно выполняется всѣмъ отдѣленіемъ, которое въ полномъ своемъ составѣ является какъ-бы обвинителемъ изобрѣтателя. Другими словами: патентная комиссія (германскаго и нашего образца), какъ это справедливо указываетъ г. Ал. Пиленко въ брошюрѣ: „Examen préalable des inventions“ — является одновременно и тяжущейся стороной, поскольку она представляетъ общество противъ изобрѣтателя, и судьей („juge-partie“), поскольку она разбираетъ значеніе доказательствъ заявителя и указаній эксперта. Послѣдній всегда противъ заявителя, а не за него, такъ какъ онъ выискиваетъ факты, которые можно противопоставить заявленному патенту и хотя присутствіе делегата, также противника заявителя, казалось-бы, должно увеличить число противниковъ его, тѣмъ не менѣе, это положеніе лучше для заявителя, такъ какъ въ такомъ случаѣ вся комиссія, сами судьи перестаютъ считать себя неизбѣжными представителями общества противъ заявителя; послѣднему лучше имѣть еще

одного явнаго противника, чѣмъ всю комиссію прокурорами добровольными и скрытыми.

Делегаты могутъ быть вносимы въ списки Присутствія изъ среды техниковъ С.-Петербургскаго промышленнаго района, не исключая казенныхъ заводовъ, а также изъ числа техниковъ другихъ районовъ и изъ юристовъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ трудахъ комиссіи безвозмездно и удовлетворяющихъ извѣстному цензу, напр., имѣющихъ 25 лѣтъ отъ роду, образованіе 4 классаго училища, не менѣе 3 лѣтъ заводской практики; для юристовъ — не менѣе 3 лѣтъ службы или практической дѣятельности. Патентные, присяжные и частные повѣренные и владѣльцы патентовъ изъ этого числа исключаются. Назначеніе делегатовъ можетъ быть принято на 1 мѣсяць или 2 недѣли по жребію.

Намъ кажется, что при этомъ получается довольно стройное учрежденіе въ духѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., допускающее веденіе состязательнаго процесса: экспертъ — слѣдователь, членъ-докладчикъ и члены отдѣленія—судьи, делегатъ—за прокурора; онъ-же отчасти замѣняетъ представительство общества и обезпечиваетъ нѣкоторую гласность.

Нынѣ дѣйствующая система „вольныхъ“ экспертовъ, для которыхъ Министерство Финансовъ такъ непослѣдовательно, въ виду признанія недостатка организациі (подсудности самому себѣ) прежняго Совѣта—исходатайствовало право голоса,—эта система сама осудила себя невозможно большой продолжительностью разсмотрѣнія дѣлъ и недостаточной подробностью этого разсмотрѣнія (подробнѣе см. нашъ докладъ И. Р. Т. О-ву). Напомнимъ еще разъ, что число экспертовъ неограничено.

V. Отдѣленіе жалобъ и протестовъ состоитъ изъ четырехъ членовъ по назначенію, въ томъ числѣ двухъ юристовъ. Рѣшеніе дѣлъ производится простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ председательствующаго даетъ перевѣсъ; для законности засѣданія должно участвовать въ немъ не менѣе трехъ членовъ.

VI. Председательствующіе въ отдѣленіяхъ и наблюдающіе за экспертами члены назначаются Председателемъ Присутствія; имъ-же устанавливается распредѣленіе занятій и содержаніе ихъ, какъ въ отдѣленіяхъ, такъ и въ Совѣтѣ, кромѣ случаевъ и дѣлъ, точно указанныхъ въ Положеніи.

VII. Члены отъ министерствъ присутствуютъ съ правомъ голоса въ отдѣленіяхъ при разсмотрѣніи дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету вѣдѣнія ихъ министерствъ.

VIII. Должности членовъ отдѣленій и членовъ совѣта не могутъ быть совмѣщаемы съ должностью эксперта.

IX. Пошлины: за заявленіе—20 р., за жалобу—10 р., за протестъ—20 р. Годовыя пошлины:

За годъ . .	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Рублей . .	10	15	20	25	30	40	50	60	70	80	90	100	125	150	200

Пошлины у насъ несообразно высоки, ихъ слѣдуетъ понизить, хотя бы только до указаннаго предѣла; если подсчитать сумму пошлинъ, то у насъ она едва ли не выше всѣхъ странъ, что особенно чувствительно для нашей страны въ виду бѣдности ея капиталами. Уменьшеніе пошлины за заявленіе до 20 р. дастъ выгоду живущимъ въ Россіи—въ $33\frac{1}{3}\%$, а живущимъ за границей въ 6—7% (стоимость заявленія въ Россіи около 400 фр. или 350 м.).

X. Предсѣдателю Присутствія предоставляется освобождать русскихъ подданныхъ, по удостовѣренной бѣдности ихъ, отъ уплаты пошлины за первые три года дѣйствія патента.

XI. За дополнительные патенты взимается единовременно 20 руб. пошлины, уплачиваемой въ срокъ трехъ мѣсяцевъ со дня окончанія выкладки документовъ для обзрѣнія.

Другія соображенія см. подъ ст. 12 проекта и въ разд. XIV ниже.

Во избѣжаніе задержки въ выдачѣ патента, лучше не давать отсрочки въ оплатѣ пошлиной дополнительнаго патента и для взноса первой годичной пошлины *); это составляетъ замѣтное затрудненіе для канцеляріи и противорѣчитъ общепринятымъ кассовымъ обычаямъ: первый взносъ обыкновенно требуется въ срокъ при всѣхъ залоговыхъ и т. п. операціяхъ. Главное же—это увеличиваетъ продолжительность выдачи патентовъ.

XII. Патентному Присутствію присваивается слѣдующій штатъ: Предсѣдатель одинъ (III кл.—12000 р.); членовъ Совѣта—шесть, числятся по своимъ министерствамъ, получаютъ добавочныхъ по 1500 р. въ годъ; членовъ отдѣленія жалобъ и протестовъ—четыре (V кл. по 6000 р.); членовъ отдѣленія заявленій—четыре (VI кл. по 4800 р.); экспертовъ—десять (пять VI кл. по 3.000 р. и пять VII кл. по 2400 р.); Библиотекарь—одинъ (VII кл. 2400 р.); Редакторъ «Вѣстника» и «Свода Патентовъ»—одинъ (VI кл. 3000 р.).

Штатъ канцеляріи нынѣ дѣйствующій, съ прибавленіемъ трехъ столоначальниковъ и трехъ помощниковъ ихъ. (Сюда-же надо причислить изъ

*) Насколько намъ извѣстно, такъ и было проектировано Положеніе объ отсрочкѣ въ уплатѣ пошлинъ, измѣненное мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 10 Іюня 1900.

Отд. Пром. штатъ лицъ, непосредственно вѣдающихъ регистрацію товарныхъ знаковъ и фабричныхъ рисунковъ и моделей).

XIII. Предсѣдателю Патентнаго Присутствія предоставляется, сверхъ указанныхъ штатныхъ должностей, замѣщать, въ случаѣ быстрого возрастанія количества подлежащихъ разсмотрѣнiю дѣлъ, до половины штатнаго числа должностей вольнонаемными служащими съ окладами не большими указанныхъ въ разд. XII.— На награды и пособія служащимъ предоставляется отчислять изъ свободныхъ суммъ Присутствія до 25% общей суммы, исчисляемой на содержанiе штата Учрежденiя.

XIV. Предсѣдатель Патентнаго Присутствія составляетъ смѣту учрежденiя съ такимъ расчетомъ, чтобы смѣтные доходы превышали не менѣе какъ на 25% смѣтные расходы соответствующаго года; получаемые отъ исполненiя смѣты остатки зачисляются въ депозиты учрежденiя, изъ которыхъ и покрываются могущiе быть дефициты; за удовлетворенiемъ ихъ, остатокъ употребляется на расширенiе патентныхъ учрежденiй и усовершенствованiе порядка дѣлопроизводства въ нихъ, по планамъ Предсѣдателя Присутствія, утверждаемымъ всякiй разъ Комитетомъ Министровъ.

Основнымъ принципомъ существованiя Присутствія мы ставимъ самостоятельность его не только административную, но и такъ сказать экономическую, считая, что оно съ одной стороны не должно требовать на себя приплатъ изъ средствъ казны, а съ другой стороны—его экономiя не должна идти на чуждыя ему потребности. Напомнимъ прежде всего, что этотъ принципъ былъ положенъ въ основу исчисленiя годовыхъ пошлинъ самимъ Министерствомъ Финансовъ при проведенiи закона 1896 года, въ какомъ предположенiи и утверждены существующiя патентныя пошлины Государственнымъ Совѣтомъ. Затѣмъ обратимъ вниманiе на то, что этотъ принципъ проводится почти повсемѣстно за границей, особенно-же послѣдовательно въ странахъ, принявшихъ систему предварительной провѣрки патентныхъ заявленiй. У насъ этотъ принципъ проведенъ напр. въ Главномъ Управленiи Удѣловъ и въ Положенiи о мелiоративномъ кредитѣ Министерства Земледѣлiя и Государственныхъ Имуществъ.

Г. Гурьевъ въ брошюрѣ: „О привилегiяхъ на изобрѣтенiя. Къ реформѣ законодательства“, 1893 г. идетъ дальше и предлагаетъ всемѣрно поощрять (какъ и чѣмъ—секретъ автора) духъ изобрѣтательности во всѣхъ постоянныхъ жителяхъ Имперiи (ужь тогда-бы въ русскихъ подданныхъ?) и... „всемѣрно облегчать имъ возможность пользоваться изобрѣтенiями и усовершенствованiями всего цивилизованнаго мiра (стр. 8)“; въ связи съ этимъ „организовать при Департаментѣ Тѣрговли и Мануфактуръ бюро для оказанiя помощи лицамъ, желающимъ примѣнять изобрѣтенiя (это уже утопiя благо-

творительнаго характера); и если даже казнѣ придется приплачивать на содержаніе подлежащихъ учрежденій, то расходъ этотъ будетъ однимъ изъ наиболѣе производительныхъ (стр. 29 и 30)“.

Если бы мы захотѣли теперь провѣрить, насколько предположеніе Министерства Финансовъ о томъ, что пошлины за патенты должны окупать содержаніе патентныхъ учрежденій,—проведено на практикѣ, то убѣдились-бы, что пошлины покрываютъ въ нѣсколько разъ расходы, не говоря уже о томъ, что самое распределеніе суммъ совсѣмъ не рационально (см. Ал. Пиленко, П. И., конецъ I тома, организація экспертизы). Точныхъ расчетовъ у насъ нѣтъ, но, въ виду очевидной справедливости принципа и ранѣе выказаннаго ему сочувствія со стороны Министерства Финансовъ, а также признанія его Государственнымъ Совѣтомъ,—не будемъ гнаться за точной провѣркой и не будемъ придавать особеннаго значенія тому, что случайно, изъ-за пробѣловъ законодательства, этотъ принципъ не получилъ полнаго практическаго осуществленія. Поэтому мы считаемъ не болѣе, какъ грустнымъ недоразумѣніемъ, то обстоятельство, что въ настоящее время существуетъ запретительный налогъ на техническое творчество, ибо болѣе чѣмъ крупныя пошлины 1) не гарантируютъ точнаго и быстрого разсмотрѣнія дѣлъ, въ чемъ лежитъ существенный интересъ изобрѣтателей, да и общества, и 2) крупные остатки отъ этихъ пошлинъ идутъ на потребности, постороннія источнику ихъ полученія.

Грубо, но образно говоря: мы скупимся на насущный кормъ курицѣ, которая, при соотвѣтственномъ питаніи, могла бы нести золотыя яйца. Дѣйствительно, развитіе патентнаго дѣла и поддержка изобрѣтательности способствуютъ развитію новыхъ отраслей техники, при чемъ, помимо всѣхъ иныхъ выгодъ для нашей обрабатывающей промышленности и будущей культурности страны, казна несомнѣнно выиграетъ уже на промысловомъ налогѣ.

Потому-то принципъ полной самостоятельности патентнаго учрежденія и долженъ быть проведенъ съ самой строгой послѣдовательностью.

Посмотримъ, какіе практическіе результаты самостоятельнаго учрежденія патентныхъ присутствій имѣются за границей. Не говоря уже о извѣстномъ Вашингтонскомъ Patent Office'ѣ, обладающемъ, несмотря на самыя низкія въ мірѣ пошлины (20 долл. за 17 л. дѣйствія патента) колоссальными богатствами—матеріальными и интеллектуальными *), — остановимся на германскомъ Patentamt'ѣ.

*) Съ 1893 по 1902 годъ ежегодный доходъ Patent Office'a составлялъ отъ 1 до 1½ милліона долларовъ, съ такимъ-же соотвѣтствіемъ расходы воз-

Выше всякихъ похвалъ прекрасная библіотека съ читальнымъ заломъ, едва-ли много уступающимъ залу нашей Публичной Библіотеки, не только полная общедоступность всѣхъ матеріаловъ библіотеки для публики, не говоря уже о коллекціяхъ патентныхъ оттисковъ всѣхъ странъ, но и полная возможность получать книги изъ всѣхъ другихъ библіотекъ, требуемыхъ чуть-ли не нарочнымъ и по первому указанію читателей *).

Ознакомленіе съ дѣятельностью германскаго Патентнаго Присутствія можно почерпнуть изъ прекраснаго отчета его за 1891—1900 годы; здѣсь замѣтимъ только, что ежегодный доходъ Патентамта возросъ за эти 10 лѣтъ (только съ однихъ патентовъ) съ 2^{1/2} милл. марокъ до 4^{1/2} милл. марокъ; общіе расходы (включая товарные знаки и образцы) возрасли въ тоже время съ 1^{1/2} милл. до 2^{1/2} милл. марокъ. Стоимость одного выданнаго патента для присутствія держится около 82—83 мар. съ небольшими колебаніями въ обѣ стороны. Число заявленій возрасло съ 9161 (въ 1878 году) до 22 000 въ 1900 г.

Положимъ теперь, для рѣшенія вопроса о самостоятельномъ существованіи Патентнаго Присутствія, что число заявленій остановилось на 3500 въ годъ, а число выданныхъ патентовъ—на 1200 въ годъ **). Для опредѣленія общей цифры поступленій надо принять во вниманіе, сколько патентовъ изъ числа выданныхъ остается въ силѣ на второй, третій, четвертый и слѣдующіе года до пятнадцатаго. У г. Ал. Пиленко есть въ П. И., II, 245 сводка этихъ данныхъ: оказывается, что до 4-го или 5-го года наши патенты держатся едва ли не лучше германскихъ, и около этого срока устойчивость ихъ повидимому очень близка къ устойчивости Германскихъ. Мы не думаемъ, чтобы, при очень высокихъ нашихъ пошлинахъ, это имѣло бы мѣсто и для послѣдующихъ лѣтъ, однако допустимъ это 1) чтобы не мѣнять произвольно исходныхъ цифръ и 2) въ силу убѣжденія, что пошлины у насъ будутъ уменьшены и такимъ образомъ устойчивость нашихъ патентовъ будетъ во всякомъ случаѣ не менѣе устойчи-

---

рали до 1400 тыс. долл.; превышеніе доходовъ надъ расходами было за это время, по годамъ: отъ 1^{1/2} тыс. долл. до 250 тыс. долл. въ годъ. Иными словами: почти весь доходъ шелъ на покрытіе расходовъ учрежденія. Результаты низкихъ пошлинъ и щедраго ихъ расходованія (несмотря на экономію въ миллиарды долларовъ) ср. въ прим. къ ст. 12 проекта: почти всѣ американскіе патенты берутся американцами! („Prog. Ind.“ 1903, № 4).

*) Наша Публичная Библіотека не соединена телефономъ съ городской сѣтью; о другихъ недостаткахъ ея пока умалчиваемъ.

**) Въ отчетные года: 1901, 1902, 1903 и 1904-й—заявлено: 3145, 3370, 3413 и 2827 и выдано: 1495, 1283, 1064 и 1217 патентовъ, при томъ при пошлинахъ въ 1^{1/2} и 2 раза болѣе высокихъ, чѣмъ предполагаемыя нами.

вості германскихъ, почему и примемъ цифры, данныя г. Ал. Пилленко (строка 2-я), для Германіи.

Г О Д Ы.	1	2	3	4	5	6	7
Остается въ силѣ %о	100	65	40	27	19	15	12
Числомъ около	1200	780	480	320	225	180	144
При годичной пошлинѣ	10	15	20	25	30	40	50
Получится дохода	12000	11700	9600	8000	6800	7200	7200

Г О Д Ы.	8	9	10	11	12	13	14	15
Остается въ силѣ %о	10	9	7	6	5	4	3	2
Числомъ около	120	108	84	72	60	48	36	24
При годичной пошлинѣ	60	70	80	90	100	125	150	200
Получится дохода	7200	7500	6700	6500	6000	6000	5400	4800

Такъ какъ число заявленій, число патентовъ и законъ прекращенія ихъ приняты нами за постоянныя, то для полученія средняго ежегоднаго поступленія надо сложить полученныя по-годишно суммы = 112 000 руб. и прибавить пошлину за заявленіе: 20 р. на 3500 = 70 000 руб., а всего 182 000 руб., не считая мелкихъ доходовъ (издержки сторонъ по процессамъ, продажа оттисковъ, подписка на „Сводъ“ и „Вѣстникъ Патентовъ“ и др.).

Расходы: личный составъ присутствія — около 100 000 руб., канцелярія 25 000, изданія: Сводъ и Вѣстникъ — 25 000, помещеніе 10 000 р., итого 160 000 руб. Подтвердимъ еще разъ, что мы сильно и умышленно сократили доходъ и не скупились на расходы; при большемъ числѣ заявленій и выданныхъ патентовъ отношеніе между сторонами баланса измѣнится въ пользу свободной наличности депозитовъ учрежденія, что дастъ возможность прежде всего улучшить библіотеку и тѣмъ дать изобрѣтателямъ и промышленникамъ средства къ повѣркѣ ихъ патентовъ и къ полученію другихъ справокъ. Затѣмъ, съ цѣлью лучшаго выясненія новизны и патентоспособности, можно будетъ составлять спеціальныя испытательныя комиссіи и командировать членовъ для повѣрки доказательствъ на мѣстахъ и для ознакомленія съ приѣмами, принятыми заграничными учрежденіями.

И н с т р у к ц і я.

Здѣсь предполагается изложить требованія, предъявляемыя къ чертежамъ и описанію съ формальной точки зрѣнія.

Въ виду существующей тенденціи къ унификаціи формальныхъ предписаній, что заслуживаетъ конечно полнаго сочувствія, слѣдуетъ подождать результатовъ работъ специальной комиссіи, собиравшейся недавно въ Бернѣ („Propriété Industrielle“ 1904, № 8). Сравнительная таблица размѣровъ чертежей и нѣкоторые доводы въ пользу унификаціи этихъ предписаній см. „Prog. Ind.“ 1903, № 8.

Для критики существующей инструкции см. А. Скородинскій, П. и П. Прил. I, 40.

Въ инструкціи же можетъ быть будетъ уместно упомянуть о требованіяхъ, которымъ должны удовлетворять модели (предѣльный размѣръ), образцы окрашиванія, образцы продуктовъ и препаратовъ.

Засвидѣтельствованіе документовъ желательно было бы возможно упростить; прежде всего довѣренности повѣренныхъ допустить безъ засвидѣтельствованія подписи, какъ это принято въ большинствѣ странъ.

Здѣсь же уместно указать порядокъ полученія копій различныхъ документовъ.

Съ теченіемъ времени, когда выяснятся нѣкоторыя неудобства принятаго порядка и недомолвки закона, инструкция можетъ быть пересмотрѣна и исправлена съ добавленіями.

Особеннаго вниманія и коренной переработки требуетъ классификація группъ изобрѣтеній, какъ для лучшаго распредѣленія работы между экспертами, такъ и для ускоренія самой работы ихъ, благодаря лучшему подбору патентовъ и облегченію вслѣдствіе этого справокъ.

Образцовыми системами считаются германская и сѣвероамериканская; меньшее число отдѣловъ имѣетъ недавно опубликованная французкая система (Blatt für Patent, Muster- und Zeichenwesen, № IX, 1904). Главное требованіе отъ такой системы—возможность непрерывнаго расширенія дробленіемъ, исходя отъ нѣсколькихъ основныхъ группъ, сообразно развитію новыхъ отраслей техники.

Для критики нашей классификаціи см. Ал. Пиленко, П. И., конецъ т. I.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Вышеприведенный проектъ закона былъ уже набранъ для Записокъ И. Р. Т. О., когда мы получили любезно присланное намъ Тентелевскимъ Химическимъ Заводомъ его изданіе—брошюру доктора химіи В. Шнейдера: „Нѣсколько замѣчаній на постановленія русскаго закона о привилегіяхъ,“ С.-Петербургъ, 1902 года, цѣна не обозначена; объ этой брошюрѣ считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ, сожалья, что не имѣли ея до составленія этого проекта.

Во введеніи авторъ говоритъ: „Лица, ходатайствующія о выдачѣ патента, пользуются дѣйствительнымъ покровительствомъ закона *); для прочихъ же заинтересованныхъ лицъ это покровительство является лишь кажущимся или мнимымъ.“—Повидимому авторъ считаетъ законъ неблагопріятнымъ для установившейся промышленности, что подтверждается дальнѣйшими его замѣчаніями.

Авторъ хочетъ указать: невыгоду для русской промышленности негласнаго производства, отсутствія въ законѣ права предварительнаго пользованія (Vorbenutzungsrecht) и необходимость опредѣленія того момента, съ котораго иностранные патенты приравниваются къ опубликованнымъ печатнымъ изданіямъ. Затѣмъ предлагаются нѣкоторыя мѣры для приведенія закона въ большее согласованіе съ требованіями промышленности.

По поводу ихъ считаемъ умѣстнымъ сдѣлать лишь слѣдующія замѣчанія.

Требованіе о томъ, чтобы недостатки описанія и чертежей чисто формальныя, какъ неясности, неточности, сомнительныя мѣста выяснялись совмѣстно съ заявителемъ, какъ нельзя болѣе правильно (стр. 43).

Особое „охранительное“ свидѣтельство, выдаваемое послѣ признанія формальной правильности документовъ (стр. 43 и 44), бесполезно: 1) потому, что самъ г. Шнейдеръ вполне основательно требуетъ письменнаго удостовѣренія въ приѣмѣ документовъ, чѣмъ вполне удостовѣряется моментъ заявленія; 2) особая провѣрка формальнаго соответствія документовъ предписаніямъ закона, включая неясность и неполноту описанія, не нужна потому, что она можетъ быть произведена одновременно съ провѣркой новизны и патентоспособности; гораздо проще и справедливѣе

*) Насколько это не точно, — видно, полагаемъ, изъ всѣхъ нашихъ докладовъ, здѣсь приводимыхъ.

въ случаѣ оказавшихся крупныхъ неполноты или неясности описанія считать моментомъ заявленія—моментъ внесенія исправленнаго или дополненнаго описанія.

Способъ г. Шнейдера крайне усложняетъ дѣлопроизводство, при томъ бесполезно, такъ какъ заявленіе само по себѣ, до провѣрки его новизны, не можетъ имѣть такого значенія, чтобы стоило печатать все заявленіе, цѣликомъ (стр. 12 и 13; къ сожалѣнію, не указано, о какой запискѣ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества говоритъ авторъ). Другой вопросъ, что на патентованіе изобрѣтеній идетъ въ среднемъ до 3 лѣтъ, но ужъ если мѣнять дѣлопроизводство, то не слѣдуетъ вводить сильно усложняющихъ и нигдѣ не принятыхъ новшествъ. Предлагаемый г. Шнейдеромъ порядокъ неудобенъ еще тѣмъ, что съ момента опубликованія заявленія русскій изобрѣтатель теряетъ право на заграничные патенты и, такъ какъ повсюду существуетъ обычай заявлять сначала у себя, потомъ за границей, то ясно, что страдать отъ этого будутъ больше русскіе изобрѣтатели, тѣмъ болѣе, что недостатокъ средствъ мѣшаетъ большинству изъ нихъ заявлять всѣ желаемые заграничные патенты сразу.

И для чего непременно нужно это громкое названіе для „охранительнаго“ свидѣтельства, такъ неудачно предложенное въ 1893 г. И. Р. Т. О-вомъ и лишь вводящее въ заблужденіе лицъ мало свѣдущихъ. Юридическое значеніе его ничуть не больше простыхъ росписокъ заграничныхъ патентныхъ учрежденій. Что патентъ даетъ у насъ право преслѣдовать за дѣйствія, совершенныя во время негласнаго разбора дѣла, когда неизвѣстно, чего добросовѣстной конкуренціи надо избѣгать—то это странное, ничѣмъ не оправдываемое недоразумѣніе, могущее развращать изобрѣтателей и возмущать чувство справедливости въ средѣ лицъ, прикосновенныхъ къ установившейся промышленности.

Замѣтимъ еще, что выставленіе всѣхъ заявленныхъ описаній крайне хлопотливо и, требуя для выставки массу мѣста, врядъ-ли будетъ достаточно привлекательно для публики. Предвидя эти неудобства въ вызывномъ порядкѣ, при опубликованіи лишь патентовъ, разрѣшенныхъ къ выдачѣ, мы въ ст. 27 проекта закона сдѣлали оговорку о томъ, что постановленіемъ Комитета Министровъ выставленіе документовъ можетъ быть замѣнено предъявленіемъ ихъ желающимъ, по требованію.

Разсужденія г. Шнейдера на стр. 45 и 46 совершенно основательны. Замѣтимъ однако, что печатаніе заявленій не такая простая вещь, какъ можетъ казаться; эта работа дорога и почти бесполезна, такъ какъ каждое заявленіе передѣлывается болѣе

или менѣе во время разбора его. Стоитъ напомнить, что во Франціи законъ давно требовалъ опубликованія патентовъ, но оставался мертвой буквой десятки лѣтъ до самаго послѣдняго времени; въ Германіи выставленіе документовъ по заявленіямъ, разрѣшеннымъ къ выдачѣ, имѣетъ мѣсто не въ промышленныхъ центрахъ, какъ было предположено, а лишь въ Патентамтѣ и потому, несмотря на все удобство способа, предлагаемаго г. Шнейдеромъ, для промышленниковъ, провести его на практикѣ, да еще у насъ, при маломъ интересѣ къ патентамъ—не удастся, мы это смѣло говоримъ впередъ.

Другой вопросъ — организовать выставленіе разрѣшенныхъ къ выдачѣ патентовъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи:—Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, Перми, Иркутскѣ, Владивостокѣ—и это вполне достижимо, хотя, исходя изъ примѣра Германіи, мы не рѣшались этого предложить. Однако не забудемъ, что Германія во много разъ меньше Россіи, сообщеніе съ Берлиномъ непродолжительно и удобно и потому тамъ выставленіе патентовъ въ разныхъ мѣстахъ не такъ необходимо, какъ у насъ.

Переходя къ практическому осуществленію этой мѣры, опять встрѣчаемъ затрудненія: 1) необходимость имѣть въ достаточномъ числѣ патентныя описанія и чертежи и 2) необходимость имѣть мѣсто для выставленія этихъ описаній.

Первое неудобство не серьезно, такъ какъ всѣ патентныя описанія послѣ выдачи все равно публикуются и практика даже такихъ промышленныхъ странъ, какъ Германія, показываетъ, что протесты по патентамъ, разрѣшеннымъ къ выдачѣ, крайне рѣдки. Итакъ, при печатаніи не окончательно выданныхъ, но предварительно разрѣшенныхъ къ выдачѣ патентовъ — придется перепечатывать лишь небольшое число тѣхъ, въ которыхъ надо будетъ сдѣлать измѣненія *) въ силу подачи дѣльныхъ протестовъ; остальные описанія останутся безъ измѣненія и на заблаговременно отпечатанныхъ оттискахъ придется припечатать лишь номеръ патента; даже день выдачи можетъ остаться безъ перемѣны, если его считать со дня выкладки, или со дня заявленія, какъ за границей, а не со дня подписанія патента, какъ у насъ.

Что касается мѣсть для выставленія патентныхъ оттисковъ по заявленіямъ, разрѣшеннымъ къ выдачѣ, или для дачи справокъ по нимъ, то мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что И. Р. Т. О. возьметъ на себя трудъ снестись о томъ со своими отдѣленіями, имѣющимися по преимуществу въ промышленныхъ цент-

*) Наборъ можно оставлять неразобранымъ въ теченіе срока, определеннаго для подачи протестовъ.

рахъ, и такимъ образомъ Патентному Присутствію придется доплачивать лишь небольшую сумму на регистратора въ каждомъ изъ отдѣленій или на добавочное вознагражденіе бібліотекарю, да прибавить можетъ быть небольшую сумму за помѣщеніе.

Если подобный порядокъ не былъ строго проведенъ въ Германіи, то причина этому — легкость сообщенія всей имперіи съ Берлиномъ, чего у насъ нѣтъ, для Петербурга особенно.

Повторяемъ, мы безусловно противъ опубликованія заявленій, но стоимъ за опубликованіе разрѣшенныхъ къ выдачѣ патентовъ, какъ за порядокъ, болѣе совершенный, и, главное, проверенный многократно на практикѣ и еще не такъ давно введенный самымъ совершеннымъ изъ патентныхъ законовъ—Австрійскимъ.

Къ пункту 6 (стр. 51) врядъ-ли надо повторять, что предложеніе г. Шнейдера не упростило бы, а усложнило работу Патентнаго Присутствія: въ Германіи, Австріи и мн. др. странахъ, также по нашему проекту принять слѣдующій порядокъ: 1) заявленіе и удостовѣреніе принятія его, 2) повѣрка и исправленіе документовъ совмѣстно съ заявителемъ, разрѣшеніе, согласіе заявителя и опубликованіе того, что проверено, исправлено и рѣшено патентовать и 3) протесты, обсужденіе ихъ, выдача патента. По г. Шнейдеру: 1) заявленіе и удостовѣреніе, 2) повѣрка формальная и исправленіе по формѣ: въ отношеніи ясности и полноты описанія и чертежей; „охранительное“ свидѣтельство съ опубликованіемъ, 3) протесты, обсужденіе дѣлъ по существу, рѣшеніе о выдачѣ; ради послѣдовательности слѣдовало бы допустить опять-таки протесты, въ виду возможныхъ измѣненій при повѣркѣ и исправленіи дѣлъ, такъ какъ измѣненія эти могутъ оказаться существенными, и 4) повѣрка по существу, окончательное рѣшеніе, выдача патента.

Неудобства системы: двукратная повѣрка, тогда какъ повѣрку формальную и по существу лучше дѣлать одновременно; двойныя публикаціи, двойное выставленіе; выставленіе документовъ въ одномъ Петербургѣ неудобно, а выставленіе непроверенныхъ по существу заявленій и не интересно. Притомъ, если нашъ Комитетъ не можетъ оканчивать выдачу патента раньше $2\frac{1}{2}$ лѣтъ въ среднемъ, при втрое болѣе простомъ порядкѣ дѣлопроизводства, то что будетъ при способѣ г. Шнейдера, да безъ кореннаго преобразованія нашего патентнаго учрежденія — трудно даже себѣ представить. Есть примѣры, что для опредѣленія ясности описанія въ 2 страницы и пустячнаго чертежа понадобилось 4 года (безъ недѣли), или напр. первое рѣшеніе по существу дѣлается лѣтъ 5—6 и болѣе спустя по заявленіи.

Мнѣніе г. Шнейдера о томъ, что „для русскаго строя жизни однако цѣлесообразнѣе не переносить центра тяжести патентныхъ дѣлъ въ судебныя учрежденія предоставленіемъ имъ послѣдняго рѣшенія о патентоспособности заявленнаго рѣшенія (стр. 55)“ — довольно сбивчиво: выше авторъ говоритъ объ успѣхахъ явочной системы выдачи и потому приведенная цитата должна была бы быть формулирована иначе. Авторъ хотѣлъ повидимому сказать, что лучше разсматривать патенты хотя бы административнымъ порядкомъ до выдачи ихъ, чѣмъ перекладывать обсужденіе патентоспособности на общіе суды, притомъ обязательно послѣ выдачи патента и по тѣмъ лишь изъ дѣлъ, по которымъ будутъ возбуждены соотвѣтственные процессы. Врядъ-ли авторъ противъ того, чтобы суды повѣряли дѣйствія административныхъ (какъ у насъ) или смѣшанныхъ технико-юридическихъ комиссій (Германія, Австрія и др. страны), ибо контроль Сенатомъ нашего дѣлопроизводства, какъ мы неоднократно указывали, врядъ-ли достаточенъ, за отсутствіемъ разбора имъ дѣла по существу. Итакъ, мы считаемъ, что „центръ тяжести“ и „послѣднее рѣшеніе“ относятся не къ существу дѣла и не къ кассационной судебной инстанціи, и представляютъ собою лишь риторическія фигуры.

Замѣчанія автора объ установленіи права предварительнаго пользованія (гл. II, стр. 56) въ общихъ чертахъ вполне основательны.

О неудобствѣ, связанномъ съ отсутствіемъ указаній о томъ, съ какого момента заграничныя патентныя описанія слѣдуетъ считать уничтожающими новизну въ Россіи (гл. III, стр. 63), авторъ говоритъ очень подробно. Отмѣтимъ лишь одну неточность (стр. 64): „германскій патентодержатель можетъ получить въ Россіи патентъ на свое изобрѣтеніе... до истеченія кратчайшаго срока въ другихъ государствахъ... лишь бы оно не было еще примѣнено въ Россіи“ — прибавимъ: или „описано въ Россіи или за границей“. Потому, и принимая во вниманіе, что это право создается для иностранца официальнымъ опубликованіемъ его патента *), г. Шнейдеру вмѣсто его пространныхъ жалобъ (гл. II, стр. 58), на очевидный и даже странный недосмотръ закона, слѣдовало подумать хорошенько, и онъ нашель бы слѣдующее простое средство бороться съ этимъ неудобствомъ: какъ только появилось заграничное патентное описаніе, заключающее въ себѣ изобрѣтеніе, однородное съ тѣмъ, надъ которымъ работалъ русскій промышленникъ или изобрѣтатель, послѣднему слѣдуетъ справиться,

*) См. нашъ докладъ И. Р. Т. О. о пересмотрѣ закона. До такого опубликованія тотъ же патентъ можетъ быть дѣйствительно заявленъ всякимъ добросовѣстнымъ постороннимъ изобрѣтателемъ.

было-ли заявлено сходное изобрѣтеніе въ Россіи, что, принимая во вниманіе время заявленія и названіе изобрѣтенія, сдѣлать не трудно. Затѣмъ, въ случаѣ сомнѣнія въ томъ, что заявленія въ Россіи сдѣлано не было, слѣдуетъ перепечатать сущность иностраннаго патента хотя бы въ газетномъ объявленіи; это послужитъ препятствіемъ къ послѣдующему заявленію иностранцемъ дѣйствительнаго русскаго патента. Если же патентъ въ Россіи былъ заявленъ до опубликованія иностраннаго патента, то нашему промышленнику придется лишь пожалѣть, что онъ самъ не сдѣлалъ раньше соотвѣтствующаго заявленія.

Странно слышать звучащее на первый взглядъ наивностью замѣчаніе (стр. 8—11) о томъ, что „со дня краткой публикаціи, составленной въ общихъ выраженіяхъ и не заключающей въ себѣ никакого намека на сущность новаго или усовершенствованнаго способа производства азотной кислоты, всякая возможность дальнѣйшаго развитія (!) русской химической промышленности въ области производства азотной кислоты, должна, собственно говоря, остаться на нѣкоторое время парализованной“..... и т. д. Авторъ повидимому достаточно освѣдомленъ въ патентномъ дѣлѣ, чтобы говорить не думая. Онъ можетъ заявить одинъ способъ, одинъ усовершенствованія, а кто угодно можетъ работать надъ совершенно другими и въ томъ-же производствѣ. Что патентъ фактически можетъ быть данъ одному и притомъ именно болѣе раннему заявителю, это элементарное и неизбѣжное слѣдствіе патентной системы (см. докладъ „Патентное право“).

Хотя, разумѣется, въ интересахъ большей определенности правъ—безусловно желательно, какъ введеніе 1) этого срока для официально опубликованныхъ заграничныхъ патентовъ или, лучше, срока для заявленія русскихъ патентовъ послѣ заявленія заграничныхъ, см. ст. 4 нашего проекта, такъ и 2) института предварительнаго пользованія.

Вообще же брошюра читается съ интересомъ; порядокъ дѣлопроизводства заграницей разсмотрѣнъ въ ней подробнѣе, чѣмъ мы сами считали это умѣстнымъ дѣлать до сихъ поръ. Мы не останавливались на этомъ вопросѣ, такъ какъ были увѣрены, что, до начала пересмотра закона, Министерство Финансовъ командировуетъ компетентное лицо или комиссію для ознакомленія съ порядкомъ дѣлопроизводства въ различныхъ странахъ; въ Комиссіи же И. Р. Т. О. по пересмотру закона имѣются, какъ намъ извѣстно, довольно крупныя силы, при томъ достаточно близко знакомыя съ этими вопросами.

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

И ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ОБЩЕЙ СИСТЕМѢ ПРАВА.

Разборъ теоретической части труда г. Ал. Пиленко „Право изобрѣтателя“ и приложеніе общихъ выводовъ къ критикѣ нашего законодательства.

„Сліяніе областей морали и права есть тотъ идеаль, къ которому мы стремимся“.

В. Ф. Залѣсскій.

Наше патентное право привлекало къ себѣ до послѣдняго времени интересъ юристовъ въ слишкомъ малой степени; дѣло дошло наконецъ до того, что „право юристовъ“ было, поневолѣ, захвачено техниками.

Пересмотръ закона 1833—1870 гг., возбужденный и проведенный разными группами техниковъ, далъ въ результатѣ Положеніе 1896 г., которое, несмотря, съ одной стороны, — на хорошія начала, положенныя въ основаніе его Техническимъ Обществомъ, а съ другой стороны, — на исправленіе формы его опытными въ дѣлѣ кодификаціи юристами Государственной Канцеляріи—вовсе не гарантируетъ правообезпеченности сторонъ.

Винить въ этомъ теперь некого, но нельзя не замѣтить, что причина этому — отчасти — отсутствіе интереса къ этой отрасли права у юристовъ.

Тѣмъ съ большимъ чувствомъ удовлетворенія встрѣтили мы въ свое время появленіе капитальнаго по этому вопросу труда г. Ал. Пиленко: „Право изобрѣтателя“.

Стройно разработанная юридическая конструкція автора заставляетъ насъ долѣе остановиться на разборѣ этой работы, тѣмъ болѣе, что на основаніи ея намъ придется рѣшить вопросъ о мѣстѣ патентнаго права въ общей системѣ права: вопросъ теоретическій, но получающій большое практическое значеніе въ виду идущей у насъ законодательной реформы. Предусматриваемое нами рѣшеніе вопроса о мѣстѣ патентнаго права должно обусловить включеніе его въ проектъ новаго Гражданскаго Уложенія, послѣ пересмотра означеннаго права междувѣдомственной Комиссіей при Техническомъ Обществѣ, созванной по предложенію референта. Попутно придется затронуть вскользь вопросъ о другихъ правахъ, считавшихся до сихъ поръ составными частями института такъ наз. „промышленной собственности“ и, по причинѣ указаннаго уже недоразумѣнія, остававшихся у насъ въ Уставѣ о промышленности, несмотря на свое чисто цивильное содержаніе.

Мы считаемъ необходимымъ предпослать нашему докладу краткое изложеніе труда, который мы избрали отправнымъ пунктомъ для нашихъ разсужденій.

Въ предисловіи авторъ даетъ очеркъ историческаго раз-

витія института, замѣчая, что, несмотря на вызываемыя разными условіями отклоненія доктрины, — идеаломъ юриста должно оставаться развитіе абсолютной правообезпеченности.

Томъ I-й посвященъ изслѣдованію о правѣ изобрѣтателя на полученіе патента; томъ II-й — праву, вытекающему изъ полученія патента.

Этимъ раздѣленіемъ авторъ какъ бы хочетъ подчеркнуть правовой (облигаторный) характеръ современнаго патентнаго права въ Россіи, начиная съ 1870 года, въ противоположность привилегіонному (факультативному) характеру права до тѣхъ поръ.

Эти неологизмы, будучи примѣняемы въ указанномъ смыслѣ, подчеркиваютъ, правда, до нѣкоторой степени результатъ совершившагося историческаго процесса, однако ведутъ въ то же время къ недоразумѣніямъ, такъ какъ не вполне соответствуютъ законодательному и подзаконному порядкамъ выдачи привилегій и патентовъ; факультативность выдачи привилегій высшими правительственными органами (законодателемъ) — остается и при облигаторномъ порядкѣ, растворяясь въ правѣ верховной власти на изданіе (общихъ и патентныхъ) законовъ, а иногда, на-ряду съ ними, — и на параллельную выдачу форменныхъ привилегій (Россія). Правда, въ этомъ послѣднемъ случаѣ привилегіи не возвышаются до значенія законовъ и должны имѣть иную форму, напр. у насъ — форму Высочайшихъ указовъ.

Не будемъ останавливаться на историческомъ очеркѣ развитія патентнаго права за границей и въ Россіи и замѣтимъ лишь, что ставившійся нѣкоторыми вопросъ объ неизбѣжномъ измѣненіи ст. 71-ой Законовъ Основныхъ не имѣлъ достаточныхъ основаній.

Подчиненіе изобрѣтателей и министерствъ, выдававшихъ патенты, одному общему закону еще не равносильно изъятію у Высочайшей власти права давать какія-бы то ни было привилегіи; съ другой стороны, не точно представленіе и о томъ, что законъ 1870 г. имѣлъ лишь дѣлопроизводственное значеніе. Нѣтъ, законодателю желательно было давать изобрѣтателямъ не привилегіи, равносильныя каждой закону, а свидѣтельства, безусловно подчиняющіяся одному общему для всѣхъ закону. Вообще-же эта перемѣна, повторяемъ, не была конститутивнымъ закономъ, тѣмъ болѣе, что законодатель, на-ряду съ правомъ давать привилегіи въ видѣ Высочайшихъ указовъ, всегда можетъ, конечно, измѣнить прежній законъ, что уже имѣло мѣсто въ 1896 году и чего мы ожидаемъ и теперь.

Вопросъ другой, насколько желателенъ такой порядокъ вещей, чтобы вообще избѣжать выдачи привилегій, но онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ разсматриваемому предмету.

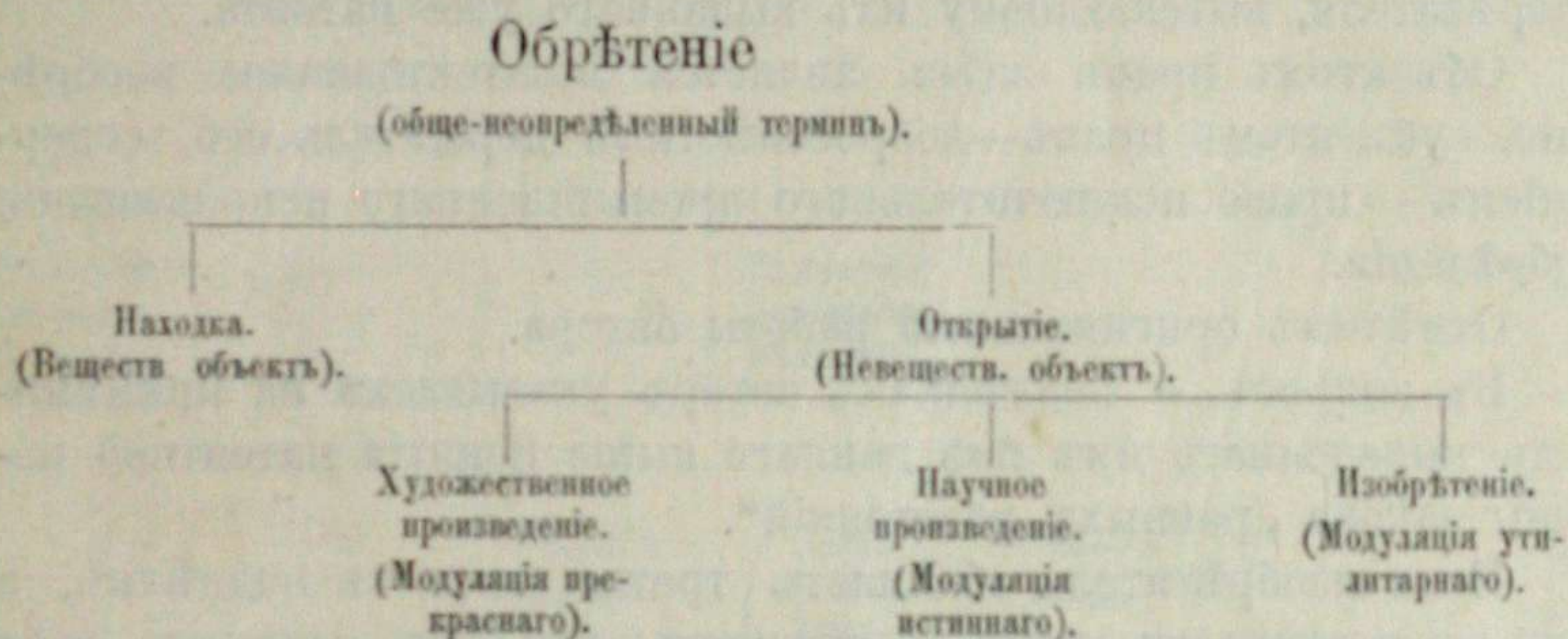
Не будемъ останавливаться и на очеркъ международныхъ патентныхъ отношеній, развивающихся пока одновременно двумя путями: приближеніемъ отдѣльныхъ законодательствъ къ типичному закону и увеличеніемъ числа конвенцій около Бернскаго Международнаго Союза; у автора этотъ вопросъ теоретически мало разработанъ, на что обратилъ вниманіе на его магистерскомъ диспутѣ проф. Мартенсъ.

Право на патентъ и право изъ патента.

Опредѣленіе изобрѣтенія не должно быть даваемо закономъ. Всѣ попытки въ этомъ направленіи были и будутъ неудачны: нельзя найти категорично-опредѣлительнаго признака, который позволилъ бы въ каждомъ частномъ случаѣ указать, есть изобрѣтеніе или нѣтъ *).

Благодаря оживленной и всегда безрезультатной полемикѣ, новѣйшія законодательства перестали включать въ законъ это опредѣленіе, предоставляя—для каждаго частнаго случая—рѣшеніе вопроса о наличности изобрѣтенія общимъ и патентнымъ судамъ.

Авторъ выставяетъ основнымъ признакомъ изобрѣтенія — наличность творчества, по схемѣ:

Изобрѣтеніе по этой схемѣ представляетъ собою, говоритъ авторъ, „рѣшеніе требующей творчества утилитарной проблемы“, или, въ другомъ мѣстѣ: „сопоставленіе потребности съ опредѣленными средствами, могущими ее удовлетворить“ (стр. 311, т. I). Здѣсь авторъ дѣлаетъ скачекъ, переходя отъ голаго терминологическаго опредѣленія къ правовому объекту, своимъ замѣчаніемъ: „основной принципъ, на которомъ зиждется все патентное право, гласить, что проблемы (результаты) не патентуются.“

*) Довольно общее явленіе, что законъ, изъ-за большей опредѣлительности, останавливается на отрицательныхъ признакахъ; напр., законы о повѣренныхъ.

Далѣе г. Ал. Пиленко критикуетъ и отклоняетъ всѣ попытки къ опредѣленію патентоспособнаго изобрѣтенія, какъ чисто субъективныя. Къ нимъ слѣдовало отнести и только что приведенный эмпирической „принципъ“.

По собственному замѣчанію автора, опредѣленіе его, въ виду крайней его отвлеченности, можетъ быть полезно лишь для того, 1) чтобы связать различныя части патентнаго права и 2) чтобы выставить аналогію между этимъ правомъ и правомъ авторскимъ.

Не останавливаясь нигдѣ на работахъ чисто практическихъ (движеніе русскаго законодательства, комментарий русскаго закона и процессъ), отмѣтимъ опредѣленіе авторомъ патентоспособной новизны по двумъ элементамъ, рассматриваемымъ въ моментъ заявленія изобрѣтенія на патентъ: 1) по извѣстному уровню техническихъ знаній („опредѣлительный уровень“) и 2) по извѣстному подъему этого уровня привхожденіемъ изобрѣтенія въ сокровищницу нашихъ знаній даннаго рода („опредѣлительный избытокъ“).

Субъектъ и содержаніе права на патентъ выясняются ниже.

Второй томъ рассматриваемаго труда посвященъ праву изобрѣтателя, вытекающему изъ выданнаго уже патента.

Объектомъ правъ здѣсь является запатентованное изобрѣтеніе, субъектомъ правъ—добросовѣстный держатель его, содержаніемъ — право исключительнаго промышленнаго использованія изобрѣтенія.

Отмѣтимъ оригинальныя работы автора.

Въ вопросѣ о поддѣлкахъ авторъ указываетъ на примѣнимость выведеннаго имъ изъ даннаго выше понятія патентной новизны закона „равныхъ разстояній“.

Если изобрѣтатель обвиняетъ третье лицо въ поддѣлкѣ, а quasi-контрафакторъ этотъ возражаетъ, что онъ считаетъ себя авторомъ независимаго изобрѣтенія, то, въ случаѣ дѣйствительнаго сходства объектовъ, подлежащихъ судебному разсмотрѣнію, послѣднее сводится къ рѣшенію вопроса о томъ, какъ великъ „опредѣлительный избытокъ“: 1) у перваго автора надъ общимъ уровнемъ знаній и 2) у втораго автора надъ первымъ. Если этотъ второй избытокъ равенъ первому, или больше его, то второй претендентъ есть авторъ самостоятельнаго изобрѣтенія; въ противномъ случаѣ онъ — либо дѣйствующій безъ полномочія усовершенствователь, если второй избытокъ меньше перваго (на этомъ основанъ институтъ зависимыхъ патентовъ), либо явный контрафакторъ, если его избытокъ равенъ нулю или бесконечно малъ.

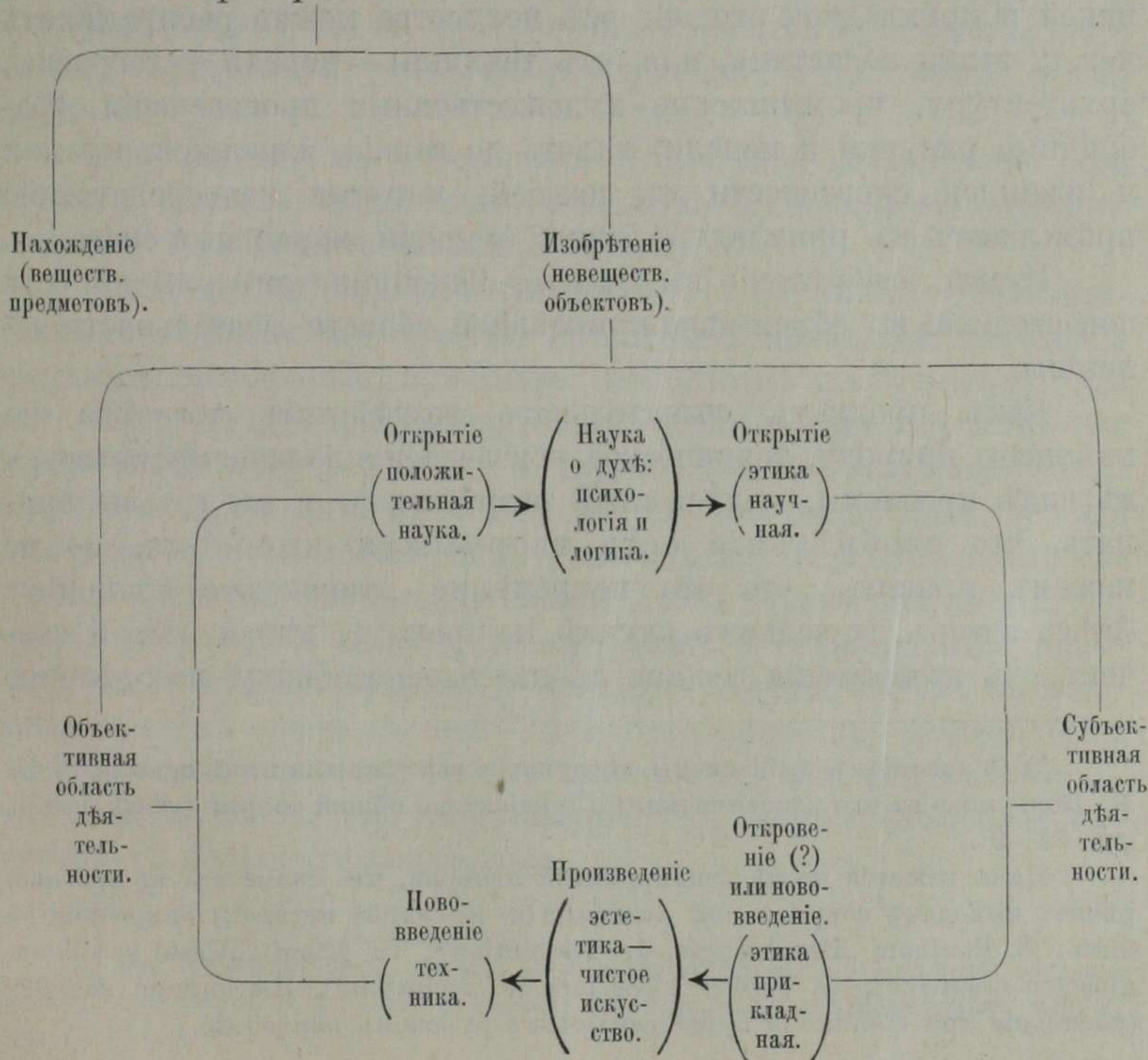
Въ вопросѣ объ обязательной эксплуатаціи авторъ далъ, въ результатѣ кропотливаго интегрированія массы судебныхъ рѣшеній, общій выводъ, могущій, какъ онъ замѣчаетъ, имѣть цѣнность даже съ точки зрѣнія моральной философіи, а именно: „въ институтѣ обязательной эксплуатаціи фактъ подчиняетъ себѣ пассивную волю, но самъ подчиняется волѣ активной.“

Раньше, чѣмъ перейти къ конструкціи автора, дадимъ легкую критику основныхъ понятій.

Въ „терминологической предпосылкѣ“ автора, характеризуемой приведенной схемой, есть пропускъ, не умаляющій достоинствъ ея, но все-таки подлежащій заполненію: это—область этическихъ (нравственныхъ и правовыхъ) явленій; исключать ихъ неудобно въ данномъ случаѣ еще потому, что дѣятельность человеческого духа въ области эстетики (какъ средѣ образованія авторскихъ правъ) соприкасается съ этикой, а во многихъ пунктахъ эти области неразрывно связаны между собою.

Мы позволили-бы себѣ предложить слѣдующую схему:

Приобрѣтеніе

Къ схемѣ *) замѣтимъ только слѣдующее: примѣненіе термина „изобрѣтеніе“ въ широкомъ смыслѣ — „результатовъ творчества“ — во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, (т. е. въ духѣ „invention“ по французской психологiи) — болѣе умѣстно, чѣмъ напр. расширеніе понятія открытіе. Дѣйствительно: изобрѣсти — изъ себя обрѣсти — возможно во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности человѣка. Затѣмъ, въ наукѣ объективной „открытіе“ получило право гражданства и легко можетъ быть перенесено въ научную этику; въ этикѣ прикладной и отчасти въ эстетикѣ довольно употребительно было прежде „откровеніе“, теперь же вышло изъ употребленія. Изобрѣтеніе въ техникѣ — въ сущности говоря — есть нововведеніе: въ силу утилитарнаго характера всей техники, изобрѣтеніе, не могущее войти въ жизнь, теряетъ собственно свое значеніе.

Замѣтимъ еще, что по нашей схемѣ — наука о духѣ есть то окно, черезъ которое положительная наука можетъ проникнуть въ область этическихъ явленій, а съ другой стороны — чистое искусство образуетъ соединительное звено между техникой и прикладной этикой: всѣ искусства можно распределить между этими областями, идя (отъ техники) — черезъ фотографію, архитектуру, промышленно-художественныя произведенія (фабричныя рисунки и модели) вплоть до ваянія, живописи, музыки и изящной словесности съ поэзіей, которыя непосредственно примыкаютъ къ прикладной этикѣ (религiи, моральныя системы).

Итакъ, изобрѣтеніе въ узкомъ, общепринятомъ смыслѣ есть нововведеніе въ объективно-прикладной области дѣятельности человѣка.

Какъ продуктъ сознательнаго воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу, техническое нововведеніе должно проявляться въ видѣ проблемы, подлежащей разрѣшенію, и мы готовы приять, что изобрѣтеніе есть творческая проблема, но не можемъ принять, что это непременно „творческое рѣшеніе“. Здѣсь авторъ, во всякомъ случаѣ, не правъ: 1) дѣлая рѣзкій скачекъ отъ изобрѣтенія вообще къ патентоспособному изобрѣтенію

---

*) Основаніемъ этой схемы послужили разсужденія нынѣ покойнаго Н. М. Коркунова въ его классическихъ „Лекціяхъ по общей теорiи права“, изд. 5, стр. 30—48.

Намъ кажется послѣ предпринятой повѣрки, что схема эта не противорѣчитъ выводамъ современной психологiи и скорѣе могла бы опираться на нихъ: F. Paulhan: „Psychologie de l'invention“, Th. Ribot: „Essai sur l'imagination créatrice“, G. Tarde: „Les lois de l'imitation“, „La logique sociale“ (последнія три сочиненія существуютъ въ русскомъ переводѣ).

и 2) основываясь въ своемъ опредѣленіи изобрѣтенія на томъ, что „основной принципъ, на которомъ зиждется все патентное право, гласить, что проблемы (результаты) не патентуются.“

Если даже допустить, что переходъ отъ изобрѣтенія вообще къ патентоспособному изобрѣтенію сдѣланъ авторомъ сознательно, то надо замѣтить, что онъ противорѣчитъ себѣ, ибо въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что опредѣленіе патентоспособнаго изобрѣтенія невозможно и ненужно *).

Потому, рассуждая отвлеченно, мы не должны ограничивать понятіе изобрѣтенія „ходомъ рѣшенія“ проблемы, или „сопоставленіемъ потребности со средствами, могущими ее удовлетворить“.

Творчество можетъ проявиться и въ постановкѣ задачи, и въ рѣшеніи ея, и въ результатѣ. Постановка задачи можетъ быть геніальна, средства нелѣпы или недостаточны, результатъ получится нулевой; ходъ рѣшенія можетъ быть правиленъ, средства недостаточны, результатъ ничтоженъ. Средства могутъ быть извѣсны въ одной области и, будучи перенесены въ другую, дать крупный результатъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ наличность творчества опредѣляетъ, есть изобрѣтеніе или нѣтъ (говоря отвлеченно).

Вотъ почему мы и говоримъ, что вообще „изобрѣтеніе есть рѣшеніе (можетъ быть точнѣе—попытка рѣшенія) требующей творчества технической проблемы“.

Переходя къ опредѣленію патентоспособнаго изобрѣтенія, какъ возможнаго объекта патентныхъ правъ, мы замѣтимъ, что вышеприведенный принципъ: проблемы (результаты) не патентуются (подразумѣвая: безъ специальныхъ средствъ къ осуществленію ихъ), а равно и другія сходныя положенія—если и является удобнымъ, то во всякомъ случаѣ лишь, какъ условіе необходимое, но недостаточное. Равнымъ-же образомъ не патентуются средства безъ опредѣленія достигаемаго результата. Съ другой стороны, по нѣкоторымъ законамъ и общепринятой практикѣ—ради новой проблемы (постановки заданія) могутъ быть патентованы—въ связи съ ней—извѣстныя средства; сомнительной новизны средства могутъ быть патентованы при новомъ результатѣ и т. д. Вообще, по этому вопросу въ законоположеніяхъ существуетъ большое разнообразіе.

---

*) Въ практическомъ своемъ комментарий авторъ проводитъ тотъ-же взглядъ, что и мы, т. е. болѣе широкій. „Привилегіи на изобрѣтенія“, изд. 2, стр. 7.

Цѣлесоотвѣтственность средствъ при заданіи или при результатѣ, что не всегда одно и то же *), вотъ мотивъ для патентованія. Сошлемся лишь на законы Франціи, Италіи и на практику Германіи, гдѣ имѣется нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ Н. Robolski въ своемъ практическомъ комментарий закона находитъ возможнымъ сдѣлать выводъ (стр. 10): „Видоизмѣненія извѣстныхъ устройствъ безъ качественно новаго дѣйствія не патентоспособны, напримѣръ: измѣненія размѣровъ, мѣста, формы, замѣна матеріала, эквиваленты средствъ, суммирование, переносъ, простая замѣна употребленія. Однако и эти варианты могутъ считаться изобрѣтеніями, если примѣненіе ихъ не подсказывается само собой, или потребовало преодоленія трудностей, или-же обуславливаетъ неожиданный или своеобразный эффектъ (приводятся девять рѣшеній)“. Въ томъ-же духѣ г. Ал. Пиленко: „всѣ подобные вопросы рѣшаются на основаніи критерія творчества и только его“.

Недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что для оперированія съ понятіемъ изобрѣтенія въ юридической практикѣ—ему считаютъ нужнымъ дать логическое опредѣленіе; считается необходимымъ указать вообще, что такое патентоспособное изобрѣтеніе. Но, будучи продуктомъ субъективнаго творчества, патентоспособное изобрѣтеніе не поддается опредѣленію его, въ качествѣ абстрактнаго логическаго понятія, объективными признаками. Творчество не столько юридическій признакъ, сколько источникъ изобрѣтательности и мотивъ для этического обоснованія патентнаго права и авторскаго права вообще; въ качествѣ признака, наличность творчества также неопредѣлительна и некатегорична, какъ и другіе признаки, чаще всего впрочемъ внѣшніе. Этотъ „признакъ“ 1) субъективенъ, ибо одинъ усмотритъ творчество тамъ, гдѣ другой ничего творческаго не усмотритъ, и 2) этотъ „признакъ“ неопредѣлительнъ, такъ какъ не даетъ возможности отграничить творчество хотя-бы отъ подражанія или переноса средствъ изъ одной области техники въ другую.

Однако ошибка авторовъ, трактовавшихъ этотъ вопросъ, заключалась не въ томъ, что они искали опредѣленія изобрѣтенія,

---

*) Проблема, данная много лѣтъ тому назадъ Гете (Dr. E. Hartig „Studien“, S. 131): „желательно, чтобы свѣчи горѣли безъ щипцовъ“. Кто поставилъ и попытался практически рѣшить ее, хотя бы старыми средствами и не достигъ рѣшенія полностью,—все-таки изобрѣтатель; и тотъ, кто, зная уже проблему, далъ оригинальныя средства или первый получилъ извѣстными средствами искомый результатъ,—всѣ они изобрѣтатели, но первому, конечно, наибольшая честь.

а въ томъ, что они пытались примѣнить общее опредѣленіе къ патентоспособному изобрѣтенію или дать ему положительное и объективное опредѣленіе.

Рѣшеніе этого вопроса о патентоспособности—какъ вопроса факта, лежитъ всецѣло на обязанности суда. Уже для этой цѣли признанія (судомъ) и осуществленія права—каждое данное изобрѣтеніе должно быть опредѣлимо со стороны объекта его *).

Изобрѣтеніе представляетъ собою проблему, примѣнимую или воспроизводимую въ цѣломъ рядъ конкретныхъ случаевъ, фактовъ, предметовъ; задача логическаго опредѣленія даннаго изобрѣтенія сводится къ тому, чтобы отличить цѣлую группу или классъ предметовъ, введенныхъ изобрѣтателемъ въ оборотъ, отъ другихъ сходныхъ предметовъ и классовъ ихъ, которые были извѣстны до изобрѣтенія. Всѣ вновь введенные предметы, при наличіи общей изобрѣтательной идеи, должны имѣть отличительный признакъ по существу ихъ; опредѣленіе, составленное по этому видовому отличію, должно приводиться къ общему родовому понятію, при которомъ это видовое отличіе и входитъ въ содержаніе характеризующихъ данное изобрѣтеніе признаковъ; другіе признаки: собственные, случайные и неотдѣлимья случайности исключаются, какъ всегда, по бесполезности ихъ для опредѣленія.

Попутно укажемъ на неправильность всѣхъ названій для логическаго опредѣленія изобрѣтенія, требуемаго нерѣдко въ концѣ патентнаго описанія: Patentansprüche, Revendications, Claims, „патентная формула“ г. Ал. Пиленко,—всѣ бьютъ дальше цѣли. Послѣднее опредѣленіе авторъ предлагаетъ по аналогіи съ формулами алгебраическими, однако терминъ этотъ неудобенъ: 1) по неопредѣленности его и 2) въ виду извѣстнаго словоупотребленія источниковъ римскаго права, гдѣ formula имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе. Въ нашей практикѣ—„предметъ привилегіи (патента?)“—появился, должно быть, какъ переводъ выраженія: объектъ патентныхъ правъ, и въ этомъ смыслѣ терминъ допустимъ; хотя мы предлагаемъ взять названіемъ этой части—содержаніе патента: это вѣдь и есть не что иное, какъ содержаніе того логическаго опредѣленія, которое надо дать предмету изобрѣтенія. Оно общепринято и въ житейскомъ смыслѣ: это есть краткое содержаніе патентнаго описанія. Помимо всего, выраженіе „предметъ

*) То, что мы называемъ здѣсь признаніемъ права, у Н. А. Гредескула опредѣлено болѣе точно: „распознаваніе согласія дѣйствій съ правомъ“. — „Къ ученію объ осуществленіи права“, стр. 230.

патента“ довольно неблагозвучно, а „предметъ привилегіи“ и вовсе не вѣрно, за отсутствіемъ у насъ привилегій въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Иногда для патентоспособнаго изобрѣтенія требуютъ (чаще всего безъ доказательствъ, но подразумѣвается необходимость введенія его въ жизнь) — осуществимости. Признакъ этотъ производный, хотя, въ дѣлѣ судебной практики, при опредѣленіи объекта, при сопоставленіи его съ нормой и при выводѣ заключенія онъ, несомнѣнно, можетъ облегчить задачу суда.

Что касается опредѣленія авторомъ патентоспособной новизны по опредѣлительнымъ уровню и избытку и, въ связи съ этимъ опредѣленіемъ, примѣненія закона „равныхъ (относительныхъ?) разстояній“, то мы считаемъ болѣе удобнымъ дать сравненіе изобрѣтенія съ приращеніемъ объема извѣстныхъ до изобрѣтенія техническихъ знаній, расширяемаго опубликованіемъ изобрѣтенія; отсюда выводятся опредѣлительный уровень и избытокъ, какъ элементы приращенія объема. Правило „относительности приращеній“ замѣнить законъ относительныхъ разстояній *).

Перейдемъ къ юридической конструкціи автора, выведенной имъ индуктивнымъ путемъ, на полезности котораго онъ особенно настаиваетъ, указывая, что, если бы изученію догматическому предшествовалъ синтезъ, то послѣдній былъ-бы произвольнымъ, а главное—толкованіе закона, основанное на немъ, было-бы тоже произвольнымъ.

Намъ кажется, что здѣсь рѣчь можетъ идти скорѣе о распределеніи матеріала, а не о методѣ, ибо синтезъ, какъ таковой, не можетъ не быть основанъ на предварительномъ теоретическомъ и практическомъ изученіи разсматриваемаго института. Синтезъ всегда будетъ болѣе или менѣе субъективнымъ, какъ продуктъ умственной работы автора. Не совсѣмъ понятно, кромѣ того, какъ индуктивный методъ можетъ быть примѣненъ къ толкованію закона. Имѣя всѣ права на преобладаніе въ наукѣ права, въ теоріи права, этотъ методъ непримѣнимъ къ толкованію и, особенно, — къ примѣненію закона. Собирая, оцѣнивая и обобщая факты, мы можемъ вывести теорію явленія, но, прилагая ее къ практикѣ, мы неизбежно идемъ дедуктивно, и это нигдѣ такъ не ясно, какъ на примѣненіи закона, а равно на примѣненіи научной теоріи къ дѣлямъ практическимъ, какъ критика и, особенно,—толкованіе правовыхъ нормъ.

Полной аналогіи съ методомъ положительныхъ наукъ про-

---

*) См. А. Скородинскій: „Привилегіи и Патенты“, общ. ч., стр. 23 и 49.

вести въ наукѣ права пока нельзя: тамъ въ заключеніи стоитъ повѣрка индуктивно выведенной теоріи полученными изъ нея дедуктивно опытами (основываясь на постоянствѣ причинъ), у насъ въ заключеніи стоитъ повѣрка фактовъ теоріей.

Постановка опытовъ и повѣрка ими теоріи, конечно, желательны, но при современномъ состояніи общественныхъ наукъ трудно выполнимы. — Надо-ли прибавлять, что, въ силу этого, индуктивный методъ не могъ быть проведенъ авторомъ вполне послѣдовательно.

„Всякая конструкція, какъ синтезъ, должна—говорить авторъ—изображать изучаемый институтъ съ двухъ точекъ зрѣнія: а) статической и б) генетической“.

Къ а). Конструкція прежде всего должна давать статику даннаго правоотношенія; т. е. 1) описывать „примѣты“: субъектъ, объектъ и отношеніе субъекта къ объекту. Какъ практическое слѣдствіе, изъ этого изученія примѣты должны 2) проистекать результаты классификаціонныя, такъ какъ расположеніе отдѣльныхъ институтовъ по отдѣльнымъ частямъ системы права происходитъ, очевидно, на основаніи именно этихъ „примѣтъ“.

Къ б). Подъ генетическою конструкціею можно разумѣть два метода изученія: 1) задачу опредѣленія, откуда беретъ свое начало данное правомочіе; основывается-ли оно на общемъ законѣ или на спеціальному правосозидающемъ актѣ; 2) можно понимать подъ этимъ названіемъ болѣе общія разсужденія о причинахъ возникновенія даннаго правоотношенія.

Эти два элемента содержанія права не могутъ вліять одинъ на другой. Послѣднее положеніе можно считать общепризнаннымъ, но авторъ нарочно останавливается на немъ, находя, что многіе нарушаютъ этотъ трюизмъ.

Причины, такъ сказать, ante-юридическаго характера (историческія, политико-экономическія и т. п.) не могутъ повліять на положеніе зародившагося изъ нихъ института въ общей системѣ права; такъ напримѣръ обстоятельство, что въ одной странѣ фиденкомиссы будутъ введены изъ соображеній индивидуалистическихъ (этическихъ? — преклоненіе передъ вѣчно дѣйствующей волей собственника), а въ другой — изъ соображеній общественныхъ (дворянство, etc!..), не можетъ повлечь помѣщенія этихъ фиденкомиссовъ въ первой странѣ въ одну часть гражданской системы, а во второй—въ другую.

Точно такъ же не можетъ повліять на статику правоотношенія и его привилегіонный или общегражданскій характеръ“.

Далѣ авторъ послѣдовательно критикуетъ теоріи патентнаго права, предлагавшіяся до сихъ поръ, а именно:

1) Теорію права изобрѣтателя, какъ „промышленной собственности“, принимаютъ многіе изъ иностранныхъ авторовъ; одна часть основывается на сходствѣ трудового происхожденія двухъ институтовъ, другая ищетъ сходства въ юридическихъ формахъ проявленія обоихъ институтовъ. Основная ошибка: сходство части признаковъ, пренебреженіе остальными, изъ которыхъ можно назвать: защита владѣнія, оккупация регулируется разными нормами, *de relictio* не признается, ученіе о давности неприменимо, ученіе о вещныхъ обремененіяхъ принимается съ коренными измѣненіями, продолжительность защиты безконечно мала передъ вѣчнымъ правомъ собственности, ученіе о способахъ передачи—применимо съ осторожностью.

2) Теорію „нематеріальной собственности“—часть признаковъ совпадаетъ, часть отличаетъ патентное право, которое должно быть названо правомъ собственности особаго рода; по сходству части признаковъ заключаютъ о несходствѣ остальныхъ и основываются на нихъ въ качествѣ *principium divisionis*; это ведетъ къ опредѣленію вида изъ рода („*species sui generis*“).

„Если рядомъ съ вещною собственностью мы создаемъ еще совершенно неаналогичную собственность интеллектуальную, то мы необходимо обезличиваемъ наши ясныя и точныя представленія о *dominium*, подставляя вмѣсто точной догмы какой-то расплывающійся призракъ“. Напримѣръ, Rouillet: „почему не допустить существованія двухъ собственностей“. Авторъ замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ „собственность“ уже не будетъ той способностью, подъ которой мы выросли и которою мы привыкли дорожить. Вопросъ о томъ, насколько существенны упомянутые выше признаки, ставитъ и самъ авторъ.

Далѣ идетъ критика теорій: договорной, персональной и „*Immaterialgüterrecht's* теоріи“ Kohler'a.

Не будемъ останавливаться на этой критикѣ и прослѣдимъ ходъ разсужденій автора по выводамъ.

1. Генетика перваго порядка: „Изобрѣтатель есть техническій творецъ; результатъ его творчества (изобрѣтеніе) является, съ субъективной точки зрѣнія, нѣкоторымъ расширеніемъ во-внѣ, нѣкоторою объективациею его личности, а съ объективной—въ высокой степени полезнымъ вкладомъ въ сокровищницу нашихъ культурныхъ пріобрѣтеній; поэтому, изобрѣтеніе должно быть защищено съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) какъ кристаллизациа личности, ибо никто не имѣетъ права нарушать миръ въ святилищѣ

чужой жизни и ея результатовъ (теорія личная), и 2) какъ плодъ полезной работы, ибо никому не дозволено обогащаться на чужой счетъ“.

2. Генетика второго порядка: „Въ виду только что приведеннаго значенія изобрѣтеній, они защищаются въ Россіи, въ настоящее время, общегражданскими нормами“, а не конкретными привилегіями.

Переходимъ къ статикѣ перваго порядка, съ цѣлью выясненія основныхъ элементовъ патентнаго отношенія.

„Патентное право“, по мнѣнію автора, представляетъ „не одно, а цѣлыхъ два юридическихъ отношенія“; здѣсь неясно, что считать отношеніемъ; собственно говоря, всякое право, не говоря уже о нормахъ положительнаго права, можетъ дать начало нѣсколькимъ отношеніямъ. Это понятіе выяснится изъ разсужденій автора.

Колеръ говоритъ: „совершенно неправильно считать, что изобрѣтатель имѣетъ какое-то право на полученіе патента, что онъ стоитъ въ какомъ-то публично-правовомъ отношеніи къ Патентамту . . . Право изобрѣтателя . . . является гражданскимъ и только гражданскимъ правомъ“.

По Колеру, право изобрѣтателя распадается на „Individualrecht и Immaterialrecht“; оба существуютъ до выдачи патента. Что касается послѣдняго, то оно заключается въ правѣ всякаго лица требовать, чтобы сохраняемые имъ въ секретѣ данныя не были развѣдываемы и разглашаемы третьими лицами. Поэтому „индивидуальное право“ дозволяетъ обиженному „требовать, чтобы обидчикъ: 1) возвратилъ ему похищенный секретъ, 2) не пользовался-бы похищеннымъ секретомъ, 3) не разглашалъ-бы похищеннаго секрета, 4) не заявлялъ-бы его къ патентованію и 5) возмѣстилъ-бы убытокъ“.

Авторъ правильно замѣчаетъ, что характеристика Kohler'a не соотвѣтствуетъ современному положенію вещей; искъ о возвратѣ секрета, да еще въ качествѣ actio in rem, особенно трудно мыслимъ. Ошибка Kohler'a, по автору, въ томъ, что онъ связываетъ право на неприкосновенность секрета съ изобрѣтеніемъ (т. II, стр. 340). „Если секретъ охраняется независимо отъ его содержанія, то при чемъ здѣсь патентное право; защита секретовъ можетъ повлечь въ видѣ рефлекса и защиту изобрѣтеній. Но она конструируется внѣ связи съ патентнымъ правомъ“. Выводъ: „индивидуальное“ право не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ акту изобрѣтенія. „Затѣмъ остается право „нематерьяльное“; носитель этого права, сознается Kohler: 1) не имѣетъ возможности запретить третьему лицу самостоятельно заявить такое-же изобрѣтеніе“.

обрѣтеніе, 2) онъ не имѣетъ возможности запретить третьимъ лицамъ эксплуатировать то же изобрѣтеніе безъ патента, если они самостоятельно его сдѣлали; 3) онъ не имѣетъ возможности запретить третьимъ лицамъ продавать свое самостоятельное изобрѣтеніе постороннимъ“. По автору это достаточныя отличія права „до патента“ отъ права „послѣ патента“.

„Зато—говоритъ Kohler—наличность нематерьяльнаго права до патента появляется въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ томъ, что изобрѣтатель даже до заявки можетъ продавать свое право (sein Recht veräußern)“; авторъ замѣчаетъ, что „возможность перемѣнить субъекта можетъ являться свойствомъ разбираемаго института, но сама по себѣ ничего не доказываетъ относительно сущности передаваемаго права. Цивилистика по поводу права не должна быть смѣшиваема съ цивилистичностью самаго права (публичныя права допускаютъ даже перемѣну въ субъектахъ)“. Kohler не признаетъ закладнаго права на нематеріальный объектъ до заявки, но мы лично не согласны съ сущностью этого вывода: осуществленіе его мыслимо путемъ регистраціи.

Второй пунктъ Kohler'a неясенъ и, прибавимъ отъ себя, голословенъ (см. Ал. Пиленко, П. И., т. II, стр. 340): „при столкновеніи между носителемъ индивидуальнаго права, съ одной стороны, и носителемъ нематеріальнаго права, съ другой стороны,—послѣдній всегда долженъ одержать верхъ. Изъ изложеннаго слѣдуетъ (!), что носителей индивидуальнаго правомочія можетъ быть нѣсколько, носитель-же нематеріальнаго права можетъ быть только одинъ, во всякомъ случаѣ только одинъ для всей совокупности права“ и т. д.

Теорія О. Gierke сводится къ тому, что „право изобрѣтателя возникаетъ въ моментъ оконченнаго творчества, но развивается и становится исключительнымъ правомъ лишь послѣ исполненія особаго установительнаго акта (Feststellungsakt).

„Выдача патента не создаетъ никакого новаго права, она только развиваетъ уже существующее право. . . . Выдача патента устанавливаетъ наличность условій, при коихъ возможно гарантировать защиту“.

Содержаніе гражданскаго права до патента О. Gierke расчленяетъ на три элемента: 1) право распоряжаться опубликованіемъ изобрѣтенія, 2) право пользоваться незаявленнымъ изобрѣтеніемъ и 3) право быть признаваемымъ за автора даннаго изобрѣтенія.

По г. Ал. Пиленко, п. п. 1 и 3 сводятся къ „индивидуальному“ праву Kohler'a, а „право“ по п. 2-му есть не больше, какъ рефлексъ промышленной свободы.

Противоположная конструкція, лучшимъ выразителемъ которой является Laband,—сводитъ все патентное право къ публичному праву, строя свои выводы на различіи въ порядкахъ подчиненности и равенства, инструкции и закона; авторъ возражаетъ, что, по нашему праву, жалоба въ I-й Департаментъ Сената есть жалоба о нарушенномъ правѣ, а не доносъ; скорѣе касаціонная жалоба, чѣмъ докладъ о нарушеніи инструкции.

Выводъ: по автору „право на патентъ“ является отношеніемъ публичнаго права: однимъ изъ субъектовъ этого отношенія долженъ быть признанъ заявитель, а другимъ—Отдѣлъ Промышленности *). Отношеніе это возникаетъ съ момента заявки и прекращается въ моментъ входа въ законную силу постановленія Комитета. Содержаніемъ этого отношенія является право заявителя требовать, при наличности нѣкоторыхъ условій, чтобы Отдѣлъ Промышленности произвелъ выдачу патента. Санкція — уничтоженіе неправильно выданнаго патента.

Здѣсь авторъ самъ замѣчаетъ, что „это отношеніе не является логически необходимымъ въ дѣлѣ защиты изобрѣтеній“ и что безпатентная система представляла-бы аналогію изобрѣтательскаго и авторскаго права болѣе полною, чѣмъ теперь.

„Что касается второго юридическаго отношенія (право изъ патента), то оно является институтомъ гражданскаго права. Его носителемъ мы должны признать патентодержателя, объектомъ—то техническое единство, которое запечатлѣно въ патентѣ, его содержаніемъ—право запрещенія, не дозволяющее третьимъ лицамъ экономически пользоваться даннымъ объектомъ **). Право изъ патента возникаетъ ретроактивно, съ момента опубликованія соответствующаго охранительнаго свидѣтельства до прекращенія патента“.

Дальше разсматривается генеричность объекта изобрѣтенія; „патентное право генерично въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ объектомъ нѣкоторый *genus*, рядъ конкретныхъ рѣшеній даннаго типа“. Аналогія съ авторскимъ правомъ: *A* можетъ запретить промышленно распространять *B* свой каламбуръ, придуманный вторымъ независимо отъ перваго.

Здѣсь, замѣтимъ вскользь, допущено смѣшеніе генеричности

*) Методъ двойной бухгалтеріи; примѣняя его къ различенію гражданскаго и публичнаго правъ, Меркель въ своей Юридической Энциклопедіи—медленно, но вѣрно приходитъ къ выводу, что прямого противоположенія здѣсь нѣтъ (§§ 88—93).

***) Ниже есть неправильное опредѣленіе: „запрещать самостоятельно изобрѣтать данное изобрѣтеніе (стр. 354, т. II)“.

объекта съ содержаніемъ правъ, въ частности съ ихъ исключительностью. Каламбуръ, будучи оформленъ, является конкретнымъ по объекту произведеніемъ; исключительность правъ признается за *A* потому, что *B* можно считать подражателемъ. Если *A* и *B* живутъ въ разныхъ мѣстахъ или сказали каламбуръ одновременно, надо ихъ обоихъ считать авторами, пока не доказано присвоеніе.

„Всякое авторское право покрываетъ цѣлый Genus (въ теоріи это не совсѣмъ точно). Право-же собственности всегда, безусловно и необходимо имѣетъ объектомъ конкретныя вещи (это вѣрно)“.

Выводъ автора, что патентное право есть право запрещенія,—признаемъ безусловно точнымъ. На этой-же точкѣ зрѣнія стоитъ проектъ статей по авторскому праву, для права автора вообще (прим. къ ст. 542).

По окончательному вопросу: въ какомъ мѣстѣ общегражданской системы должно быть поставлено патентное право? Авторъ отвѣчаетъ:—это есть (нематеріальная) монополія.

Дальше слѣдуетъ опредѣленіе понятія монополіи. Съ экономической точки зрѣнія это—возможность исключительно удовлетворять спросу или предложенію даннаго продукта. Дѣленіе монополій; сопоставленіе съ ними авторскаго и патентнаго права; разборъ теорій за и противъ. Существенное возраженіе Kohler'a, предусмотрительно развитое авторомъ, ради оппозиціи: „понятіе монополіи не есть юридическая конструкторія. Монополія можетъ быть и фактической (по автору естественной), на примѣръ, синдикатъ, до правоваго признанія его,—и правовой“.

„Монополія, съ юридической точки зрѣнія, есть генерично-абсолютное право, и обратно, всякій разъ, какъ мы имѣемъ абсолютное право, имѣющее объектомъ предметъ, опредѣленный не *in species*, а *in genere*,—мы съ достовѣрностью можемъ умозаключать о наличности монополіи“.

„Патентное право есть право запретить всѣмъ и каждому эксплуатировать данный нематеріальный genus“.

„Слѣдовательно, 1) оно должно быть поставлено въ категорію абсолютныхъ правъ; 2) оно должно быть причислено къ числу нематеріальныхъ правъ; 3) оно должно быть категоризируемо, какъ абсолютно-генеричное право“.

Сравненіе съ вещно-матеріальнымъ правомъ даетъ: „понятіе собственности есть вещно-матеріально-конкретное право....“

Вещное право на цѣлый genus предметовъ называется монополіей (въ обычномъ смыслѣ)“. . . Сводя всѣ вещныя права

въ одну общую схему, мы получимъ слѣдующую таблицу (по объекту):

	Res corporales.	Res incorporales.
In species.	Собственность.	α
In genere.	Монополія.	Авторское право.

Подъ α авторъ затрудняется поставить точно опредѣленный институтъ; намеки такого института онъ видитъ въ защитѣ фабричныхъ секретовъ, которые конкуренція не имѣетъ права выпытывать, но, найдя секретъ самостоятельно, всякій можетъ фабриковать его, не стѣсняясь секретомъ другаго.

„Слѣдовательно,—говоритъ авторъ,—secret de fabrique не защищаетъ отъ параллельныхъ изобрѣтателей; слѣдовательно, онъ охраняетъ лишь конкретную нематеріальную вещь“.

Изъ таблицы слѣдуетъ:

1) Если принять за principium divisionis „матеріальность“ объекта, то собственность группируется съ монополіями (въ обычномъ смыслѣ).

2) Если принять за principium divisionis „конкретность“ предмета, то собственность группируется съ фабричными секретами.

3) Утвержденіе-же, что собственность „аналогична“ съ авторскимъ правомъ, лишено какого-бы то ни было разумнаго principium divisionis“.

Переходя къ разбору конструкціи, сдѣлаемъ предварительно частныя замѣчанія:

а) Авторъ допускаетъ использование смысла понятія монополія—въ вещномъ и духовномъ смыслахъ, дѣлая переносъ и обобщеніе, котораго онъ раньше не допускалъ для собственности: „нематеріальная монополія“ ничѣмъ не лучше „нематеріальной собственности“.

б) Выводъ автора по таблицѣ сводится къ отрицанію термина „литературная, художественная и промышленная собственность“ —(кромѣ многихъ иностранныхъ авторовъ, у насъ Табашниковъ, Побѣдоносцевъ и др.).

Дадимъ теперь общую критику системы.

Не будемъ касаться вопроса о томъ, что такое право. Какъ неопредѣленность понятія времени, силы, пространства и сущности ихъ не мѣшаетъ научному развитію механики, такъ и от-

существование точного определения права не мешает нам оперировать с этим понятием: с одной стороны, мы чувствуем его без его субъективных определений, всегда неточных, а с другой—пользуемся приближенными логическими (объективными) определениями, на которых можем сойтись.

Право, в свою очередь, определяет правоотношение: это та элементарная величина, логическое собрание, интегрирование которой в связи с индуктивным способом исследования приводит нас к правовому институту; внутренняя связь между разнообразными институтами, обуславливающая классификацию их в одну общую систему права, определяет соотношение отдельных институтов. Наша задача сводится к определению места для института права автора и изобретателя в общей системе права.

Заметим еще по отношению к общей планировке работы г. Ал. Пиленко, что она не представляет картины вполне стройного исследования: с одной стороны—это не систематика русского патентного права, а с другой стороны—это и не чисто теоретический труд о составе и эволюции общего патентного права и о положении его в отвлеченной системе права. Автор недостаточно разделил эти задачи, которые у него постоянно перекрещиваются. Между тем, одно из двух: или теория патентного права и, как приложение, критика нашего и международного права с точки зрения этой общей теории, или же работа на тему: русское патентное право.

По крайней неразработанности русского патентного права и почти полному отсутствию практики, мы будем разбирать институт с точки зрения общей теории его. Полученные общие выводы можно будет применить к суждению о свойствах наших законодательных источников по патентному праву.

Если мы будем считать институт за обобщенное правоотношение, то прежде всего мы должны отказаться от той двойственности, которую нам предлагают усмотреть в правах „на и из патента“, ибо это приводит нас к двум институтам: и действительно, автор конструкции говорит и о „публичном отношении“, и о „гражданском институте“.

Прежде всего заметим, что различение категорий публичного и гражданского обыкновенно не проводится далее правоотношений; если и говорят о праве гражданском и публичном, то подразумевают правоотношения, элементарные нормы, но не институты. Вспомним, что до сих пор категоричного критерия ни в формальных, ни в материальных теориях разли-

ченія этихъ правъ предложено не было; это, повидимому, вынуждало автора или дать свою теорію, или, съ оговоркой о томъ, примкнуть къ одной изъ существующихъ теорій; однако, едва-ли не самое правильное было бы совсѣмъ избѣжать включенія этихъ понятій въ теорію, оставивъ ихъ для житейскаго обихода, гдѣ, какъ говоритъ проф. Коркуновъ,—каждый юристъ легко въ томъ разбирается. Однако, и его теорія подѣленія и приспособленія, какъ и предложенная недавно проф. Л. Г. Петражицкимъ теорія частнаго и организованнаго пользованія, примыкающая къ теоріи распредѣленія проф. Цитовича,—при всемъ ихъ изяществѣ,—вовсе не такъ ужъ точны, и, главное, не столь исчерпывающи.

Неполная примѣнимость къ институтамъ понятій гражданскаго и публичнаго права лежитъ, à priori, въ томъ, что 1) теоретически—одинъ и тотъ же институтъ вмѣщаетъ нормы разнаго характера, такъ что этотъ признакъ при абстракціи отдѣляется, и 2) практически—правоотношенія и нормы могутъ эволюціоннымъ путемъ переходить изъ одной категоріи въ другую; въ силу этого не слѣдуетъ основывать дѣленія на подобныхъ признакахъ, какъ нехарактерныхъ.

А posteriori — увлеченіе автора видно уже изъ того, что, основывая различіе правъ на различіи гражданскихъ и публичныхъ отношеній, онъ придаетъ на нѣкоторое время (отъ опубликованія объ охранительномъ свидѣтельствѣ до рѣшенія дѣла) однимъ и тѣмъ же отношеніямъ характеръ смѣшанный, чѣмъ самъ устраняетъ поставленное имъ различіе. Если угодно, то и право изъ патента даетъ поводъ къ публичнымъ отношеніямъ,—разъ изобрѣтатель можетъ требовать конфискаціи средствъ поддѣлки (многіе иностранные законы) и наложенія ареста со штрафомъ на контрафактора (ст. 621 Угол. Улож. 1903 г.).

Причина увлеченія автора—желаніе подчеркнуть „облигаторный“ характеръ права; ему показалось недостаточнымъ доказать, что право на патентъ есть общее право, и онъ придалъ ему значеніе права публичнаго въ первой его части. Довольно того, что за изобрѣтателемъ установлено право на патентъ; если даже онъ и не можетъ полностью осуществить это право (напримѣръ у насъ), то это указываетъ на недостатокъ закона, на несовершенство правопорядка и только.

Этимъ мы уже отчасти сглаживаемъ различіе, поставленное нашимъ авторомъ между правомъ изобрѣтателя до и послѣ патента. Подобное совмѣщеніе публичной и гражданской окраски въ одномъ институтѣ не рѣдкость и въ правахъ вещныхъ: укажемъ на залоговое право, право владѣнія. Почти всюду, въ виду

практическихъ удобствъ, напримѣръ, гдѣ положительное право вынуждено переложить *onus probandi* на правонарушителя, а иногда и по другимъ причинамъ, напр., въ виду участія въ чужомъ правѣ (залогъ и др.), оно ставитъ извѣстный *stage* публичнаго характера: такъ, право требовать отъ старшаго нотаріуса залоговое свидѣтельство не мѣняетъ гражданскаго существа залоговаго института при явно публичномъ характерѣ этого отдѣльнаго отношенія.

Отвѣтимъ автору его же словами: публичность одного изъ правоотношеній не должна быть переносима на весь институтъ.

Чтобы устранить могущее остаться неразрѣшеннымъ, даже по отдѣленіи публичности въ первомъ періодѣ правоотношеній, сомнѣніе въ единствѣ, цѣлостности и законченности института патентнаго права, сравнимъ основные элементы правоотношеній до и послѣ заявленія патента.

Объектомъ права до полученія патента является изобрѣтеніе въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено (не только описано, хотя иногда, напр., во Франціи, особое краткое опредѣленіе и считается излишнимъ) въ поданномъ описаніи и, если надо, пояснено чертежами; другими словами, право на патентъ обусловливается прежде всего тѣмъ нематеріальнымъ субстратомъ, который характеризуется даннымъ логическимъ опредѣленіемъ изобрѣтенія. Объектомъ права по полученіи патента является то же описаніе или безъ перемѣнъ (при явочной системѣ выдачи), или съ перемѣнами, внесенными въ него патентнымъ присутствіемъ, всегда подчиненнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ (Германія, Сѣв. Америка и др.). Патентныя присутствія подзаконны, этого не отрицаетъ и Комиссія по составленію Проекта Гражданскаго Уложенія даже для Россіи; потому они должны выдать патентъ при наличности извѣстныхъ условій. Если описаніе было измѣнено присутствіемъ, при чемъ, положимъ, неправильно задѣты права изобрѣтателя, или патентъ выданъ вообще незаконно, въ смыслѣ объекта правъ: по какому источнику будетъ вестись „распознаваніе“ права, въ случаѣ спора, судомъ? По заявленному описанію; это положеніе общепринято (тоже и у насъ, ст. 29, п. 5); съ этой цѣлью законы веѣхъ почти странъ (мы въ исключеніи) допускаютъ осмотръ документовъ послѣ выдачи патента и переносъ законнаго момента заявленія въ случаѣ коренныхъ исправленій недостаточнаго первоначальнаго описанія. Итакъ, объектъ права до полученія патента и по полученіи его одинаковъ; да это и понятно: присутствіе повѣряетъ сущность и даже редактируетъ форму описанія вездѣ (кромѣ Россіи) съ со-

гласія автора и за отвѣтственностью его, но ни прибавить, ни отнять чего-либо отъ сути изобрѣтенія оно само не можетъ.

О субъектѣ нечего бы и говорить; однако, здѣсь имѣется легкое усложненіе, которое лучше распутать.

Исключительными правами можетъ пользоваться или одно лицо, или сообща нѣсколько лицъ, которыя должны быть тогда конститутивно связаны между собою. Теоретически ничто не мѣшаетъ намъ установить и признать право на патентъ за нѣсколькими самостоятельными изобрѣтателями, но уже распознать это право, въ виду возможнаго заимствованія, присвоенія и похищенія, гораздо труднѣе, раздѣльное-же осуществленіе ими права—прямо невозможно *). Мы лично считаемъ основнымъ моментомъ образованіе права и, какъ завершеніе,—объективное признаніе и установленіе его.

Вотъ почему наиболѣе послѣдовательнымъ странамъ (Англія, но особенно Сѣв. Америка) такъ трудно провести принципъ перваго и истиннаго изобрѣтателя; эта трудность и привела къ нормѣ: „право на патентъ дается, однако, до доказательства противнаго, первому заявителю“, предполагаемому *prima facie* за добросовѣстнаго изобрѣтателя (явственно—почти всѣ законодательства, довольно сбивчиво наше); Франція, прославленная страной, чуть-ли не покровительствующей первому похитителю, упоминаетъ въ законѣ: „авторъ“—§ 29, а французская практика допускаетъ процессъ противъ присвоителя правъ на заявленіе (*Mainié, Nouv. traité, I, § 1259 etc.*). Исключеніе составляетъ одна монашеская Испанія, не желающая признавать—ради поддержанія своей промышленности—никакихъ авторовъ и покровительствующая, безъ особой для себя выгоды, бандитамъ индустріи, да ея западная сосѣдка, вѣроятно, просто изъ подражательности.

Итакъ, только практика распознаванія и осуществленія интересовъ, ищущихъ себѣ признанія въ правѣ, заставила прійти къ первому заявителю, вмѣсто перваго изобрѣтателя: хотя въ Америкѣ есть особый процессъ для опредѣленія этого субъекта, но и онъ неизбѣжно ограничивается признаніемъ за автора того, кто докажетъ болѣе раннее проявленіе имъ изобрѣтенія. Норма признаетъ перваго добросовѣстнаго заявителя, но вѣдь и патенто-

*) Мы принимаемъ точку зрѣнія г. Гредескула на трехчленный составъ правоотношеній тѣмъ охотнѣе, что согласны съ его посылкой: „цѣль права—вовсе не защита его“. Можно сказать метафорически, что цѣль права (какъ института, организма высшаго порядка) его самодовлѣющее существованіе; потому нормы его стремятся къ осуществленію, а для защиты оно пользуется объективными средствами—силой, убѣжденіемъ.

держатель долженъ отвѣчать тому-же условію — опять полное сходство по основному признаку.

На-ряду съ этимъ могутъ быть или совладѣльцы, связанные въ систему quasi-юридическаго лица, или субъекты, участвующіе въ чужомъ правѣ, какъ напримѣръ *Vorbenutzer* — самостоятельный изобрѣтатель, не взявшій патента и которому дается право пользованія и владѣнія, безъ права распоряженія; его связываетъ: 1) ограниченность въ способахъ пользованія—примѣненіе лишь для потребностей своего заведенія и 2) отчужденіе права въ связи съ промышленнымъ заведеніемъ.

Вообразимъ на моментъ, что есть два или нѣсколько независимыхъ патентодержателей: 1) одинъ изъ нихъ можетъ къ огорченію другихъ заполнить рынокъ продуктомъ, но это еще не большая бѣда: страдаютъ единицы, выигрываетъ публика; однако, имѣется еще большее неудобство: 2) контрафакторъ отвѣчаетъ за одну поддѣлку столько разъ, сколько патентовъ.

Итакъ, только практическая необходимость заставляетъ отказаться отъ розыска „перваго и истиннаго изобрѣтателя“.

Въ этомъ-же обстоятельствѣ можно найти объясненіе того, что законодательства до сихъ поръ, несмотря на установившійся обычай, не дошли до признанія права автора на имя. Вспомнимъ о правилахъ Бойль-Маріотта, Авогадро-Жирара, Менделѣева-Мейера и др.

Перейдемъ къ содержанію правъ. Подъ этимъ терминомъ можно подразумѣвать: или отношеніе субъекта правъ къ объекту ихъ, или, точнѣе, отношеніе субъекта правъ къ третьимъ лицамъ по поводу объекта. Первое опредѣленіе оставимъ, рассматривая же второе, можемъ замѣтить слѣдующее различіе: до заявленія изобрѣтатель можетъ распоряжаться своимъ изобрѣтеніемъ, какъ ему угодно, являясь фактическимъ владѣльцемъ изобрѣтенія, и законъ признаетъ за нимъ право исключительнаго использованія, но, по невозможности для изобрѣтателя практически осуществить, а для суда, если потребуется, — распознать это признанное за нимъ право, законъ требуетъ отъ него заявленія, точнѣе, объявленія содержанія его патента. Итакъ: 1) въ виду невозможности запретить третьимъ лицамъ воспроизводить неизвѣстное изобрѣтеніе, 2) въ виду указанной невозможности выдавать по нѣсколькимъ патентамъ разнымъ лицамъ и 3) въ виду необходимости пріурочить къ извѣстному моменту опредѣленіе новизны,—нормы положительнаго права принуждаютъ желающихъ осуществить свое право съ помощью правительственной опеки—регистрировать свое изобрѣтеніе. Есть мнѣніе, что регистрація изо-

брѣтений (мотивы проекта Гражданскаго Уложенія) отличаетъ право изобрѣтателя существеннымъ образомъ отъ права автора.

Для того, чтобы утверждать это, надо доказать существование и категоричность самаго признака; но 1) сама Комиссія для составленія Проекта Гражданскаго Уложенія признаетъ, что право авторское связано, по нѣкоторымъ законодательствамъ, съ предварительной регистраціей и 2) формы регистраціи какъ авторскихъ, такъ и изобрѣтательскихъ правъ,—измѣнчивы до безконечности и—съ одной стороны—незамѣтно переходятъ въ опубликованіе эстетическаго произведенія и изложеніе его въ рукописи (ст. 514-я Проекта), а съ другой стороны—сокращаются почти только до обязательнаго проявленія изобрѣтенія (Сѣв. Америка). Затѣмъ, какъ признаетъ и разбираемый авторъ, безпатентная система даетъ полную аналогію съ правомъ авторскимъ.

Слѣдовательно, регистрація не служитъ къ установленію различія между правами авторскими вообще и изобрѣтательскими въ частности и, кромѣ того, она не можетъ служить отличительнымъ или разграничительнымъ признакомъ между двумя половинами правъ изобрѣтателя до регистраціи и послѣ нея. Если-бы положительное право было удобно, за устраненіемъ приведенныхъ, чисто практическихъ и, съ точки зрѣнія теоріи, случайныхъ причинъ,—осуществлять на основаніи конкретнаго выраженія изобрѣтательской идеи: чертежа, модели, описанія—безъ регистраціи, то право изобрѣтателя нашло-бы себѣ полную аналогію съ правомъ авторскимъ по другимъ подраздѣленіямъ его.

Итакъ, права изобрѣтателя до и послѣ патента не различаются настолько существенно, чтобы раздѣлять ихъ на два подинститута: „право на патентъ“ и „право изъ патента“.

Теперь сошлемся на то, что субъектъ и объектъ въ институтахъ патентнаго и авторскаго права почти одинаковы, съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что объектъ патентнаго права—техническое (утилитарное) нововведеніе, а объектъ авторскаго права—эстетическое произведеніе (литературно-художественное); но при этомъ ясно, что право изобрѣтателя относится къ праву автора вообще, какъ часть къ цѣлому. Если это не всегда сознавалось, то и для этого есть свои причины. Вдумываясь въ характеръ объекта правъ того и другого, находимъ слѣдующее, хотя нерѣзкое и нехарактерное, но все-таки отличіе: право автора-эстета болѣе матеріально, право автора-техника—болѣе формально; для перваго—все его произведеніе—и содержаніе, и форма существенно важны; для втораго важна только идея, только формальный субстратъ измышленія, запечатлѣнный въ логическомъ со-

держаніи патента. Чтобы почувствовать это, достаточно представить себѣ, что два нашихъ автора лишились своихъ законченныхъ произведеній: у писателя сгорѣла рукопись, у изобрѣтателя—описание: первый теряетъ очень много, второй чаще всего—очень мало; воспроизвести содержаніе или опредѣленіе изобрѣтенія очень легко, воспроизвести литературное и художественное произведеніе очень трудно.

Однако это различіе, замѣтное въ теоріи, сглаживается на практикѣ*).

Намъ кажется, что аналогію по этимъ двумъ элементамъ правъ можно считать несомнѣнной; и если до сихъ поръ право авторское было разработано несравненно лучше, чѣмъ право изобрѣтателя, то коренная причина этому не та, что отсутствіе судебной практики мало поощряетъ юристовъ къ разработкѣ второго изъ нихъ**), и не та (г. Ал. Пиленко), что этотъ „институтъ“ захватили техники: основная причина этому та, что сами юристы зачастую и писатели. Вотъ почему наше право авторское разработано шире и лучше патентнаго: для примѣра укажемъ на то, что Проектъ статей авторскаго права умудряется охранять отъ контрафакціи рукопись***), а мотивы проекта патентнаго права въ Гражданскомъ Уложеніи, ссылаясь на возникновеніе при разсмотрѣніи патента техническихъ вопросовъ, говорятъ: „Поэтому (?) добиваться привилегіи по суду нельзя (!)“ . . . Другіе недостатки нашего закона мы отмѣчали раньше, ихъ можно прослѣдить по нашему докладу И. Р. Т. О-ву о пересмотрѣ закона и по нашему проекту его.

Исходъ изъ этого печальнаго положенія вещей одинъ: при-

*) См. проектъ статей объ авторскомъ правѣ, мотивы ст. 514-й: „Существенное условіе для признанія произведенія литературнымъ—облеченіе духовной дѣятельности автора въ извѣстную форму“.—То же самое для права изобрѣтателя.

**) Во-первыхъ: у насъ профессорская дѣятельность не совмѣстима съ адвокатурой, и во-вторыхъ: литературная и др. контрафакція пока еще не очень далеко определила свою сестру — поддѣлку изобрѣтеній.

Отсутствіе литературныхъ конвенцій будетъ вѣроятно поддерживать первую изъ нихъ; неуваженіе къ собственности иностранца не внушитъ уваженія къ собственности сосѣда. Подобное мы видимъ теперь въ деревнѣ: общинный характеръ владѣнія стираетъ понятіе о собственности.

Кромѣ того, для произведенія беллетристики—форма имѣетъ громадное значеніе; а между тѣмъ даровое пользование переводами ведетъ (не говоря ужъ о перелицовкѣ ихъ однимъ издателемъ у другаго) къ безграмотному переложенію литературныхъ произведеній, что вмѣсто образованія вкуса ведетъ къ огрубѣнію его.

***) Также сборники произведеній народнаго творчества (ст. 518), переводы (ст. 523), рѣчи, лекціи, рефераты, проповѣди (ст. 524).

знаніе полнаго тождества между правами автора и изобрѣтателя, отклоненіе всякаго рода искусственныхъ и въ частности процессуальныхъ отличій, какъ несущественныхъ. Для утвержденія этого взгляда попытаемся дополнить конструкцію г. Ал. Пиленко, который не вполнѣ довелъ свое построеніе до конца, остановивъ классификацію на объектѣ, хотя и указалъ правильный путь для рѣшенія вопроса.

Раньше, чѣмъ идти далѣе, посмотримъ, мыслимо-ли право авторское на единичный отвлеченный предметъ; мыслимо-ли, на примѣръ, конкретное изобрѣтеніе, не распространяющееся на цѣлый рядъ предметовъ: скорѣе да, чѣмъ нѣтъ. Отнести сюда надо сноровки, приемы, не распространяемые на прикосновенные единообразныя явленія, предметы, т. е.: открытіе единичныхъ фактовъ, усовершенствованіе отдѣльныхъ предметовъ и приемовъ и т. п. На примѣръ, плотникъ исправилъ или измѣнилъ свою пилу, но ему не пришло въ голову, что такъ можно передѣлать всѣ пилы, такъ какъ само исправленіе вызывалось случайной причиной. Лаверрье и Адамсъ открыли Нептуна, какъ одну (конкретную) планету, а не законъ распредѣленія планетъ. Менделѣевъ и Мейеръ открыли связь между атомными вѣсами элементовъ — абстрактное открытіе; другіе ученые находили по одному элементу (конкретно). Колумбъ открылъ (умозрительно) морской путь въ Индію, но нашелъ (на своемъ пути туда) Америку.

Еще примѣръ изъ научной области: 1) можно найти (наткнуться на) новое ископаемое или животное и не замѣтить его новизны и оригинальности; это простая находка; 2) можно замѣтить его особенности—въ связи съ общей зоологической, петрографической или вообще научной классификаціей, на примѣръ, обратить вниманіе на три рога или безобразно длинный хвостъ—конкретное открытіе, и 3) можно открыть индивидуумъ и указать ему мѣсто въ системѣ—генеричное открытіе—на примѣръ, лошадь Пржевальскаго (зоологическій видъ).

Повторяемъ, здѣсь пока дѣленіе по объекту, безотносительно къ содержанію правъ. Замѣтимъ, что вообще дѣленіе вещей на конкретныя вещи и классы (видовыя и родовыя группы ихъ) легче, чѣмъ объектовъ невещественныхъ, въ силу природной отвлеченности послѣднихъ *).

*) Кроме того, мы легче представляемъ себѣ отдѣльные матеріальные предметы, чѣмъ классы ихъ, а при переходѣ къ предметамъ невещественнымъ мы, наоборотъ, легче мыслимъ отвлеченныя классы ихъ, чѣмъ отдѣльные предметы. Можно сказать, повидимому, что наиболѣе реальны, жизненны: отдѣльные матеріальные предметы и отвлеченныя группы предметовъ невещественныхъ; соответственно этому, духовная дѣятельность наша напра-

Переходя къ содержанию правъ, замѣтимъ, что если-бы даже мы и ограничили цѣль установленія права авторскаго хотя-бы однимъ матеріальнымъ доходомъ ради обеспеченности жизни, то нельзя сказать, чтобы нашъ плотникъ не пользовался авторскимъ правомъ: 1) онъ несомнѣнно извлекаетъ доходъ, и исключительно въ свою пользу, если исправилъ свою пилу, и 2) если-бы было признаніе имени автора и кто-нибудь обобщилъ-бы его изобрѣтеніе, то за нимъ осталось-бы, пожалуй, право на имя. Если право не защищаетъ такихъ споронокъ и конкретныхъ улучшеній, то лишь потому, что они не имѣютъ большого значенія для гражданскаго оборота. Сюда приближаются по объекту небольшія (и потому часто спорныя) изобрѣтенія, защищаемыя въ Германіи, какъ „общепользные образцы (Gebrauchsmuster)“. Для возможности, въ случаѣ надобности, судебной повѣрки ихъ новизны — практика склоняется къ защитѣ такихъ мелкихъ усовершенствованій въ обиходныхъ предметахъ, которыя непосредственно проявляются во внѣшней формѣ ихъ. Это обуславливается, конечно, удобствомъ сужденія о новизнѣ ихъ.

Въ правѣ авторскомъ сюда можно отнести по объекту: 1) новыя фотографіи; но защищаются вообще оригинальные снимки; 2) новый каламбуръ, памфлетъ, эпиграмма, м. б. переводъ; 3) художественный этюдъ и т. п. Вообще все произведенія, не возвышающіяся до обобщенія явленій, предметовъ, фактовъ въ типичныя.

Фабричныя секреты сюда не подходятъ, такъ какъ представляютъ собою (по объекту) настоящія генеричныя изобрѣтенія, используемыя, какъ монополіи фактическія, распространяющіяся на цѣлыя группы явленій, фактовъ и предметовъ.

Содержаніе правъ собственности, монополій и авторскаго права представляетъ наиболѣе замѣтныя колебанія; но такъ какъ разница въ объемѣ и содержаніи правъ между собственностью и монополіями даже больше, чѣмъ между собственностью и правами авторскими, и такъ какъ, главное, сама природа правъ не окончательно установлена, то не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, оговорившись, что пользуемся терминологіей проф. Коркунова (Лекціи по общей теоріи права, стр. 153) *).

влена преимущественно: на обобщеніе предметовъ матеріальныхъ и на воплощеніе явленій духовнаго порядка (дедукція—мифологія, теологія). Истинная задача философіи—связать эти два нераздѣльные между собою міра въ одно гармоничное цѣлое.

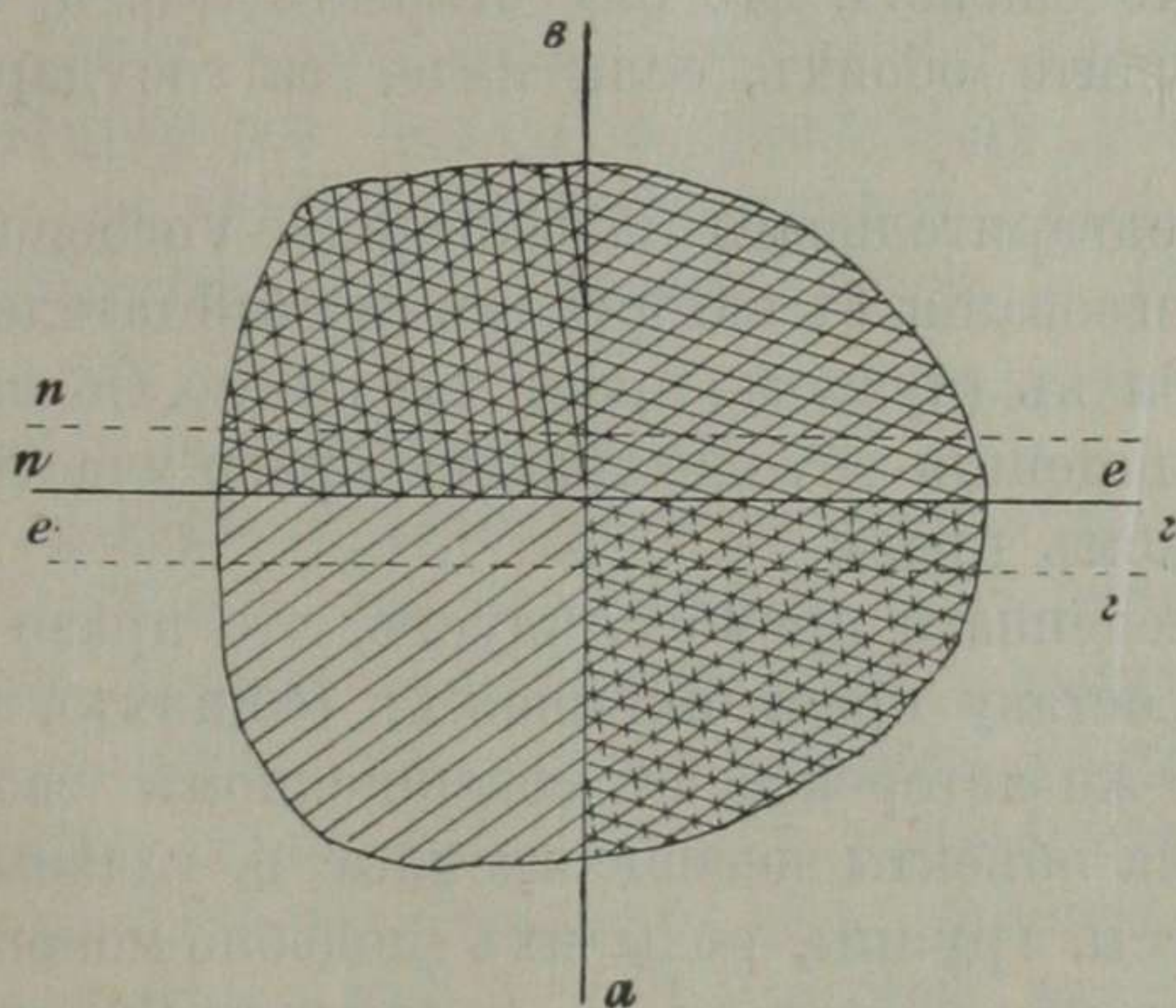
*) Кромѣ того, даже и право собственности ограничивалось въ силу различныхъ соображеній и сводилось иногда до объема права владѣнія и даже простаго пользованія. Въ настоящее время проявляется тенденція ограничить частное право на ядра земли. Нѣкоторыя социалистическія ученія склонны

Если составимъ таблицы по всѣмъ тремъ элементамъ права, то придемъ къ слѣдующему:

	Предметное имя.	Отвлеченное имя.
Предметы.	Собственность: Объектъ—вещи. Субъектъ—приобрѣтатель. Содержаніе—полное, исключительное и безсрочное право распоряженія.	Право автора-изобрѣтателя (открывателя): Объектъ—единичное открытіе, эпитаграмма, снимокъ, этюдъ, образецъ. Субъектъ—открыватель, авторъ. Содержаніе—почти полное исключительное право распоряженія (краткосрочное), позже м. б. право на имя.
Классы. Иногда вещества (въ общемъ значеніи).	Монополія: Объектъ—классы вещей, вещества (собирабельныя). Субъектъ—приобрѣтатель. Содержаніе—чаще всего простое пользованіе, обыкновенно безъ права распоряженія. Права чаще всего срочныя.	Право автора-изобрѣтателя (обобщителя): Объектъ—отвлеченное открытіе, произведеніе, изобрѣтеніе (въ узкомъ смыслѣ). Субъектъ—авторъ-изобрѣтатель. Содержаніе—почти полное исключительное право распоряженія (срочное), позже м. б. право на имя.

Эти-же соотношенія можно представить въ видѣ слѣдующей діаграммы.

совершенно отрицать частную собственность, и потому безсрочность ея является довольно условной.

Здѣсь ось *в—а* отграничиваетъ предметы вещественные отъ невещественныхъ, одновременно и личность простого пріобрѣтателя отъ автора (признаки взаимно сопутствующіе), ось *н—г* отграничиваетъ права предметные отъ генеричныхъ (классовыхъ, групповыхъ; конкретныя отъ монопольныхъ—по объекту). Различной штриховкой показаны разныя степени напряженія этихъ правъ, достигающія наибольшей напряженности въ собственности, средней—въ авторскомъ правѣ и наименьшей—въ монополіяхъ.

Пунктиромъ показаны оси *н—е* и *е—г*, между которыми заключаются единичные предметы, представляющіе собою, до правового признанія ихъ,—фактическія монополіи; онѣ мыслимы въ обѣихъ частяхъ предметовъ—матеріальныхъ и отвлеченныхъ.

По этой схемѣ право на секреты можетъ быть опредѣлено, какъ право автора на общее изобрѣтеніе, но безъ всякихъ исключительныхъ правъ, въ силу секретности его; оно даже не лишаетъ (теоретически) права на имя, при условіи передачи секрета на храненіе; отсутствіе исключительныхъ правъ пополняется тѣмъ, что секретъ является монополіей фактической.

Съ этой точки зрѣнія странное положеніе въ системѣ патентнаго права займутъ секретные патенты; въ виду вносимой ими контраверзы, мы, оставляя ихъ въ нашемъ проектѣ закона (ст. 11), постановили коррективъ, что вопросъ о поддѣлкѣ долженъ быть соединенъ съ вопросомъ объ оглашеніи. Иначе болѣе поздній и самостоятельный изобрѣтатель можетъ поплатиться именно за то, что правительство пользуется патентомъ секретно и что онъ не могъ узнать объ этомъ. Итакъ: если *А* поддѣлываетъ секретный патентъ, покажите сначала, кто ему открылъ его, и, въ случаѣ доказанности, судите обоихъ, если надо, за государственную измѣну!

Право предварительнаго пользованія—*Vorbenutzungsrecht*—есть право пользованія въ авторскомъ (изобрѣтательскомъ) правѣ, въ родѣ участія въ (чужомъ) правѣ частнаго. Обязательная (принудительная) лиценція обусловливаетъ право участія общаго въ изобрѣтательскомъ правѣ.

Изъ приведеннаго прямо слѣдуетъ, что право изобрѣтателя относится къ составу правъ авторскихъ (общихъ), какъ часть къ цѣлому. Право-же авторское, въ совершенномъ своемъ развитіи, простирается на объекты невещественные и, главнымъ образомъ, на цѣлые классы, группы, роды ихъ (подобно монополіямъ), имѣя субъектомъ—своего создателя, а по содержанію правъ оно приближается къ исключительнымъ правамъ, чѣмъ и похоже на собственность, отличаясь отъ нея, главнымъ образомъ, срочностью.

Какъ особая черта авторскихъ правъ—давно выяснилось ищущее признанія право на имя, только въ послѣднее время начинающее входить въ положительныя нормы права.

Приложенія.

Разсмотримъ, съ точки зрѣнія выведенной теоріи, положеніе нашего патентнаго права въ общей системѣ законодательства.

Комиссія по составленію проекта Гражданскаго Уложенія рѣшила вставить въ него слѣдующія три статьи:

Ст. 579. Изобрѣтателю и его правопреемникамъ принадлежитъ право исключительнаго пользованія изобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ въ области промышленности, если на него получена въ установленномъ порядкѣ привилегія.—Привилегіи выдаются какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ подданнымъ, на срокъ не болѣе пятнадцати лѣтъ (Пол. о привил. 20 мая 1896 г. ст. 1—4, 16).

Ст. 580. Получившій привилегію можетъ отчуждать ее на весь срокъ ея дѣйствія, или на часть этого срока.—Договоръ объ отчужденіи привилегіи долженъ быть удостовѣренъ на письмѣ.—По смерти лица, коему принадлежитъ привилегія, право на нее переходитъ на общемъ основаніи къ его наслѣдникамъ по закону или завѣщанію (Пол. о привил. 20 мая 1896 г. ст. 8, 22, 25).

Ст. 581. Выдача кому-либо привилегіи не лишаетъ другихъ лицъ права, въ теченіе двухъ лѣтъ со дня обнародованія привилегіи, оспаривать судебнымъ порядкомъ право на привилегированное изобрѣтеніе, а равно правильность выдачи самой привилегіи. По истеченіи этого срока привилегія можетъ быть признана недѣйствительною только по приговору уголовного суда, состоявшемуся по возбужденному—противъ лица, получившаго привилегію, уголовному преслѣдованію (Пол. о привил. 20 мая 1896 г. ст. 21, 26).

Прослѣдимъ мотивировку Комиссіи.

Замѣчая вполнѣ основательно, что право изобрѣтателя есть „особое гражданское право, во многихъ отношеніяхъ сходственное съ правомъ автора“ въ другихъ родахъ творчества—по объекту: „не матеріальная вещь, а произведеніе умственнаго труда“, и по содержанію: „какъ авторъ, такъ и изобрѣтатель не пользуются . . . абсолютными правами, кои присвоены праву собственности на матеріальныя вещи“,—мотивы указываютъ на различія между этими категоріями правъ, ссылаясь на разные сроки дѣйствительности ихъ и приводя, какъ главное различіе, то, что:

„право автора . . . . существуетъ въ силу самаго закона и не нуждается въ чьемъ-либо предварительномъ признаніи; для того же, чтобы имѣть право на изобрѣтеніе, недостаточно быть изобрѣтателемъ. Необходимо еще, чтобы исключительное право изобрѣтателя пользоваться своимъ изобрѣтеніемъ было-бы признано за нимъ въ установленномъ порядкѣ посредствомъ выдачи ему на оное привилегіи“. Слѣдующій далѣе примѣръ слесаря и усовершенствованнаго имъ замка настолько напоминаетъ аргументы г. Ал. Пиленко и его притязаніе „на патентъ“ (И. И. т. II, стр. 351), но безъ его послѣдовательности, что мы замѣтимъ только слѣдующее, разъ Комиссіи желательно разсуждать по аналогіи.

Для существованія права авторскаго (по нашему закону): 1) всякое эстетическое произведеніе должно быть опубликовано или оформлено въ рукописи (ст. 514, 550 и 564 П. Г. У.), 2) художникъ, въ удостовѣреніе принадлежащаго ему права „собственности“, можетъ предъявить свое произведеніе нотаріусу или Академіи Художествъ, (ст. 573 Проекта) и 3) фотографъ обязанъ („для сохраненія исключительнаго права“) проставлять фирму или имя и мѣстожителство, равно годъ изготовленія фотографіи (ст. 576 Проекта).

Право на полученіе патента-удостовѣренія признается не патентнымъ (у насъ административнымъ) учрежденіемъ, а, будучи установлено общимъ закономъ („могутъ быть испрашиваемы“, ст. 1-я Пол. 1896 г.),—признается для cadaго частнаго случая общими (Россія и др.) или патентными судами (Австрія). Разъ у изобрѣтателя есть (данное закономъ) право, то Присутствіе обязано удостовѣрить предполагаемую наличность этого права; вспомнимъ къ тому-же, что, напр., наши повѣрочныя учрежденія ни за что не ручаются: дословно п. 6 ст. 20-й Положенія: „Патентъ долженъ содержать въ себѣ. . . 6) удостовѣреніе, что на то же изобрѣтеніе или усовершенствованіе прежде того никому другому не было выдано привилегіи“. Вотъ все юридическое значеніе нашей патентной грамоты: въ остальныхъ пунктахъ есть „означенія“ и „предваренія“;—въ этомъ же удостовѣреніи все юридическое содержаніе документа.

Самое удостовѣреніе это необходимо въ виду того, что, какъ само собой очевидно, доказать наличность права нельзя *), ибо только спорящая сторона можетъ доказывать отсутствіе права.

*) См. нашъ докладъ И. Р. Т. О-ву о пересмотрѣ закона. Доказать, напри- мѣръ, новизну—нельзя, наличность изобрѣтенія—нельзя, патентоспособность (въ узкомъ смыслѣ)—нельзя, а опровергнуть ихъ иногда весьма нетрудно.

Какъ, напр., доказать, что изобрѣтеніе ново? Патентная система, принимая заявителя за *prima facie* изобрѣтателя,—даетъ ему свидѣтельство, перекладывая тѣмъ *onus probandi* на оспаривающаго, что одинаково является и здѣсь, и въ авторскомъ правѣ рѣшающимъ моментомъ; его противнику довольно привести иногда одинъ фактъ (напримѣръ, примѣненіе сходнаго въ основѣ изобрѣтенія до заявленія), чтобы патентъ опровергнуть. Въ этой роли опровергателя съ самаго начала повѣрочнаго процесса выдачи патента стоитъ повѣрочная комиссія: фактически и юридически—по праву и по справедливости—она должна быть судьей между изобрѣтителемъ и обществомъ.

Мы показали, кромѣ того, несущественность регистраціи для характеристики института по сравненію съ правами авторскими, которыя въ другихъ странахъ также подчинены регистраціи.

Различіе по объекту мы отмѣтили (см. схему выше), но можетъ ли оно служить къ пренебреженію правами изобрѣтательскими и къ беззащитности ихъ?

Дальше мотивы, указывая на подзаконность Министерства Финансовъ, ставятъ обязательнымъ для него соблюденіе основныхъ условій: „существенной“ новизны, рѣшеніе чего связано съ массой техническихъ вопросовъ: „Поэтому (?) добиваться привилегіи по суду нельзя (!), и, въ видахъ практическихъ, относительно выдачи привилегій повсюду существуетъ особая административная процедура. По суду можно лишь доказывать, что привилегія выдана неправильно лицу, которому она не принадлежитъ.—Если же изобрѣтителю, при отсутствіи со стороны кого-либо основательнаго спора (?), будетъ отказано Министерствомъ Финансовъ, . . . онъ можетъ домогаться признанія его права не по суду, а въ порядкѣ административныхъ инстанцій, и довести дѣло посредствомъ жалобы до I-го Департамента Сената.

По нѣкоторымъ законодательствамъ и авторское право требуетъ предварительно регистраціи; тамъ привилегія на изобрѣтеніе болѣе сходна съ этимъ правомъ (!). Но такъ какъ у насъ для авторскаго права не требуется регистраціи, то въ немъ такого тождества привилегіи съ этимъ правомъ не существуетъ.—Причины остракизма въ отношеніи изобрѣтателей мы указали.

„Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что, хотя право изобрѣтателя... во многомъ соотвѣтствуетъ авторскому праву, но тѣмъ не менѣе право изобрѣтателя существенно отличается отъ права автора“.

Итакъ, выходитъ, что изобрѣтатель имѣетъ по закону право, . . . но если это право будетъ нарушено администраціей, то оно благоразумно передъ ней таетъ, „яко воскъ предъ лицомъ огня“,

ибо быть признано за авторомъ его путемъ провѣрки единственнымъ для того органомъ—судомъ—оно не можетъ. Гдѣ-же тутъ право, вѣдь это — въ передачѣ Комиссiи, близкой къ печальной дѣйствительности—одно сплошное безправіе: типичное „*summum jus — summa injuria*“.

Оставляя въ сторонѣ „существенную новизну“, отмѣтимъ непослѣдовательность Комиссiи: дѣла техническія не подлежатъ общимъ судамъ: а искъ о похищеніи техническихъ изобрѣтеній (ст. 26 Положенія 1896 г. и ст. 581 Проекта Гражданскаго Уложенія) можетъ развѣ обойтись безъ разсмотрѣнія по существу техническихъ вопросовъ, и прежде всего вопроса о томъ, что похищено? Ссылка Комиссiи на иностранную практику неправильна, а именно: при порядкѣ явочномъ, за правильность выдачи отвѣчаетъ по суду администрація, но особенно ярко сказывается это при порядкѣ повѣрочномъ: для опредѣленія патентоспособности существуютъ или 1) смѣшанная Комиссiя изъ юристовъ и техниковъ, подчиненная суду: см. Германскій законъ *), или 2) смѣшанный патентный судъ (Австрія), или 3) патентный судъ въ связи съ общими инстанціями (Сѣв. Америка).

Недостатки и несообразности положительныхъ правовыхъ нормъ требуютъ открытой, легальной критики, а не слѣпого подчиненія имъ или обхода ихъ!

Комиссiя поясняетъ, что, на основаніи изложеннаго, она отдѣлила право изобрѣтателя отъ права автора вообще. Ссылка на то, что въ юридической литературѣ и въ законодательствахъ „привилегіи“ не подводятся подъ понятіе объ авторскомъ правѣ, несовсѣмъ точна: замѣтимъ, что, напримѣръ, Г. К. Побѣдоносцевъ противъ этого **).

Далѣе идутъ соображенія формальнаго свойства: что Положеніе о привилегіяхъ 1896 г. недавно пересмотрѣно; что все его включать цѣликомъ въ Проектъ было-бы неудобно, такъ какъ оно содержитъ много правилъ, не относящихся къ матеріальному Граж-

*) § 33. На Патентамъ есть апелляція въ Имперскій Судъ . . . . ; по § 34 состязательный процессъ въ Патентамъ подчиняется общимъ уставамъ судопроизводства.

**) См. „Курсъ гражданскаго права“, ч. I отд. IV, заголовокъ: „Права автора и изобрѣтателя“, стр. 664: „Изобрѣтателю предоставляется право на исключительное пользованіе своимъ открытіемъ и на удержаніе его за своимъ именемъ и личностью. Предполагается—съ юридической (?) точки зрѣнія, что изобрѣтатель долженъ имѣть право пользоваться тѣмъ, что произвелъ личными силами своего духа, пользоваться силой, которую самъ создалъ.... Впрочемъ, такъ же, какъ право литературной собственности, и это право не должно быть собственностью вѣчною и безсрочною“.

данскому праву. Комиссія полагаетъ, что и дѣлать его неудобно *), поэтому она рѣшила: оставить Положеніе въ Уставѣ о Пром. (Т. XI, ч. 2), а въ Проектъ перенести указанные выше положенія.

Затѣмъ идутъ объясненія частныхъ; останавливаться на нихъ не будемъ, такъ какъ недостатки этихъ матеріальныхъ положеній права подвергнуты критикѣ въ нашемъ докладѣ И. Р. Т. О-ву о пересмотрѣ закона и въ проектѣ патентнаго закона.

Считая доказаннымъ тождество по юридической природѣ правъ автора и изобрѣтателя, относящихся, какъ общее къ частному, чѣмъ мы вполне обязаны г. Ал. Пиленко, мы считаемъ необходимымъ подведеніе ихъ подъ одну рубрику съ правомъ авторскимъ. Намъ нечего стѣсняться, что за границей до этого не дошли; надо радоваться, что мы можемъ указать дорогу другимъ: будемъ смотрѣть впередъ, а не назадъ.

Сообразно съ этимъ выводомъ и считая, со своей стороны, доказаннымъ несущественность регистраціи, мы полагаемъ необходимымъ, въ виду уже рѣшеннаго пересмотра закона о патентахъ на изобрѣтенія, включить всю матеріальную часть его въ право авторское, перенеся процессъ, которому мы придали въ своемъ проектѣ судебную окраску (гдѣ распознаваніе правъ, тамъ роль суда—по г. Гредескулу), въ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства и поставивъ его въ судопроизводствѣ охранительномъ, вслѣдъ за вводомъ во владѣніе: Св. Зак. т. XVI, ч. I кн. IV разд. III. Положеніе о самостоятельномъ Патентномъ Присутствіи войдетъ въ Учрежденіе Министерствъ, а пошлины—въ Уставъ о пошлинахъ.

Къ вопросу о патентномъ правѣ близко примыкаетъ право на фабричные рисунки и модели, притомъ со стороны художественныхъ произведеній, почему соответствующее право должно бы было даже предшествовать праву патентному въ общей системѣ авторскихъ правъ, принятой Проектомъ Гражданскаго Уложенія.

Комиссія, приводя въ Проектѣ три статьи (582, 583 и 584) о правѣ на товарные знаки, мотивируетъ ихъ (буквально!) такъ:

„Въ связи съ правомъ на изобрѣтенія находится и право собственности на фабричные рисунки и модели. Постановленія по этому предмету, вошедшія въ Уставъ о Промышленности (т. XI ч. 2, изд. 1893 г. ст. 199—209), основаны, главнымъ образомъ

*) Однако, не только раздѣлила его, но и внесла нѣкоторыя измѣненія текста: сравните ст. 579 Проекта и ст. 1 Положенія, или конецъ ст. 581 Проекта и конецъ ст. 26 Положенія, на что по прочтеніи доклада было указано г-номъ Ал. Пиленко, подчеркнувшимъ кстати извѣстное всѣмъ юристамъ неудобство параллельныхъ и притомъ разнорѣчивыхъ правовыхъ нормъ.

на законѣ 11 іюля 1864 года (Полн. Собр. Зак. № 41044). Постановленія эти въ недавнее время подвергались пересмотру и замѣнены Высочайше утвержденными 26 февраля 1896 г. (Собр. Узак., № 31, ст. 395) правилами о товарныхъ знакахъ“.

Итакъ, Комиссія смѣшала „фабричныя рисунки и модели“ съ „товарными знаками“; это не описка, а смѣшеніе, такъ какъ въ Проектѣ Гражданскаго Уложенія выпали совершенно „фабричныя рисунки и модели“. Однако, эти статьи 199 — 209 Уст. о пром. остаются въ силѣ и подлежатъ замѣнѣ ст. 157 — 161 „о клейменіи издѣлій“ той-же части и тома *). Зато Комиссія внесла то измѣненіе, что срокъ для оспариванія товарнаго знака сокращается съ 3 лѣтъ на 2 года, „имѣя въ виду, что для спора о болѣе важномъ правѣ на привилегированное изобрѣтеніе . . . . Проектъ (ст. 581), согласно съ дѣйствующимъ закономъ (ст. 26 Положенія 1896 г.), назначаетъ только два года“.

Не только неточность, но явную неправильность ст. 26-й мы указали въ докладѣ нашемъ о пересмотрѣ закона; здѣсь позволимъ себѣ выразить лишь недоумѣніе, отчего Комиссія, не желая признавать аналогіи права изобрѣтателя съ правомъ автора, въ вопросѣ о товарныхъ знакахъ переносить прямо цѣлыя постановленія изъ одного института въ другой, не доказавъ аналогіи, которой въ сущности и нѣтъ. Товарные знаки—одно изъ средствъ для обезпеченія нормальной конкуренціи и къ творчеству не имѣютъ почти никакого отношенія. Это—мѣра обезпеченія повседневнаго фабрично-торговаго труда; мѣсто ихъ въ законахъ о добросовѣстной конкуренціи.

Очевидно, фабрично-заводскіе рисунки и модели (*Geschmacksmuster, dessins et modèles*), имѣющіе художественное значеніе и утилитарную цѣль: арматура и принадлежности освѣщенія, „*objets d'art*“ вообще, рисунки матерій и проч., должны быть охраняемы отъ копированія по крайней мѣрѣ по тѣмъ же нормамъ, какъ, на примѣръ, архитектурныя и др. произведенія. По составу и формѣ ихъ—мѣсто имъ непосредственно рядомъ съ архитектурными и др. композиціями.

У насъ это дѣло требуетъ тѣмъ болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія, что наша промышленность только теперь становится болѣе художественной, требуя защиты отъ нарушенія правъ на продукты творческаго труда. Разумное, а иногда даже излишне, казалось-бы, покровительственное отношеніе,—вотъ среда,

---

*) Примѣръ того, какъ неудобно при пересмотрахъ закона замѣнять отдѣльныя статьи, а не цѣлыя положенія.

въ которой развилась и теперь благоденствуетъ западно-европейская художественная промышленность и особенно удивляющая насъ промышленность французская. Наши школы—бар. Штиглица здѣсь, Строгановское училище въ Москвѣ и др. обезпечиваютъ насъ извѣстнымъ числомъ моделеровъ-рисовальщиковъ; кой-какіе успѣхи, въ смыслѣ проникновенія промышленности художественными требованіями, замѣтны уже и у насъ.

Вопросъ объ общепользныхъ образцахъ мы будемъ просить Комиссію при И. Р. Т. О-вѣ и Юридическое Общество разсмотрѣть съ точки зрѣнія желательности введенія ихъ. Мы лично за обезпеченіе такой, какъ въ Германіи,—сокращенной защиты,—въ видѣ противовѣса возможной строгости патентныхъ учрежденій и во избѣжаніе возможныхъ нареканій на нихъ, справедливость которыхъ не всегда можно и провѣрить.

Мѣсто этому—если угодно—„подъ-институту“ патентнаго права мы должны удѣлить въ непосредственной близости съ нимъ.

Самый институтъ патентнаго права слѣдуетъ считать входящимъ въ систему другихъ авторскихъ правъ; нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, по требуемому отъ изобрѣтателя количеству творчества, этотъ институтъ примыкаетъ къ собственно правамъ авторскимъ даже ближе, чѣмъ напримѣръ архитектурныя композиціи и фотографическіе снимки *).

Отмѣтимъ здѣсь заблужденіе G. Tard'a. Сравнивая искусство съ промышленностью („La logique sociale“, гл. IX, разд. VI), онъ исходитъ изъ посылки сомнительной правильности, что „желаніе промышленнаго потребленія существуетъ до своего объекта, а желаніе художественнаго потребленія ожидаетъ своего законченнаго выраженія отъ самаго своего объекта“. Развивая это частное противоположеніе, онъ приходитъ къ выводу, что искусство относится къ промышленности, какъ функція размноженія къ потребностямъ питанія.

Коренная ошибка G. Tard'a въ томъ, что онъ сравниваетъ часть одного съ противоположной частью другаго. Дѣйствительно, желанія, сформировавшіяся до потребленія или обыденныя, равно какъ и желанія создаваемыя (новымъ изобрѣтеніемъ, новымъ произведеніемъ), почти одинаково мыслимы и въ промышленности, и въ искусствѣ; но нельзя сравнивать, какъ это дѣлаетъ нашъ психологъ, обыденныя потребности техники съ прогрессирую-

*) Психологи подразумѣваютъ его стоящимъ вровень съ художественнымъ и научнымъ творчествомъ.

щими вѣянiями искусства. Ошибка эта тѣмъ болѣе непонятна, что въ „Lois de l'imitation“, гл. V, тотъ-же авторъ говоритъ:

„Промышленность отдѣлена отъ морали и эстетики своего времени лишь въ абстракціи. Если же мы ихъ соединимъ (какъ то и слѣдуетъ), то легко замѣтимъ, что между изобрѣтенiями и вообще новыми идеями, относящимися къ труду, нѣкоторыя, въ противоположность другимъ, способны къ безконечному прогрессу“ и т. д.

Различіе между питаніемъ и размноженіемъ существуетъ также лишь въ абстракціи, какъ принимаетъ біологія, но все-таки различіе между техникой и искусствомъ лежитъ въ цѣлевомъ различіи потребностей человѣчества инаго порядка, чѣмъ различіе питанiя и размноженiя. Дѣйствительно, и то, и другое проявляются одинаково и въ искусствѣ, и въ технической промышленности: въ обѣихъ областяхъ легко отдѣлить крайніе полюсы — прогрессирующія вѣянiя, идеи, образы, отъ рутиннаго воспроизведенiя предметовъ, идей, представленiй, при чемъ полюсы эти соединяются черезъ подражаніе, въ духѣ ученiя самого-же Тарда. Въ обѣихъ областяхъ не трудно усмотрѣть потому на фонѣ всеобщаго нивеллирующаго подражанiя: съ одной стороны — прогрессирующіе мотивы размноженiя, а съ другой стороны — мертвящія усилія рутины, инерціи. Но вѣдь, гдѣ нѣтъ смерти,—не можетъ быть жизни, и не потому-ли въ техникѣ ярче замѣтна эта тройственная смѣна функцій размноженiя, роста и смерти идей, что техника работаетъ надъ матеріальной природой, организуя ее?

Если Тардъ хотѣлъ доказать, что искусство есть любовь соціальной жизни,—и это повидимому близко къ истинѣ, то ему слѣдовало исходить изъ другихъ положенiй, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться.

Мы, вообще, сказали-бы, что отъ изобрѣтенiя, по укоренившемуся предразсудку, требуютъ слишкомъ много творчества, то въ видѣ эффекта, то качественно новаго дѣйствiя, то новой существенности (какъ слѣдуетъ понимать нашъ законъ) и т. п.

Все авторское право исходитъ изъ оригинальности произведенiя, а не изъ квалифицированнаго или отличимаго творчества; зачѣмъ-же идти дальше въ правѣ патентномъ: если содержаніе патента даетъ намъ признаки отличимые, по которымъ мы можемъ провѣрить новизну и тѣмъ установить оригинальность созданiя изобрѣтателя, чего намъ еще желать?

Вѣроятными объясненiями такихъ преувеличенныхъ требованiй отъ изобрѣтенiй можно считать: 1) желаніе избѣжать про-

цессовъ въ той области (наживы), гдѣ они наиболѣе разорительны и гдѣ, главное, постоянная неопредѣленность положенія ведетъ даже къ большому застою, чѣмъ случайная потеря *), и 2) главнымъ образомъ, вѣроятно, то обстоятельство, что, съ точки зрѣнія повѣрочныхъ Комиссій, лучше перестараться, чѣмъ недостараться **).

Установленіе полной аналогіи между правами авторскимъ и изобрѣтательскимъ должно способствовать искорененію и этой несправедливости.

Что-же касается мѣста законоположеній о товарныхъ знакахъ и о фирмѣ, то остается только пожалѣть, что положенія эти,—кстати сказать—при жидкой мотивировкѣ первыхъ и основательной — вторыхъ, — не объединены въ общемъ институтѣ, вмѣщающемъ законы о добросовѣстной конкуренціи.

Въ частности, предложенный нами проектъ новаго патентнаго закона составленъ по слѣдующей общей схемѣ, дающей возможность разбить его на четыре части:

- 1) Основныя положенія отойдутъ къ проекту новаго Гражданскаго Уложенія и займутъ мѣсто въ правахъ авторскихъ.
- 2) Процессъ можетъ быть включенъ въ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства, лучше всего въ судопроизводство охранительное.
- 3) Учрежденіе Патентнаго Присутствія придется отнести въ Учрежденіе Министерствъ, и
- 4) Пошлины — къ Уставу о пошлинахъ.

Къ вопросу объ общепользныхъ образцахъ, фабричныхъ рисункахъ и моделяхъ, а также, если удастся, и къ законамъ о добросовѣстной конкуренціи вообще, мы постараемся еще вернуться.

Заключительные тезисы доклада.

Положенія общія. 1. Изобрѣтеніе въ узкомъ смыслѣ (въ обыденномъ и юридическомъ значеніи) есть творческое нововведеніе въ прикладной части объективной дѣятельности человѣческаго духа.

2. Изобрѣтеніе (техническое) имѣетъ сходства и различія:

*) Оцѣнимъ съ этой точки зрѣнія продолжительность нашего патентнаго процесса, превышающую отъ дня заявленія до дня выдачи патента, за 1903 и 4-й гг., въ среднемъ,—32 мѣсяца и доходящую, въ отдѣльныхъ случаяхъ до: 75 (№ 4693), 90 (№ 4716), 95 (№ 4720), 121 (№ 4750), 69 (№ 4808) мѣсяцевъ.

***) Особенно, когда лучшія изъ нихъ, какъ напримѣръ германскія, страдаютъ органическимъ недостаткомъ, обращающимъ ихъ въ „juge-partie“: Ал. Пиленко „Examen préalable des inventions“.

а) съ научными открытіями—сходство по области ихъ проявленія и отличіе по цѣли: наука служитъ для оцѣнки, изслѣдованія явленій, техника—для осуществленія, приложенія—какъ явленій природы въ ихъ неразгаданной таинственности, такъ и раскрытыхъ наукой свойствъ ихъ; связью между тѣми и другими служитъ нерѣдко рабочій методъ, методъ индуктивный въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; б) съ произведеніями эстетики и прикладной этики — сходство по цѣли ихъ, по чисто-прикладному характеру—ради удовлетворенія потребностямъ человѣчества; различіе въ томъ, что техника удовлетворяетъ матеріальныя, а эстетика и этика — духовныя потребности человѣчества: склонность къ изящному и къ справедливому. Техника незамѣтно переходитъ въ эстетику и неразрывно связана съ ней—общностью матеріальныхъ средствъ.

Положенія частныя. 3. Авторъ всякаго новаго духовнаго произведенія (изобрѣтенія въ широкомъ смыслѣ) связанъ съ нимъ органически и неразрывно: „Chacun est maître et responsable de son oeuvre“ (Jobard)—этическое обоснованіе института авторскаго права, требующее признанія, на-ряду съ установленнымъ исключительнымъ правомъ распоряженія, и права на имя.

4. Право изобрѣтателя-техника: а) не отличается по субъекту отъ права автора эстета; б) отличаясь качественно, но вовсе не безусловно, отъ правъ на эстетическія произведенія по объекту, оно не можетъ быть отдѣлено отъ него, въ виду постепенности перехода; в) по содержанію правъ разсматриваемое право не отличается сколько-нибудь существенно отъ другихъ авторскихъ правъ, обладаая всѣми характерными свойствами ихъ.

5. Право автора-техника вмѣщаетъ права: а) на общепользные образцы (конкретныя изобрѣтенія вообще), какъ составную часть патентнаго права, и б) на фабричныя рисунки и модели (образцы художественной промышленности), — какъ переходъ къ произведеніямъ изящныхъ искусствъ.

Приложенія. 6. Посылки: Положеніе о привилегіяхъ (точнѣе—патентахъ) на изобрѣтенія 1896 г. сильно отстало отъ теоріи и жизни: а) въ основѣ — устанавливая право изобрѣтателя, не обезпечиваетъ его и не разграничиваетъ, ради возможности осуществленія ихъ, права изобрѣтателя и общества; примѣръ: техники, въ двухъ инстанціяхъ подсудные самимъ себѣ, удостоверяютъ права, которыя, безъ провѣрки ихъ судомъ, становятся абсолютными; б) съ точки зрѣнія юридической техники все Положеніе 1896 г. крайне несовершенно: матеріальная часть разработана не полно и переплетена съ дѣлопроизводствомъ; сбивчи-

вость, противорѣчія, недомолвки почти въ каждой статьѣ; в) практика: 1) всѣ основныя намѣренія Министерства Финансовъ, составившія цѣль пересмотра закона 1893—1896 гг.,—не привели къ существеннымъ результатамъ, въ силу несамоостоятельнаго учрежденія Присутствія (Министерство Финансовъ слишкомъ завалено массой прямой работы, чтобы удѣлять достаточно времени и вниманія этому, почти постороннему ему, но касающемуся всѣхъ областей нашей культуры—спеціальному дѣлу); 2) изобрѣтательность не должна быть обложена запретительнымъ налогомъ въ пользу другихъ вѣдомствъ: средства патентныхъ учреждений — пошлины — должны идти на потребности самихъ учреждений, на развитіе и улучшеніе ихъ.

7. Выводы: а) Проектъ Гражданскаго Уложенія оставилъ безъ необходимой обработки эту область правъ, по соображеніямъ формальнымъ, не совсѣмъ точнымъ, и упустилъ изъ вида всю иностранную литературу; б) Положеніе о патентахъ, желательный въ принципѣ законъ объ образцахъ и законъ о фабричныхъ рисункахъ и моделяхъ должны быть послѣ переработки включены (по п. 5) въ Гражданское Уложеніе; в) въ частности, проектъ законоположеній о патентахъ долженъ: отдѣлить матеріальную часть для включенія ея въ Гражданское Уложеніе цѣликомъ; отдѣлить процессъ, придавъ ему, особенно въ высшихъ инстанціяхъ, судебную окраску (и установивъ апелляцію и кассацію въ общихъ судебныхъ установленіяхъ) для отнесенія процесса въ Судопроизводство Охранительное; образовать административно и экономически самостоятельное Патентное Учрежденіе на правахъ Главнаго Управленія.

Вышеприведенные докладъ и проектъ закона о патентахъ на изобрѣтенія возбудили слѣдующія пренія въ Юридическомъ Обществѣ при И. Спб. Университетѣ, въ засѣданіяхъ 3 декабря 1904 г. и 11 февраля 1905 г. *).

А. А. Пиленко, останавливаясь на второй части доклада, гдѣ дѣлаются практическія предложенія, выражаетъ свое сочувствіе мысли докладчика о необходимости переработки Положенія 1896 года. Положеніе это было введено для ускоренія производства, а между тѣмъ въ техническомъ комитетѣ въ настоящее время находится 4000—5000 дѣлъ, которыя лежатъ почти безъ движенія. Одинъ изобрѣтатель получилъ первую бумагу по своему патентному дѣлу черезъ 7^{1/2} лѣтъ. Другой проситель, американецъ, когда ему черезъ 4

*) Перепечатано изъ „Вѣстника Права“ за Апрель 1905 г., съ несущественными поправками редакціоннаго характера.

года сообщили постановленіе Комитета, высказалъ благодарность, что у комитета такая прекрасная память, такъ какъ онъ самъ уже забылъ о своемъ изобрѣтеніи. Съ другой же стороны бываетъ, что патенты выдаются въ теченіе 1½ мѣсяцевъ. Явленіе непонятное. При такой общей медленности разрѣшенія просьбъ, казалось бы, должна была бы обеспечиваться основательность рѣшенія дѣлъ. Но и этого нѣтъ, такъ какъ въ теченіе засѣданія отъ 2 до 5 часовъ дня разрѣшается около 40 дѣлъ. Нерѣдко послѣ долгаго разсмотрѣнія и обсуждения дѣла присылается первая бумага (объявленіе), что въ выдачѣ патента отказано за недостаткомъ новизны изобрѣтенія. И такъ какъ при этомъ не дѣлается никакой ссылки, гдѣ есть подобное или похожее изобрѣтеніе, то проситель лишенъ возможности представить во вторую инстанцію какія либо объясненія, почему общее присутствіе Комитета утверждаетъ рѣшеніе отдѣла его. Жаловаться выше вообще не предоставлено. Несмотря на недостатокъ персонала, Комитетъ по техническимъ дѣламъ присваиваетъ себѣ одновременно работу, которая по закону на немъ вовсе и не лежитъ, а именно беретъ на себя рѣшеніе цивилистическихъ вопросовъ. Напримѣръ, патентодержатель долженъ въ извѣстное время привести свое изобрѣтеніе въ исполненіе, и Комитетъ требуетъ, чтобы онъ его объ этомъ извѣстилъ, въ противномъ случаѣ онъ лишаетъ его посредствомъ опубликованія—права на патентъ. Комитетъ разсматриваетъ также вопросъ о переходѣ патентнаго права къ другому лицу, т. е. исполняетъ функціи судебного характера. Затѣмъ въ законѣ говорится объ обязанности патентодержателей платить за патентъ каждый годъ извѣстную сумму. Комитетъ требуетъ не только платежа, но и присылки о томъ квитанціи. Всѣ привилегіи, по которымъ нѣтъ указаній о вносѣ платы, Комитетъ объявляетъ «подлежащими прекращенію». Въ это среднее состояніе между существованіемъ и прекращеніемъ Комитетъ относитъ также привилегіи уже *прекращенныя*, такъ какъ по многимъ изъ таковыхъ съ 1896 года не было сдѣлано ни одной публикаціи. Промышленность, благодаря этому, не знаетъ, существуетъ ли привилегія или она прекращена, чѣмъ въ правоотношенія вносится страшный хаосъ. Въ общемъ нужно признать, что законъ требуетъ немедленнаго же измѣненія, а затѣмъ и внесенія въ общую систему гражданскаго права.

М. П. Шафиръ *) считаетъ, что Положеніе 1896 года достаточно хорошо, но недостатки въ томъ, что законъ не исполняется.

А. А. Пиленко указываетъ на рядъ вопросовъ, совершенно не затронутыхъ въ старомъ законѣ (*Vorbenutzung*, лиценціи, экспроприаціи изобрѣтенія и др.), что доказываетъ болѣе глубокіе дефекты закона.

М. М. Винаверъ считаетъ, что главный недостатокъ закона 1896 г. есть предоставленіе вопросовъ патентнаго права вѣдѣнію совершенно несоответственнаго органа. Медленность, превышеніе компетенціи, отсутствіе провѣрки со стороны высшей инстанціи—все это моменты, сопровождающіе передачу

*) Составитель статей проекта Гражданскаго Уложенія о правахъ изобрѣтателя. *Авт.*

гражданскихъ вопросовъ въ вѣдѣніе административныхъ органовъ. Многія отрасли гражданско-правовыхъ отношеній, бывшія до сихъ поръ въ вѣдѣніи администраціи, переходятъ теперь къ суду. Акціонерное дѣло подчинено въ значительной мѣрѣ Министерству Финансовъ, а не гражданскому суду. Гражданское уложеніе вноситъ (должно внести?) рѣшительное измѣненіе въ это положеніе вещей и переноситъ (должно перенести?) эти вопросы въ вѣдомство суда. То же произошло съ опекой, попечительствомъ, многими вопросами наследственнаго права. Какъ ни молодо патентное право, но и его слѣдуетъ разсматривать, какъ подлежащее переносу въ судебное вѣдомство, съ принятіемъ въ патентномъ учрежденіи вмѣсто административнаго состава хоть смѣшаннаго, съ участіемъ экспертовъ, съ кассационной инстанціей, состязательнымъ порядкомъ и т. п. Переносъ патентнаго права въ Гражданское Уложеніе важенъ не только ради пополненія его недостатковъ, но также ради внѣдренія въ область цивилистики того, что къ ней относится по праву.

В. Я. Александровъ. Въ наукѣ существуетъ направленіе, стоящее за уничтоженіе патентнаго права, такъ какъ похитить можно не идею, а лишь ея примѣненіе. Чтобы урегулировать этотъ вопросъ, нужно исходить изъ общихъ разсужденій. Въ какомъ отношеніи стоитъ патентное право къ труду? Трудъ по Шмоллеру есть всякая умственная дѣятельность, примѣняемая при полезной работѣ. Понятіе труда, такимъ образомъ, и охватываетъ изобрѣтеніе, слѣдовательно, и изобрѣтатель имѣетъ право на идею. Но законодательство не даетъ права на идею—въ такомъ случаѣ право на частности неосновательно. Права связаны съ обязанностями, суть ихъ слѣдствія и измѣняются вмѣстѣ съ ними; изобрѣтатель имѣетъ извѣстныя обязанности и долженъ ихъ сперва исполнить, а потомъ уже можетъ получить извѣстныя права. Разъ законъ долженъ быть измѣненъ, то надо начать съ общихъ основъ переработки права, а потомъ можно будетъ перейти къ частностямъ. Докладчикъ положилъ въ основу своего реферата общую теорію, но на ней никто изъ оппонентовъ не остановился.

І. И. Карницкій. О проектѣ Гражданскаго Уложенія надо припомнить, что въ первоначальномъ проектѣ право на изобрѣтеніе было включено въ авторское право, какъ его видъ. Будучи внесено въ отдѣльный раздѣлъ, оно этого характера не потеряло. Что касается закона 1896 г., то по формальнымъ основаніямъ лучше бы не трогать его *). Проектъ Гражданскаго Уложенія былъ повсюду разосланъ, но отвѣтовъ по патентному праву, къ сожалѣнію, получено не было. Но до поступленія проекта въ Государственный Совѣтъ было бы желательно, чтобы такія замѣчанія были присланы. Въ заключеніе председатель предложилъ докладчику представить въ Юридическое Общество проектъ патентнаго закона, выработанный Техническимъ Обществомъ.

*) Повидимому это грубая ошибка г. стенографа. Мы ничего подобнаго отъ высокочтимаго І. И. не слышали. Эта фраза грубо противорѣчитъ не только всему сказанному І. И., но и приведенному здѣсь заключенію рѣчи его. *Авт.*

А. А. Пиленко. Обсужденіе доклада не интересно, но надѡ пожелать чтобы Юридическое Общество, въ виду неудовлетворительности Положенія 1896 года, помогло облечь въ юридическую форму положенія патентнаго права. Обсуждать проектъ постатейно—слишкомъ долго, если же разобрать общія положенія, то необходимо, чтобы докладчикъ формулировалъ ихъ. Чтобы облегчить эту задачу. А. А. Пиленко намѣтилъ рядъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ является необходимымъ: 1) По теперешнему закону выдача привилегій совершается административнымъ актомъ, способы обжалованія котораго крайне ограничены. Раньше ему думалось, что можно установить нѣчто вродѣ судебного порядка, который онъ затрудняется указать, но который долженъ былъ бы подходить къ нотаріату (?). Въ настоящемъ порядкѣ выдачи патента нѣтъ ни публичности, ни состязательности, все рѣшается согласно предложенію чиновника-докладчика. По мнѣнію же оппонента, тутъ должно быть установлено устное и публичное состязаніе между Правительствомъ, какъ заинтересованнымъ (по представительству отъ общества?) въ невыдачѣ привилегій, и изобрѣтателемъ, добывающимся таковыхъ. 2) Затѣмъ, если патентъ выданъ, онъ долженъ пережить стадію внесенія въ книги, причемъ это внесеніе должно имѣть извѣстныя юридическія послѣдствія. Поэтому слѣдуетъ выяснитъ, будетъ ли это внесеніе въ книги ипотечнымъ, и юридически построить обремененіе привилегій, совладѣніе патентомъ, дополнительные патенты (по аналогіи съ сервитутами) и т. п. 3) Третьимъ является вопросъ о лиценціяхъ. У насъ вопросъ о нихъ ставится формально, между тѣмъ какъ между лиценціатомъ и лиценціаромъ существуютъ сложныя юридическія отношенія, не предусмотрѣнныя въ законѣ. При этомъ слѣдуетъ также выяснитъ, между прочимъ, обязательна ли установленная лиценція для новаго владѣльца патента при его отчужденіи. 4) За этимъ слѣдуетъ обратиться къ матеріальнымъ условіямъ полученія патента, и выяснитъ, кто можетъ получить патентъ, какова юридическая сущность понятія новизны, не ограничиваясь огульнымъ отвѣтомъ, что все это вопросъ факта. 5) Далѣе стоитъ на очереди вопросъ о предварительномъ пользованіи (*Vorbenutzung*). Предположимъ, что какое нибудь лицо получаетъ патентъ на изобрѣтеніе, которое, независимо отъ него, давно изобрѣтено другимъ лицомъ, только не сдѣлавшимъ соответствующаго заявленія. Въ такомъ случаѣ первый заявитель, по нашему закону, имѣетъ право закрыть производство своего конкурента. Западныя законодательства, напротивъ, предоставляютъ послѣднему пользоваться изобрѣтеніемъ въ предѣлахъ его *Betrieb'a*, не расширяя такового. Предѣлы, устанавливаемые въ этомъ направленіи иностранными законами, не непременно разумны, но важенъ принципъ *Vorbenutzung*. Здѣсь возникаютъ, однако, осложненія по отношенію къ конвенціямъ. Предположимъ, я заявилъ свое изобрѣтеніе и работаю съ нимъ, и вдругъ является перувіанецъ, который въ моемъ государствѣ дѣлаетъ заявленіе *позже* меня, но имѣетъ *антидату* на цѣлый годъ въ своей странѣ. Такимъ дѣйствіемъ онъ совершенно разрушаетъ мое производство; между тѣмъ, запроситъ передъ заявленіемъ всѣ госу-

дарства, не было ли въ нихъ заявлено подобныхъ изобрѣтеній, невозможно. Поэтому онъ (А. А. П.) предложилъ на международномъ конгрессѣ 1900 г., чтобы лицо, желающее впоследствии на основаніи антидаты заявить въ какой либо странѣ свое изобрѣтеніе, посылало въ эти страны хоть названіе своего изобрѣтенія. Конгрессъ принялъ это предложеніе, но на конференціи оно не прошло.

А. П. Скородинскій напоминаетъ въ своемъ отвѣтѣ оппоненту, что состязательный процессъ намѣченъ у него въ видѣ предварительной экспертизы, которая уже сослужила хорошую службу въ Германіи и Австріи. Чиновникъ-докладчикъ разсматриваетъ дѣло, высказываетъ свои сомнѣнія о несоотвѣтствіи изобрѣтенія и заявленія закону и предлагаетъ изобрѣтателю обсудить ихъ. Тотъ пишетъ объясненіе, разсматриваемое снова экспертомъ, который затѣмъ опять дѣлаетъ свои замѣчанія и т. д. Извѣстное состязаніе такимъ путемъ обезпечивается. Когда это пререканіе окончено, дѣло вносится въ отдѣленіе заявленій, представляющее собой подобіе технического суда. Состязательный процессъ продолжается: членъ, ведшій это дѣло, даетъ свое заключеніе, а изобрѣтателя отдѣленіе вызываетъ для объясненій, если находитъ это нужнымъ. Отдѣленіе состоитъ преимущественно изъ техниковъ, но включаетъ также членовъ-юристовъ. Если заявитель несогласенъ съ мнѣніемъ отдѣленія, то онъ можетъ перенести дѣло въ отдѣленіе жалобъ, и его желаніе давать въ немъ свои объясненія должно быть уважено.—Что касается гласности разбирательства, то ея за границей нѣтъ, можетъ быть въ виду спеціальности этого дѣла. Но онъ желаетъ ея ради справедливости и уваженія къ рѣшеніямъ патентнаго учрежденія, для чего предлагаетъ ввести въ присутствіе делегатовъ отъ общества въ лицѣ техниковъ, не заинтересованныхъ въ патентахъ и не повѣренныхъ сторонъ. При этомъ онъ думаетъ, что эта новость обезпечитъ гласность и состязательность разбирательства, если делегатъ, какъ представитель общества, будетъ давать по дѣлу прокурорское заключеніе. Это снимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ судей обязанность быть прокурорами, тогда какъ за границей сами комиссіи считаютъ себя представителями общества и полагаютъ, что они противники заявителя.—По вопросу о регистраціи онъ долженъ признать, что юридическое значеніе ея очень велико. Въ этомъ отношеніи практика уже установила кое-какія положенія, но они должны мѣняться въ зависимости отъ личнаго состава даннаго учрежденія. Такъ, практика установила обязательность сдѣлки, внесенной въ реестръ, для сторонъ, но необязательность ея для третьихъ лицъ. Конечно, однако, какъ для заинтересованныхъ лицъ, такъ и для суда цѣннѣе наличность опредѣленныхъ нормъ вмѣсто колеблющейся практики. По поводу лиценцій общепринятыми являются положенія объ обязательныхъ лиценціяхъ и о возмездномъ отчужденіи, и эти положенія выставлены имъ. Онъ сдѣлалъ лишь добавленія о секретныхъ патентахъ, такъ какъ военное министерство противъ возмезднаго ихъ отчужденія. Странно отношеніе Государственнаго Совѣта къ обязательному отчужденію. Недостатки нашей военной

техники отчасти заключаются въ томъ, что всѣ военныя изобрѣтенія обязательно и безвозмездно отчуждаются, лишая тѣмъ изобрѣтателей всякой охоты работать въ этомъ направленіи. Въ связи съ этимъ докладчикъ указываетъ на ст. 176 положенія 1896 года, запрещающую выдачу привилегій на военныя изобрѣтенія и усовершенствованія, и высказывается за отмѣну этой статьи.

А. А. Пиленко цитируетъ упомянутую 176 статью и указываетъ, что главнымъ соображеніемъ для ея установленія была не тайна, а стремленіе обуздать чрезмѣрные аппетиты изобрѣтателей, всегда запрашивающихъ невѣроятныя суммы.— Вниманія заслуживаетъ также вопросъ объ изобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ рабочими. Нѣкоторые считаютъ, что вся природа рабочаго откуплена заводомъ, а потому всякое сдѣланное рабочимъ во время работы изобрѣтеніе достается заводу. Но съ этимъ толкованіемъ рабочаго договора, конечно, нельзя согласиться; докладчикъ говоритъ, что въ договорѣ найма должно быть указано, какое изобрѣтеніе включается въ договоръ, и какое нѣтъ. Но гораздо правильнѣе точка зрѣнія австрійскаго закона, признающаго за предпринимателемъ право на безмездное полученіе изобрѣтенія его рабочаго лишь тогда, когда лицо спеціально поставлено для изобрѣтеній или сдѣлало изобрѣтеніе въ сферѣ, непосредственно соприкасающейся съ его дѣятельностью. Въ остальныхъ же случаяхъ австрійскій законъ объявляетъ всѣ соглашенія между предпринимателемъ и рабочими недѣйствительными, чѣмъ въ сущности даетъ полное огражденіе интересамъ рабочихъ.

А. П. Скородинскій продолжаетъ отвѣчать на поставленные ему вопросы. Кто имѣетъ право на патентъ—этотъ вопросъ разрѣшается въ иностранныхъ законодательствахъ разнo, начиная съ перваго изобрѣтателя и кончая первымъ заявителемъ. Онъ же считаетъ, что правомъ на полученіе патента пользуется тотъ, кто, имѣя право на него, въ законномъ порядкѣ первый заявитъ его; это положеніе, конечно, можетъ быть развито. Добросовѣстность заявленія играетъ существенную роль.

М. М. Винаверъ считаетъ неправильнымъ положеніе докладчика, чтобы при выдачѣ патента само патентное учрежденіе требовало доказательства добросовѣстности заявителя *).

А. П. Скородинскій ссылается по вопросу о новизнѣ на ст. 4 проектированнаго имъ закона о патентахъ, гдѣ требуется, чтобы изобрѣтеніе не было открыто использовано, примѣнено или разглашено, не было заявлено за границей, не было на выставкѣ, не было подробно опубликовано и т. п.

А. А. Пиленко возражаетъ противъ казуистичности статьи, требуя отъ закона прежде всего простоты. Важно установить лишь срокъ и территориальное распространеніе изобрѣтенія.

А. П. Скородинскій говоритъ о трудности лавировать между общностью и опредѣленностью выраженія и предлагаетъ считать новизну исключенной при

*) Здѣсь какая-то неточность. *Авт.*

«общедоступности изобрѣтенія въ моментъ заявленія». — По вопросу о предварительномъ пользованіи онъ отсылаетъ къ статьѣ 7 своего проекта, гдѣ лицу или заведенію, добросовѣстно примѣнявшимъ изобрѣтеніе до его заявленія предоставлено — послѣ выдачи патента на него другому лицу — пользоваться изобрѣтеніемъ для своего промысловаго заведенія и вмѣстѣ съ таковымъ отчуждать его.

А. А. Пиленко отмѣчаетъ, что къ этой статьѣ въ Германскомъ законѣ прибавлено: то же право предварительнаго пользованія предоставляется и принявшимъ всѣ мѣры къ постановкѣ дѣла въ надлежащее положеніе для приведенія его въ дѣйствіе.

А. А. Скородинскій признаетъ справедливость этого расширенія, но склоненъ допустить правильность утвержденія, что изобрѣтатели могутъ по нѣсколько лѣтъ пользоваться изобрѣтеніемъ, а затѣмъ, лишь когда появится опасность разглашенія, дѣлать заявленія.

А. А. Пиленко настаиваетъ на томъ, что патентъ вообще представляетъ собой стѣсненіе, такъ какъ заставляетъ изобрѣтателей штудировать цѣлый классъ патентовъ. Патентъ не только запрещаетъ подражать, но запрещаетъ даже изобрѣсти (?) самостоятельно то же самое. Поэтому стѣсненіе этихъ ограниченій, налагаемыхъ патентами, посредствомъ *Vorbenutzung* должно быть вполне одобрено. Затѣмъ, А. А. Пиленко, опираясь на докладъ Скородинскаго и собственный опытъ, высказываетъ пожеланіе, чтобы были преданы гласности всѣ тѣ случаи неисполненія законовъ, медленности производства, ненужной канцелярщины и т. п., которыми полна патентная практика. Тутъ уже должна идти рѣчь не о недостаткахъ закона, а о злоупотребленіи имъ. Для примѣра можно указать на то, что при техническомъ комитетѣ для экспертовъ должна существовать библіотека, на которую отпускаются значительныя суммы. Но суммы эти ассигнуются гуртомъ, вмѣстѣ съ наградами писцамъ и другими расходами, и въ результатѣ въ библіотекѣ ничего, кромѣ официальныхъ описаній патентовъ, не имѣется. Далѣе дѣлаются огромныя упущенія по публикаціи: патенты, давно уже прекратившіеся, ждутъ публикаціи о томъ по 5—6 лѣтъ. Для проведенія изобрѣтенія вполне достаточно одного мѣсяца, а дѣла эти тянутся годами. Приводимыя докладчикомъ цифры типичны: длительность процедуры полученія патента въ среднемъ 32 мѣсяца, доходятъ иногда до 69, 75, 90, 95 и даже 121 мѣсяцевъ, и процедура эта насквозь проникнута произволомъ.

На запросъ А. Г. Воронова докладчикъ А. П. Скородинскій разъяснилъ, что подъ представительствомъ общества въ комиссіи онъ понималъ делегата, котораго онъ приравниваетъ къ присяжнымъ засѣдателямъ, но съ той разницей, что это представительство должно быть не коллегіальное, а единоличное. Цѣль его — освободить комиссію отъ прокурорскихъ функцій и придать ей больше самостоятельности. Теперь же существуетъ такая несообразность, что членъ, докладывавшій дѣло въ первой инстанціи, имѣетъ право голоса не только въ первой, но даже и во второй инстанціи.

М. М. Винаверъ обращаетъ вниманіе на способъ возникновенія Положенія о патентахъ 1896 года, которое было выработано безъ обращенія къ гласности, безъ использованія западно-европейскаго опыта и появилось сразу, со всѣми своими дефектами, почти обреченными его на мертворожденность. Причина этого, конечно, въ мертворожденности всей системы, создавшей его. Самый главный недостатокъ Положенія въ его процессуальной сторонѣ. Была создана канцелярія для опредѣленія права на патентъ, и люди ждали по 32 мѣсяца, пока получали отвѣтъ. Положеніе не создаетъ такого института, который давалъ бы авторитетныя судебныя толкованія, дѣйствовалъ гласно, публиковалъ рѣшенія и предоставлялъ критиковать ихъ. И въ то же время оно установило обжалованіе въ судебную инстанцію, которая не можетъ спасти законъ, такъ какъ его по всему его пути будетъ сопровождать характеристика канцелярскаго продукта (?) *). Кроме того, М. М. Винаверъ высказалъ нѣсколько мыслей по существу вопроса. Онъ склоняется въ пользу приданія судебному присутствію смѣшаннаго состава изъ техниковъ и юристовъ, изъ коихъ первые давали бы дѣлу специально техническое освѣщеніе, юристы же разрѣшали юридическіе вопросы. Что же касается эксперта-делегата, котораго предлагаетъ докладчикъ, да еще въ формѣ повинности (близкой къ повинности присяжнаго засѣдательства), то едва ли это удобная мѣра, такъ какъ до установленія такой повинности надо было бы убѣдиться въ ея необходимости. Установленіе же суда было бы и потому полезно, что общество въ цѣломъ заинтересовано въ уменьшеніи количества патентовъ, изобрѣтатели же—въ охраненіи ихъ интересовъ и судъ гарантировалъ бы равное вниманіе къ обѣимъ сторонамъ. При этомъ судебныя засѣданія по патентнымъ дѣламъ должны быть гласными, ибо важно не присутствіе случайнаго слушателя, а постоянная угроза оглашенія путемъ печати, а также широкаго доступа публики въ случаяхъ, заслуживающихъ общественнаго вниманія. Далѣе, чисто юридическимъ является вопросъ объ изобрѣтеніи рабочаго. Предложенная докладчикомъ въ этомъ направленіи статья не совсѣмъ ясна. Практика усвоила такой порядокъ, что все, что изобрѣтено рабочимъ во время дѣйствія договора найма, принадлежитъ хозяину. А. А. Пиленко, напротивъ считаетъ, что точное опредѣленіе въ договорѣ даетъ хозяину въ извѣстныхъ случаяхъ право на изобрѣтеніе. Но еще правильнѣе то расширеніе, которое указываетъ г. Пиленко, выставляя принципъ, что изобрѣтеніе—если къ нему рабочаго не обязываетъ его дѣятельность—во всѣхъ случаяхъ не можетъ считаться собственностью хозяина, хотъ бы оно было сдѣлано при пользованіи его машинами или на самихъ этихъ машинахъ. Слишкомъ дробно затѣмъ очерчено у докладчика понятіе «новизны», оно должно быть взято общиѣе, и для этого можно было бы выдѣлить и выставить принципъ,

*) Это повидимому неточно передано. Если оппонентъ имѣлъ въ виду Сенатъ, то не надо забывать, что жалоба на дѣйствія Комитета вносится туда административнымъ порядкомъ, и по поводамъ, имѣющимъ мало общаго съ кассацией судебныхъ дѣлъ. *Авт.*

закрывающійся въ пунктѣ б статьи 4 выработаннаго докладчикомъ проекта—именно, «возможность для свѣдущихъ людей воспроизвести характерные и основные признаки изобрѣтенія».—Что касается проекта внесенія патентовъ въ книги, то предложеніе это вполне также осуществимо, ибо проектъ Гражд. Уложения знаетъ уже занесеніе въ книги акціонерныхъ компаній и т. п. Цѣль этого внесенія лишь декларативная, если же придать ему ипотечный характеръ, то нужно это дѣло поставить особо, ввести передачу, обремененіе патентовъ, залоговое право на патенты и проч.

А. А. Пиленко высказываетъ мысль, что у насъ преслѣдуется не только цѣль нотификаціи, но и установленіе послѣдовательности обремененія, что разсчитано на увеличеніе оборотливости патентовъ.—Г. Пиленко возражаетъ затѣмъ противъ той многочисленности инстанцій, которую предлагаетъ проектъ (отдѣленіе заявленій, отдѣленіе жалобъ, судебная палата и сенатъ).

Въ заключеніе предсѣдательствующій подтвердилъ желательность подчиненія патентныхъ дѣлъ состязательному, гласному, общему для всѣхъ суду и выразилъ докладчику отъ имени всѣхъ собравшихся благодарность.

Въ виду приведенныхъ выше замѣчаній мы рѣшили переработать вновь проектъ закона о патентахъ на изобрѣтенія въ глубокомъ убѣжденіи, что основательность въ такомъ дѣлѣ должна стоять на первомъ планѣ, да и торопиться съ этимъ нечего, принимая во вниманіе, что наше отечество возмущено теперь вопросами основнаго—общаго и кореннаго—неустройства, изъ котораго, дастъ Богъ, оно выйдетъ съ честью. Тогда рѣшимъ наши болѣе мелкія дѣла: довлѣетъ-бо дневи злоба его!

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ КНИГА:

А. СКОРОДИНСКІЙ.

ПРИВИЛЕГІИ И ПАТЕНТЫ.

ПОСОБІЕ

для

ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И ПРОМЫШЛЕННИКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

(Начала патентнаго права и общія практическія замѣчанія).

Введеніе.

- § 1. Краткій историческій очеркъ развитія патентнаго права.
- § 2. Патентная система и другія формы обезпеченія правъ изобрѣтателей: награды, участіе общества за вознагражденіе, безпатентная система, фабричныя секреты.
- § 3. Краткій очеркъ русской литературы о патентахъ.

Глава I. Право изобрѣтателя до полученія патента.

- § 1. Вступленіе.
- § 2. Кто имѣетъ право на полученіе патента. Передача правъ на патентъ.
- § 3. На что патентъ можетъ быть выданъ: сущность изобрѣтенія, его новизна (опубликованіе, разглашеніе, опыты, использованіе) и патентоспособность въ узкомъ смыслѣ.
- § 4. Сущность правъ изобрѣтателя.
- § 5. Практическіе выводы: сохраненіе новизны и повѣрка ея. Послѣдовательный порядокъ заявленій въ нѣсколькихъ странахъ.

Глава II. Удостоверение правъ изобрѣтателя на патентъ.

§ 1. Системы выдачи: явочная, вызывная, повѣрочная, повѣрочно-предупредительная.

§ 2. Определеіе логическаго содержанія или сущности изобрѣтенія („предметъ привилегіи“). Патенты основные, дополнительные и зависимые, патенты на введеніе изобрѣтеній; патенты на общепользные образцы.

§ 3. Описаніе и чертежи, довѣренности.

Глава III. Право изобрѣтателя по полученіи патента.

§ 1. Кому долженъ принадлежать патентъ. Совладѣльцы патентовъ. Переуступка правъ.—Практическіе выводы.

§ 2. Что защищаетъ патентъ и въ чемъ эта защита состоитъ.

§ 3. Удержаніе патентовъ въ силѣ.

§ 4. Нарушеніе правъ патентодержателя.

§ 5. Прекращеніе правъ по патентамъ.

§ 6. Заключение.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Положеніе о привилегіяхъ 1896 г., объясненное въ порядкѣ статей и другія дѣйствующія въ Россіи постановленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Патентные законы и практика въ важнѣйшихъ странахъ, въ систематическомъ изложеніи: Австрія, Англія, Бельгія, Венгрія, Германія, Данія, Испанія, Італія, Канада, Норвегія, Португалія, Сѣв.-Ам. Соед. Штаты, Турція, Финляндія, Франція, Швейцарія, Швеція, Японія, Международный Союзъ.

Законоположенія каждой изъ странъ для сравненія ихъ и вообще для удобства пользованія этими таблицами разбиты на слѣдующія рубрики:

I. Кто можетъ получить патентъ.

II. Что можетъ составлять предметъ патента.

III. Понятіе новизны.

IV. Требуемые документы.

V. Порядокъ выдачи патентовъ.

VI. Начало дѣйствія патентовъ, сроки и платежи.

VII. Обязательное осуществленіе, обозначеніе и ввозъ.

VIII. Отчужденіе и передачи права пользованія (лиценціи).

IX. Нарушеніе правъ и возстановленіе ихъ.

X. Ничтожность и недѣйствительность патентовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Краткій разбор нѣсколькихъ русскихъ патентовъ.

Подробные примѣры веденія дѣлъ о патентахъ въ Германіи, взятые изъ практики: заявленныя описанія, послѣдовательныя постановленія предварительной экспертизы и возраженія на нихъ и т. д., вплоть до рѣшенія отдѣленіемъ заявленій Патентнаго присутствія вопроса о выдачѣ патента, съ чертежами на трехъ отдѣльныхъ листахъ, форматомъ 33 на 42 см.

Цѣна 3 руб.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Подольская, 10) за пересылку не платятъ.

Авторъ принимаетъ порученія:

- 1) По ходатайствованію патентовъ на изобрѣтенія во всѣхъ странахъ;
- 2) По составленію и ходатайствамъ объ утвержденіи уставовъ акціонерныхъ обществъ и др. кооперацій.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

«ST.-PETERSBURGER ZEITUNG», 1904 г., № 284. (Переводъ съ нѣмецкаго).

Русская литература о патентномъ правѣ не обширна, при чемъ большинство появившихся изданій или недостаточно полно или вслѣдствіе спеціальнаго изложенія трудно доступно большой публикѣ. Правильное-же пониманіе подлежащихъ законоположеній, какъ и знаніе ихъ текста и примѣненія къ процессу веденія дѣлъ, — при полученіи патентовъ, при подачѣ протестовъ и при промышленномъ использованіи изобрѣтеній — являются безусловно необходимыми, такъ какъ иначе изобрѣтатели и промышленники могутъ подвергаться различнымъ затрудненіямъ и матерьяльнымъ убыткамъ. Въ виду этого мы можемъ горячо рекомендовать недавно появившійся трудъ г. А. Скородинскаго....

Послѣ общаго введенія авторъ разсматриваетъ въ трехъ главахъ (I. Право изобрѣтателя до полученія патента, II. Удостовереніе правъ изобрѣтателя на патентъ и III. Право изобрѣтателя по полученіи патента) — все патентное дѣло. Внимательное изученіе этихъ, изложенныхъ общедоступнымъ языкомъ, отдѣловъ, съ многочисленными сравнительными ссылками на соответствующее положеніе вещей въ прочихъ культурныхъ странахъ — особенно рекомендуется заинтересованнымъ лицамъ. Эти отдѣлы, по нашему мнѣнію, не должны быть разсматриваемы какъ справочникъ, а должны быть прочитываемы сплошь, такъ какъ назначеніе ихъ состоитъ очевидно въ томъ, чтобы дать заинтересованнымъ лицамъ предварительную общедоступную юридическую подготовку, которая, облегчила-бы — при обращеніи къ отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ — правильное ихъ пониманіе. Слѣдующая часть книги заключаетъ въ себѣ русский патентный законъ, которому приданъ — статья за статьей — подробный комментарий. Безусловно надо признать, что авторъ въ своемъ

комментаріи при представляючихся случаяхъ предупреждаетъ читателей объ затрудненіяхъ, возникающихъ въ силу пробѣловъ и неточностей русскаго патентнаго закона.....

Далѣе авторъ даетъ обзоръ патентныхъ законовъ остальныхъ культурныхъ странъ, причемъ указывается также, какіе документы прилагаются къ заявленіямъ о патентахъ. Заключение составляютъ нѣсколько примѣровъ изъ практики.

«Горно-Заводскій Листокъ», 1904 г., № 41-й.

Если для предпріятія интересъ права примѣненія новаго открытія и изобрѣтенія имѣетъ огромное значеніе? особенно при современной бѣшеной конкуренціи, то для изобрѣтателя пріобрѣтеніе права пользованія привилегіей имѣетъ еще большее значеніе... Самое исходатайствованіе выдачи привилегіи и охраны ея требуетъ извѣстнаго установленнаго закономъ процесса и мѣропріятій. Знакомство со всѣмъ этимъ необходимо каждому изобрѣтателю. Поэтому нельзя не отнестись сочувственно къ недавно вышедшему сочиненію г. А. Скородинскаго подъ заглавіемъ „Привилегіи и патенты“. Цѣль изданія, какъ говоритъ г. Скородинскій: — „предупредить тѣ неприятыя, а иногда и несчастныя послѣдствія, которыя, какъ показываетъ опытъ, къ сожалѣнію весьма не рѣдки, вслѣдствіе почти полнаго незнанія русскими изобрѣтателями своихъ правъ“. Въ книгѣ г. Скородинскаго помѣщенъ историческій очеркъ развитія патентнаго права, очеркъ русской литературы о патентахъ, три главы сочиненія посвящены разсмотрѣнію вопросовъ о правѣ изобрѣтателя до полученія патента, объ удостовѣреніи правъ на патентъ и о правѣ изобрѣтателя по полученіи патента. Въ приложеніяхъ помѣщены: русскій законъ о привилегіяхъ, патентные законы и практика въ иностранныхъ государствахъ и наконецъ разборъ нѣсколькихъ русскихъ патентовъ и примѣры практики веденія дѣла о патентахъ въ Германіи. Книга г. А. Скородинскаго имѣетъ значеніе, какъ научнаго сочиненія, посвященнаго патентному праву, такъ и практическаго руководства для изобрѣтателей и промышленниковъ. И въ томъ и другомъ отношеніи задача исполнена хорошо и надо пожелать этому полезному изданію самаго широкаго распространенія.

«Новое Время», 1905 г., № 10364.

Прекрасный, вполне общедоступно и практически составленный трудъ г. Скородинскаго въ самомъ дѣлѣ является надежнымъ пособіемъ для изобрѣтателей, всегда нѣсколько беззаботныхъ и еще чаще неправедно мыслящихъ по всему циклу понятій и правъ, сопровождающихъ каждое открытіе, какъ до полученія на него привилегіи, такъ и послѣ, въ фазѣ его эксплуатированія. Изложивъ самую теорію права изобрѣтателя на свою творческую мысль въ ея конкретномъ выраженіи, большею частью руководясь прекраснымъ сочиненіемъ г. Ал. Пиленко „Право изобрѣтателя“, авторъ этого пособія даетъ указанія, какъ получить сначала охранительное свидѣтельство, а затѣмъ уже по надлежащемъ разсмотрѣніи новаго изобрѣтенія по его сущности властями, привилегіи вѣдающими, и самый патентъ. Особенно цѣнно въ этой работѣ систематическое изложеніе дѣйствующихъ въ другихъ странахъ на этотъ счетъ законовъ и понятій, причемъ авторъ очень кстати и любезно указываетъ изобрѣтателямъ послѣдовательный порядокъ пріобрѣтенія привилегій на ихъ изобрѣтенія за границей и въ Америкѣ, съ такимъ расчетомъ, чтобы заплатить какъ можно менѣе пошлинъ и получить какъ можно болѣе правъ. Это особенно важно въ виду того, что послѣ выдачи, а кое-гдѣ даже и до этого, привилегіи въ однихъ странахъ выставляются на публичное разсмотрѣніе, между тѣмъ въ другихъ не выдаютъ вовсе привилегій изобрѣтеніямъ, въ какой бы то ни было формѣ ставшимъ извѣстными большой публикѣ.....

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

**ПРИВИЛЕГІИ И ПАТЕНТЫ, ПОСОБІЕ ДЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И
ПРОМЫШЛЕННИКОВЪ.**

(СОДЕРЖАНІЕ ПОСОБІА И ОТЗЫВЫ О НЕМЪ ПЕЧАТИ СМ. ВЪ КОНЦѢ ТЕКСТА ЭТОЙ БРОШЮРЫ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У К. Л. РИККЕРА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 14.

**DAS RUSSISCHE PATENTGESETZ IN SEINER PRAKTISCHEN
ANWENDUNG.**

ЦѢна 50 коп.

Аг-1991

3-й экз.

СКЛАДЪ БРОШЮРЪ У АВТОРА, СПБ. ПОДОЛЬСКАЯ, 10.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ПОСОБІЕ ИЛИ БРОШЮРЫ ОТЪ АВТОРА ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.